ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3(5) 2017

ISSN 2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические и экономические науки

ISSN 2500-3372 (print) ISSN 2542-1190 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Политические, социологические и экономические науки

2017 № 3(5)

Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.
Редакционная коллегия:
Морозова Е. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
Series: Political, Sociological and Economic Sciences

2017 no 3(5)

Founded in 2016

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair;
O. O. Babich, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.
Editorial board:
E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Молодёжная политика и молодёжные организации: понятие и основные подходы
Александр А. Митин *4*

Региональная политика государств в отношении ресурсо-ориентированных периферийных территорий: опыт Аргентины в отношении Патагонии в сравнении с политикой России по отношению к Сибири
Арсений Н. Фартышев *14*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Этническая идентичность кузбассовцев (по результатам социологического исследования)
Елена А. Морозова, Оксана П. Кочнева, Анна В. Сухачева *19*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Туристская привлекательность как фактор диверсификации экономики ресурсного региона
Ольга А. Брель, Филипп Ю. Кайзер *25*

Оценка туристско-рекреационного потенциала и туристской привлекательности в контексте устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа
Ульяна А. Загуменная *29*

Современное состояние и перспективы развития рынка рыбы и рыбных товаров в России
Юрий Н. Клещевский, Мария А. Николаева, Ольга А. Рязанова *34*

Развитие российского Дальнего Востока как локомотив роста экономики страны
Андрей Б. Коржук *43*

Анализ клиентов в системе управления дебиторской задолженностью
Екатерина В. Коробейникова *49*

Противоречия, проблемы и особенности инвестиционной деятельности Банка России
Александр М. Матросов *55*

Количественный анализ инвестиционных процессов в регионах с использованием метода огибающих кривых
Анастасия В. Мядзелец, Александр К. Черкашин *63*

Основные направления роста удовлетворения потребностей населения в продуктах питания
Юлия С. Незнакина *70*

Основные подходы к формированию информации в интегрированной отчетности
Рашида Т. Унщикова, Егор А. Кириенко *76*

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Youth Policy and Youth Organizations: Concept and Main Approaches
Alexander A. Mitin *12*

Regional Policy of the States towards their Resource-Oriented Peripheries: Experience of Argentina in the Development of Patagonia in Comparison with the Russian Policy towards Siberia
Arseny N. Fartyshev *17*

SOCIOLOGY SCIENCE

Ethnic Identity of Kuzbass Residents (Based on the Results of a Sociological Survey)
Elena A. Morozova, Oksana P. Kochneva, Anna V. Sukhacheva *23*

ECONOMICS SCIENCE

Tourist Attractiveness as a Factor in the Economic Diversification of a Resource region
Olga A. Brel, Phillip Yu. Kaiser *28*

Assessment of Tourism Potential and Tourist Attractiveness in the Context of Sustainable Development of the Yamal-Nenets Autonomous District
Ulyana A. Zagumennaya *33*

Current State and Prospects of the Fish and Fish Goods Market Development in Russia
Yury N. Kleshchevsky, Maria A. Nikolaeva, Olga A. Ryazanova *41*

Development of the Russian Far East as a Locomotive for the Economic Growth of the Country
Andrey B. Korzhuk *48*

The Analysis of Clients in the Control System of Receivables
Ekaterina V. Korobeinikova *54*

Contradictions, Problems and Special Aspects of Investment Activity of the Bank of Russia
Alexander M. Matrosov *61*

Quantitative Analysis of Investment Processes in Regions Using the Method of Envelopes
Anastasia V. Myadzelets, Alexandr K. Cherkashin *69*

The Basic Directions of Satisfaction Growth in Food Demands
Yulia S. Neznakina *74*

Main Approaches to Information Presentation in Integrated Reporting
Rashida T. Unshchikova, Egor A. Kirienko *80*

УДК 329.058(470+571)

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА И МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

***Александр А. Митин*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *james_cold@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 21.12.2017.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, концепции молодёжи, левые молодёжные организации, политические партии, общественные объединения, политическое участие.

Аннотация: Статья знакомит читателя с исследованиями российских и зарубежных авторов относительно положения и роли молодёжи, молодёжной политики и молодёжных организаций в общественно-политической структуре. По мнению автора статьи, в зависимости от конкретных форм, направлений работы и методов деятельности применительно к современному этапу развития молодежных организаций целесообразно выделять три группы молодежных движений: умеренные, центристские и радикальные. В последние годы изучение данного термина все более перемещается из социально-психологической в политическую плоскость. По нашему мнению, всё это связано с ростом политической культуры молодёжи, желанием быть востребованными в выбранном профессиональном плане специалистом, готовностью выступать не только объектом социально-политических процессов, но и активным субъектом политических изменений в государстве. Поэтому в этой связи все более широкое применение в российской политической практике находит термин «левые молодежные организации», который необходимо связывать с работой главным образом умеренных и радикальных молодежных движений и организаций, уделяющих основное внимание в своих программных документах вопросам справедливости в общественной сфере, принципам солидарности и интернационализма.

Для цитирования: Митин А. А. Молодёжная политика и молодёжные организации: понятие и основные подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 4–13.

Молодёжная политика как составная часть государственной политики сформировалась во второй половине XX века. Начиная с 60–70-х гг. XX века в трудах отечественных социологов разрабатывались и исследовались фундаментальные обобщающие понятия и методы изучения молодежной общественной жизни. Таким образом, с момента своего оформления до настоящего времени в российской науке доминирующим подходом в определении понятия «молодежная политика» остается именно социологический подход. В вышеназванный период изучение молодого поколения происходило главным образом в рамках социологического анализа, что нашло свое непосредственное выражение в следующей тематике опубликованных трудов и исследований: молодёжь как объект, субъект политической и социально-экономической жизни общества, роль молодого поколения в общественно-политической структуре социума, мероприятия по профессиональной и политической социализации молодёжи.

В 1980-е гг. в Советском Союзе, после начала процесса институционализации государственной молодёжной политики, она стала рассматриваться в двух основных значениях: «система идей, директивы действия и теоретические положения относительно роли и места молодёжи в социалистическом государстве; практическая деятельность партии, общественных организаций, государства и других общественных институтов по осуществлению этих идей, директив и положений в целях формирования и развития молодого поколения, реализации её творческих потенций в интересах строительства общества» [1, с. 377].

В коллективном советском исследовании «Человек и общество: социальные проблемы молодежи» (1969) молодое поколение определяется как «общественная группа, которая обладает «открытостью», определенной свободой выбора своих позиций и принятия на себя различных социальных ролей» [2, с. 12]. Уже в 1996 г. В. Т. Лисовский вносит корректировку в трактовку молодого поколения. Согласно В. Т. Лисовскому, «молодежь – это поколение, проходящее стадию социализации, усваивающее, а в более зрелом возрасте уже усвоившее, профессиональные, образовательные, культурные и другие общественные функции» [3, с. 13].

Современные российские социологические трактовки к определению молодежной политики и молодого поколения представлены в трудах В. В. Павловского и Н. А. Чистяковой.

По взглядам Н. А. Чистяковой, «молодое поколение как специфическая социально-демографическая группа имеет ряд особенностей, вытекающих, главным образом, из самой её объективной сущностной характеристики. Общественные особенности молодого поколения определяются специфической ролью, которую она играет в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и изменять уже сформированные социальные взаимоотношения, то есть потенциальными сущностными силами молодёжи» [4].

В. В. Павловский даёт более широкое определение молодого поколения, используя при этом социологические характеристики данного феномена. Так, ученый формулирует, что молодое поколение – это «особая биосоциальная возрастная группа людей от 13–14 до 29–30 лет (мужской и женский пол), которая занимает переходное положение между социальными общностями людей подросткового и зрелого возрастов; представляет собой возрастное образование, включающее в себя 17 годовых подгрупп, объединяемых в 4 стадиальные крупные подгруппы, которые обладают спецификой осуществления и освоения молодежных возрастно-ориентированных программ и проектов; определяются природной средой, конкретно-историческим социумом с его общественной формацией, государственным строем, цивилизацией и другими характеристиками общественного развития… Это социальная группа, которая выражает в себе классовую, этническую, социально-групповую и другую актуально значимую структуру того или иного социума. Это самая старшая по возрасту часть первого поколения социума, это исторически и генетически необходимое особое специфическое общественное звено в поколенческой преемственности как формы существования общества» [5].

Похожие взгляды наблюдаем у ряда других отечественных исследователей, изучающих проблематику молодого поколения и исследующих понятие «молодежная политика» главным образом с позиций общественной структуры, причем очень часто молодежная политика обозначается как составной элемент политики социальной, не имеющий своей самостоятельной роли (например, работы М. Г. Антонова).

С юридическо-правовой точки зрения существует три базовых подхода к определению понятия «молодого поколения»: во-первых, согласно «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р) возрастные рамки молодого поколения относятся к 14–30 годам, во-вторых, согласно федеральным программам к молодёжи относится люди в возрасте от 14 до 35 лет, в-третьих, по уставу Российского союза молодежи (РСМ), одной из самых массовых, негосударственных, некоммерческих, неполитических молодёжных объединений России, членом данной организации может быть молодой человек в возрасте от 14 до 30 лет, но соотнесение к молодому поколению может быть продлено, если член РСМ избран в органы руководства этой организации. В самые последние годы на уровне регионов все большее распространение получил именно второй подход, который относит к молодому поколению людей в возрасте от 14 до 35 лет.

В энциклопедии «Социология молодежи» (2008) наряду с социологической интерпретацией, согласно которой молодежная политика – это отношение социума, различных его слоев, групп, общественных институтов к молодёжи как к социальной группе, а также самой молодёжи к другим общественным слоям и группам, общественным институтам и т. д., представлено таким образом общественно-политическое понимание молодёжной политики государства. Согласно второму подходу молодежная политика – «это особое специфическое направление деятельности государственного организма, политических партий, общественных организаций, движений и прочих субъектов социальных взаимоотношений, имеющее главной своей целью определённым способом воздействовать на общественное развитие и социализацию молодого поколения, а через это – на будущее состояние всего общества» [3]. Однако стоит заметить, что в рамках второго подхода молодежная политика определяется скорее не как конечная цель, а как способ социализации молодого поколения, используемое современным государственным строем.

Вероятно, ближе других именно к политической трактовке подошли П. В. Забелин и В. А. Луков. Так, по взглядам П. В. Забелина, молодёжная политика – это стратегия и тактика молодёжного движения [6], В. А. Луков же изучает молодёжную политику как способ участия молодого поколения в процессе смены и преемственности поколений [7].

Основной целью государственной молодёжной политики является формирование базовых условий для всецелой реализации и развития возможностей, потенций и способностей молодёжи и всего поколения не столько для своих собственных социальных интересов, но и в интересах всего социума. Поэтому справедливо, что для воплощения и реализации поставленных целей и задач она должна содержать в себе все главные направления образовательной структуры, здравоохранения, физкультуры и спорта, средств массовой информации, культуры и т. д.

Основная трудность состоит в том, что решающая роль при определении приоритетов в области молодежной политики принадлежит нашему государству и его институтам, а не общественным объединениям, которые не могут вписаться в сложившуюся политическую систему. События конца 2011 – начала 2012 гг. продемонстрировали, что организации молодёжи не согласны со сложившимся порядком вещей и прилагают значительные усилия и попытки, чтобы данную ситуацию поменять. Можно обозначить и определенные политические результаты, достигнутые при непосредственном участии молодежных организаций радикальной направленности: во-первых, это изменение порядка избрания губернаторов (в октябре 2012 г. прошли первые прямые выборы губернаторов России) [8], во-вторых, процедура выборов приобрела более «прозрачный» характер (установка веб-камер на избирательных участках на президентских выборах в марте 2012 г.).

Следует согласиться с точкой зрения И. М. Ильинского, согласно которому молодёжную политику чисто формально можно разделить на две главные составляющие в зависимости от субъекта деятельности: государственную молодёжную политику и общественную молодёжную политику.

Рассмотрим, что такое *государственная молодёжная политика*. В соответствии с действующим законодательством России, а именно – «Основными направлениями государственной молодёжной политики в Российской Федерации», утверждёнными Постановлением Верховного Совета РФ № 5090-1 от 03.06.1993, в главе 1 даётся определение понятия «государственная молодёжная политика». Под «государственной молодёжной политикой» понимается «деятельность государства, нацеленная на формирование экономических, правовых, организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и саморазвития молодёжных инициатив и движений» [9].

Государственная молодёжная политика как одна из сфер государственной деятельности направлена на выражение по отношению к молодому поколению стратегиче-

ской линии развития государства, нацелена «на обеспечение политического, социально-экономического и культурного развития Российской Федерации, на формирование у молодых людей патриотизма и уважения к истории и культуре родного отечества, к другим народам, соблюдению прав человека и гражданина. Она представляет из себя меры регулирования государственными институтами межпоколенческих взаимоотношений, занимается координацией процесса преемственности поколений, наращиванием человеческого капитала в интересах людей и развития всего общества» [9]. Другими словами, государственная молодёжная политика – это общее социальное дело, касающееся не только государственных органов, но и прочих институтов политической системы общества: политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, бизнес-корпораций. Без постоянного развития и взаимообогащения себя общественной молодёжной политикой государственная молодёжная политика рискует очень быстро формализоваться, при этом приобретая все признаки, свойственные государственному бюрократическому аппарату.

Объект государственной молодёжной политики в соответствии с действующими законами – это граждане России, включая лиц с двойным гражданством, иностранных граждан и лиц без гражданства в возрастных рамках от 14 до 30 лет; молодые семьи (семьи в первые три года после заключения официального брака (если в случае рождения детей – без каких-либо ограничений продолжительности брака), при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста, также неполных семей с детьми, в которых мать или отец не достигли 30-летнего возраста; молодёжные организации и движения. В законодательно-правовом поле субъектами государственной молодёжной политики являются государственные органы власти и управления и их должностные лица; молодёжные объединения, организации, движения, их ассоциации, а также сами молодые люди.

В теории молодёжной политики возможно выделить три субъекта и модели государственной молодёжной политики: федеральная, региональная и муниципальная. Каждая из них имеет свою собственную специфику по реализации. Государственная молодежная политика как межотраслевая сфера государственного управления подразделяется на следующие подотрасли: экономика, образование, здравоохранение, культура, физкультура и спорт, рекреация. Она направлена на социальное формирование, социализацию молодёжи, образование морально-этических, ценностных ориентаций, взглядов и позиций молодого поколения.

Рассмотрим теперь понятие общественной молодёжной политики. *Общественная молодёжная политика* – это «система идей, взглядов по поводу молодого поколения и его месте и роли в социальном развитии и структуре, а также практических действий других различных структур гражданского общества, нацеленных на реализацию этих идей и взглядов в социальную жизнь для достижения общественных высот и перспектив, одобряемых большинством людей» [1, с. 288]. И. М. Ильинский на основе прогнозов о всевозможных линиях развития гражданского общества в Российской Федерации обосновал концепцию общественной молодёжной политики как некого альтернативного варианта в противовес очень слабой государственной молодёжной политики 1990-х гг. в нашей стране.

Общественная молодёжная политика направлена дополнять государственную молодёжную политику, в широком смысле имеющую очевидное главенство перед ней. Это преимущество будет сохраняться до тех пор, пока государственная молодёжная политика будет соответствовать интересам социума и абсолютного большинства людей. В случае, если государство идёт прямо противоположно национально-государственным интересам и социуму, то общество должно изменить, скорректировать данный курс и политику в целом в необходимом для неё направлениях развития, а если это по каким-либо причинам и условиям не удаётся осуществить, то стараться изменить систему властных и государственных учреждений.

Конечно, в условиях, когда незавершен процесс формирования институтов гражданского общества, говорить об устоявшейся, развитой и имеющей свое определённое место в политической системе социума молодежной политике пока рано. Но на наш взгляд, после событий конца 2011 г. и последующих месяцев после избирательного цикла 2011–2012 гг. ситуация стала постепенно меняться в позитивную сторону.

В теоретическом плане, как правило, выделяют три базовых субъекта общественной молодёжной политики, которые, в свою очередь, формируют соответствующие модели и разновидности общественной молодежной политики. Это общественные объединения – организации и движения, политические партии и крупные хозяйственные организации – корпорации. Каждый из данных субъектов молодёжной общественной политики владеет различными потенциальными ресурсами и возможностями, в зависимости от наличия которых они и организуют свою специфическую оригинальную модель молодежной политики [10]. Вышеперечисленные модели молодёжной политики в значительной степени ограничены законодательными, организационными, кадровыми, денежными ресурсами субъектов молодежной общественной политики. Все эти субъекты активно вовлечены и в реализацию государственной молодёжной политики.

Молодёжная политика общественных объединений, организаций и движений определяется их уставными документами и программами действий. Молодёжная политика политических партий направлена на реализацию программных документов данных партий, в которых сформулированы цели и задачи работы с молодым поколением, – некий образец молодого поколения, всей молодёжи, который политическая партия старается продемонстрировать всему обществу как своеобразный нормативный эталон социального поведения [11]. В молодёжной политике нацеленность мероприятий политических партий определяется главным образом и прежде всего её идеологической компонентой. Молодёжная политика крупных хозяйственных организаций – корпораций – в основном определяется по отношению к кадровой политике, взаимодействует с молодыми сотрудниками и связана с формированием так называемой корпоративной культуры. Обычно она занята вопросами повышения квалификации своих подчиненных, социальной поддержкой молодых семей, обеспечением жильем и является частью программы или даже ряда программ общественного характера.

В. А. Луков выделяет четвертый субъект общественной молодежной политики – конфессиональную политику. В. А. Луков считает, что новым субъектом общественной молодёжной политики является, конечно, не только Русская Православная Церковь как очень важный институт общества и организация, играющая значительную роль в системе и структуре общественного организма, но и другие традиционные для Российской Федерации конфессиональные религиозные объединения и организации. Выделение их в качестве отдельного особого субъекта молодёжной общественной политики обозначается не только её задачами, характером, целями, спецификой и направленностью их деятельности по сравнению с задачами, спецификой, направлениями, характером и целями работы других общественных организаций, движений и объединений. Помимо всего прочего, религиозные конфессии по своему статусу, работе, в социуме по факту являются и крупными хозяйственными организациями-корпорациями, которые не ограничиваются только государственными или окологосударственными структурами [12]. Всё же, по нашему мнению, конфессиональная политика больше является структурным элементом государственной молодежной политики по сравнению с общественной, так как институты церкви, особенно Русская Православная Церковь, на протяжении всего своего развития были очень тесно связаны с властью публичной, с институтом монархической, а позднее президентской власти.

Принимая во внимание вышеперечисленные научные концепции, подходы и определения, труды известных российских социологов, появляется необходимость разработать политологическое понимание «молодежной политики». Автор статьи в рамках диссертационного исследования на соискание степени кандидата политических наук продолжает рассматривать проблемы левых молодёжных организаций в современной России. Полная переоценка имеющегося опыта в исследовании проблематики молодежной политики также вызвана потребностью принять во внимание те изменения, которые произошли как в России, так и за рубежом. Поэтому под «молодежной политикой» следует понимать систему взаимодействий между институтами государства, молодежными общественными организациями и политическими партиями в решении проблем молодёжи, когда очень часто роль именно политических партий нередко сводится к функции медиатора между институтами власти и молодежными объединениями. При всём при этом активность и интенсивность воздействия организаций и движений определяется не только методами и формами деятельности, как часто фигурирует в СМИ, насколько наличествует уровень доверия власти к конкретной политической партии, а следовательно и к ее молодежной организации [13]. В такой ситуации беспартийные молодежные организации или организации, оформленные на базе оппозиционных сил, с самого начала обречены на неудачи в реализации своих идей, ценностей и продвижении своих собственных инициатив на уровне государства.

Всё время перманентное увеличение численности и дробление уже имеющихся молодежных организаций и объединений делает целесообразным введение в научный оборот понятия «левая молодежная политика», тесно и неразрывно связанного с понятиями «молодежная политика» и «молодежь». В условиях идеологического реструктурирования и реидеологизации российского социума оправданным становится введение в научный оборот нового термина «левая молодежная политика». В качестве базового фундаментального критерия отнесения к «левым» молодежным организациям автор статьи рассматривает фактор идеологии. Коммунистические и социалистические ценности являются главными, определяющими при отнесении организаций и движений несистемной оппозиции радикальной направленности, а также левых припартийных объединений, придерживающихся данных идеологических платформ, к левым молодежным организациям.

Левые молодежные организации можно формально подразделять на две диаметрально противоположные группы – умеренные и радикальные организации. Умеренные молодежные организации представлены работой припартийных молодежных организаций, выступающих в роли «младшего» партнера официально зарегистрированных политических партий. В отличие от умеренных, радикальные молодежные организации – это общественные организации, которые используют протестные формы своей борьбы как главное средство для решения поставленных перед собой задач и целей, часто с применением насилия. При названных отличиях основной особенностью левых молодежных организаций выступает стремление реализации принципов справедливости в общественной сфере и позиций солидарности и интернационализма в деятельности внутреннего сотрудничества организации.

В России к радикальным левым молодежным организациям, по мнению автора, следует относить следующие организации: «Авангард красной молодежи» (АКМ), «Революционный коммунистический союз молодежи» (РКСМ(б)); «Союз коммунистической молодежи» (СКМ РФ); анархистские организации – «Ассоциация движений анархистов», «Конфедерация революционных анархо-синдикалистов», «Автономное действие»; троцкистские организации – «Революционная рабочая партия», «Социалистическое сопротивление» и др. [14]. К умеренным левым молодежным организациям можно справедливо отнести молодёжные отделения политической партии КПРФ (организация «Ленинский коммунистической союз молодежи Российской Федерации», до февраля 2011 г. – «Союз коммунистической молодежи РФ») и «Справедливая Россия» (организация «Молодые социалисты России»). Главными задачами своей работы молодежная организация «Молодые социалисты России» определяет защиту, популяризацию, поддержку и развитие идей социальной справедливости в гражданском обществе [15]. Молодежные организации партии ЛДПР – «Время молодых», «Соколы Жириновского» – в силу неоднозначной и противоречивой идеологической платформы партии, автор исследования к «левым» молодежным организациям не относит.

Центристское направление представлено такими организациями, как «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР), «Наши», которые являются по сути консервативными организациями, работающими на интересы властных институтов и придерживающимися в большей степени национал-патриотической идеологии.

Главным отличием центристских движений и организаций от левых организаций является ориентация на широкие слои населения при высокой поддержке со стороны государства. Поэтому неслучайно, что с момента своего создания движение «Наши» позиционировало себя как пропрезидентская организация, ставившая своей целью «ненасильственное сохранение» нынешнего политического строя с постепенной заменой нынешней элиты. Также организация «Наши» является антиоранжевой и антифашистской. Базовое внимание в деятельности МГЕР и «Наших» уделяется формированию условий самореализации молодого поколения, продвижение по карьерной лестнице, получение возможности доступа к тем или иным ресурсам и вариантам своего собственного продвижения [16]. Сравнивая между собой центристские организации, необходимо сказать, что МГЕР в значительной степени ориентирована на интересы партии «Единая Россия» и соответственно поддерживает ее наиболее интенсивно и активно в периоды избирательных кампаний, а движение «Наши» – это движение, созданное государством для профилактики перетекания молодого поколения в оппозиционные партии и движения, имеющие более массовый и организованный характер деятельности.

К правому направлению можно отнести молодёжные организации либерально-демократической ориентации, и они представлены сегодня такими организациями, как «Оборона», Общероссийское молодежное движение «Яблоко» и др. Главной формой участия в политике либерально-демократических молодежных организаций являются акции и демонстрации протеста, которые позволяют им демонстрировать и периодически напоминать о своем существовании в СМИ, так как в целом их активность и численность ниже показателей левых молодежных организаций [17]. В последние годы можно наблюдать тенденцию дистанцирования правых организаций от идей либерализма и глав либеральных политических партий, поэтому, на наш взгляд, реализоваться в полной мере как независимые самостоятельные организации из-за нехватки информационных, материальных и, наконец, человеческих ресурсов они не смогут в ближайшее время [18].

Необходимо при изучении молодежных организаций и движений дать определение таким ключевым терминам, как «общественное объединение», «общественная организация», «общественное движение». Для этого обратимся к законодательству России. Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» гласит, что «под общественным объединением понимается самоуправляемое, добровольное, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих совместных целей, указанных в уставе общественного объединения» [19]. Общественные объединения могут формироваться в следующих организационно-правовых формах: общественное движение, общественная организация, политическая партия и др.

Ст. 8 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» гласит: «общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, сформированное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан» [19]. Членами общественной организации в соответствии с её уставными документами могут быть юридические лица и физические лица – общественные объединения, если иное не установлено настоящим Федеральным законом и законами об отдельных видах общественных объединений. В отличие от общественной организации, общественным движением согласно ст. 9 данного федерального закона является движение, «состоящее из участников и не имеющее фиксированного членства массовое общественное объединение, преследующее политические, социальные и иные общественно полезные задачи и цели, поддерживаемые участниками общественного движения» [19].

Следует заметить, что при определении сущностной характеристики той или иной организации или движения необходимо рассмотреть такой документ, как Устав. Изучение уставных документов двух рассматриваемых нами умеренных левых молодежных организаций – «Молодые социалисты России», «Ленинский коммунистической союз молодежи Российской Федерации» – показало, что обе эти организации с юридическо-правовой точки зрения относят себя к общественным организациям [15; 20].

Изучив понятийный аппарат, теперь обратимся к проблеме типологии молодежных организаций в Российской Федерации. Сама незавершенность процесса организационного складывания молодежных организаций приводит к тому, что формируются все новые и новые модели классификации молодежных организаций в российской политической практике. Перейдем к рассмотрению самых различных типологий молодежных организаций.

По своей направленности молодежные объединения можно разделить на следующие категории: студенческие, детские, общественно-политические, в том числе молодежные организации при политических партиях, культурно-просветительские, религиозные, спортивные, организации общественного толка, молодых инвалидов и т. д.

По отношению к политике и политическим структурам среди молодежных организаций можно выделить следующие несколько групп:

1. Аполитичные – их деятельность напрямую не связана с политической сферой: творческие, спортивные организации, объединения по интересам и т. д.

2. Политические – молодежные общественные организации, формируемые при тех или иных политических партиях и объединениях и работающие в строго заданных идеологических рамках. Политические партии, полностью заинтересованные в дальнейшем собственном воспроизводстве, стараются выдвигать будущих своих членов организаций из детской и молодежной среды и создавать для них специальные организации при политических партиях в роли функциональной ниши. Как пример данной организации можно привести общероссийскую организацию «Молодежное единство», молодежный союз «Отечество» и другие различные молодежные отделения при партиях.

3. Политико-просветительские – общественные объединения, нацеленные на отбор будущих представителей российского политической элиты. Главными отличительными особенностями деятельности данных организаций являются: во-первых, отсутствие какой бы то ни было ориентации на идеологическую составляющую конкретной партии; во-вторых, ориентация на политическую про-

паганду, агитацию и просвещение членов данной организации; в-третьих, непрофессиональная политическая деятельность подростков и юношей, участие в деятельности общественных фондов, комитетов, комиссий, стажировка в различных государственных учреждениях, добровольческая работа в качестве помощников депутатов, политических деятелей и др. Большинство из подобных общественных объединений в 1990–1991 гг. объединились в ассоциацию «Школа демократической культуры» [21].

По спектру деятельности организаций молодежные организации можно подразделить на следующие типы:

1. Организации, акцентирующие свою деятельность в рамках свободного времени молодёжи, при этом отдельно не разделяя главных направлений – союзы и штабы учащейся молодежи, студенческие организации.

2. Организации, разделяющие в своей деятельности приоритетные направления – военно-патриотические, поисковые, общественно-политические, творческие, религиозные, спортивные, культурно-досуговые, профессиональные: Молодежный союз юристов, общественной направленности, исторические. Ниже мы поподробнее остановимся на них, когда будем говорить о реализации государственной молодежной политики в сотрудничестве с общественными организациями.

3. Организации, выполняющие очень широкий спектр направлений своей деятельности. Самыми большими молодежными общественными объединениями в Российской Федерации являются следующие:

– Общероссийская общественная организация «Детские и молодежные социальные инициативы» (ДИМСИ);

– Общероссийская ассоциация общественных объединений «Национальный совет молодежных и детских объединений России»;

– Общероссийская общественная организация «Национальная молодежная лига»;

– Общероссийская общественная организация «Национальная система развития научной, творческой и инновационной деятельности молодежи России «Интеграция»;

– Общероссийская общественная организация «Союз МЖК России»;

– Общероссийская общественная организация «Российский союз молодежи»;

– Общероссийская общественная организация «Молодежное единство»;

– Общероссийская общественная организация «Молодежный союз юристов Российской Федерации» [22, с. 107].

По региональному охвату организации можно разделить на:

1. Региональные – районные, городские, краевые, областные и др. Одним из признаков современного общественного движения является его очень неравномерное присутствие по стране. Большая часть союзов молодежи и детей сосредоточена в больших городах – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Саратове, Волгограде и в некоторых других крупных промышленных центрах, в столицах субъектов федерации, входящих в состав России. Формируется государственный реестр молодежных и детских общественных объединений на уровне субъектов как основа для их финансовой поддержки со стороны государственных органов.

2. Межрегиональные организации, часто образуемые на базе объединения нескольких молодежных организаций. В последние несколько лет в ряде регионов России совершалось организационное оформление межрегиональных общественных объединений: межрегиональная общественная организация «Ассоциация работников молодежной сферы» в Тульской области, межрегиональная ассоциация клубов международной дружбы учащейся молодежи «Дом мира» во Владимирской области, межрегиональная ассоциация служб трудоустройства молодежи в Пензенской области.

3. Общероссийские организации – включают в себя работу организаций, зарегистрированных в России и имеющих отделения в большинстве регионов («Молодая гвардия Единой России», «Союз коммунистической молодежи РФ», «Молодые социалисты России»).

4. Международные организации, оформленные на территории России. В настоящее время на территории Российской Федерации это отделения таких Международных молодежных организаций, как отделение Всемирного братства православной молодежи «Синдесмос», «Христианская ассоциация молодых людей», организации скаутского движения в различных субъектах федерации и др.

По уровню взаимодействия с государством можно выделить следующие группы:

1. Включенные в государственные реестры организации, пользующиеся официальной поддержкой государственных институтов. Это демонстрирует возможность для взаимодействия с государственными органами на уровне частичного спонсорства программ для данных организаций. По состоянию на 31 декабря 1997 г. Федеральный реестр содержал в себе 48 организаций, при этом из них 32 молодежные организации. За четыре года проведения конкурсов на соискание грантов государства среди молодёжных и детских общественных объединений было изучено 350 программ и проектов, из которых 120 получили рекомендации на поддержку государства на сумму более 4 миллиардов рублей. В 2002 г. в Федеральном реестре уже значилось 57 общественных организаций, из них 42 молодежных и 15 детских. Формируются государственные реестры молодежных и детских общественных объединений на уровне субъектов как фундамента для их поддержки со стороны государственных структур. Например, в Санкт-Петербурге составлен реестр общественных и молодежных объединений, в котором оформлены 462 организации, в Вологодской области – значатся 16 таких организаций. По состоянию на 1 июня 2012 г. в Федеральном реестре [23] присутствует 7 молодёжных объединений: Общероссийская общественная организация «Российский союз молодежи» (138197 участников); Общероссийское общественное движение «Россия Молодая» (7275 участников); общественная организация «Национальная организация скаутского движения России» (3578 участников); Общероссийское общественное движение «Ассоциация учащейся молодёжи Российского союза молодежи «Содружество» (48000 участников); Всероссийская общественная молодежная организация «Всероссийский студенческий корпус спасателей» (5350 участников); Общероссийская общественная организация «Российский спортивный союз молодежи» (65000 участников) Молодежная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды» (234000 участников); – и одно детское обществен-

ное объединение – Общероссийская детская общественная организация «Общественная Малая академия наук «Интеллект будущего» (34453 участников).

2. Не включенные в государственные реестры, но зарегистрированные в органах юстиции организации. В 2012 г. количество общероссийских общественных объединений, в уставных документах которых прописана возможность участия в выборном процессе, возросло до 276 [24]. При этом абсолютное большинство данных организаций располагаются в Москве.

3. Не зарегистрированные в органах юстиции России, но осуществляющие свою работу на основе учредительной документации и не ставящие антигосударственные цели. К этой группе относится большая часть российских молодежных организаций – 73 % против 27 % зарегистрированных организаций и движений, по причине того, что процедура по государственной регистрации общественных объединений постоянно усложняется. На учредительном этапе некоторые из этих организаций не сумели заплатить регистрационный взнос в размере 2000 рублей. Это плохой признак, так как всё это ограничивает количество общественных объединений, на которые по идее должно распространяться действие федерального и регионального законодательств, которое направлено на поддержку общественных молодёжных объединений, не позволяя обеспечивать степень эффективности, фактической деятельности общественных объединений. Согласно статье 4 Федерального Закона «О поддержке молодежных и детских общественных объединений» поддержка государственных органов осуществляется официально зарегистрированной организации в установленном законом порядке, а также обратившимся за такой поддержкой к федеральным органам исполнительной власти молодежным объединениям граждан в возрасте до 30 лет, объединившимся на основе общности своих собственных целей и интересов для осуществления совместной работы, направленной на удовлетворение духовных и других нематериальных потребностей, социальное развитие и становление членов объединения, также для целей защиты основных прав и свобод человека. На практике выходит, что государственными органами не признаются незарегистрированные в органах юстиции движения и организации ни как объект для поддержки, ни как субъект взаимоотношений.

Источники формирования современных детских и молодежных организаций в Российской Федерации можно выделить следующие:

– организации, сформированные на основе структурных подразделений ранее уже существовавших организаций, по большей части из времён СССР, здесь имеется в виду пионерские организации, комсомольское движение и профсоюзные организации;

– организации, основанные как дочерние филиалы Общероссийских объединений и Международных объединений, организаций и движений, к этому же можно отнести молодежные организации при партиях;

– новые молодежные организации, объединяющие своих членов на основе общности целей и интересов. К примеру, это могут быть инициативные молодежные организации, формируемые самими молодыми людьми, или такие объединения, которые оформлены «сверху» – чиновниками или педагогическими работниками для работы с молодёжью. Самым главным примером служит складывание молодёжных парламентов в субъектах федерации при контроле законодательного (представительного) органа государства в соответствующем регионе. В Кемеровской области, например, к компетенциям молодежного парламента относят следующие: обсуждение главных направлений региональной молодежной политики, проектов нормативных правовых актов органов государственной власти в Кемеровской области, других документов, связанных с вопросами молодежной политики, и принятие по результатам этих обсуждений решений, имеющих сугубо рекомендательный характер.

Молодежный парламент в лице уполномоченных представителей в установленном законом порядке имеет право: участвовать в общественном контроле соблюдения законодательства в сфере государственной молодежной политики; предлагать проведение нужных социологических проектов, исследований и семинаров, консультаций, конференций и встреч по самым актуальным проблемам молодого поколения; участвовать с правом совещательного голоса в деятельности комитетов Совета народных депутатов Кемеровской области, выдвигать свои предложения по проектам нормативных правовых актов и других документов, которые относятся к сфере молодежной политики. Молодежный парламент от своего имени имеет право принимать решения, заявления и обращения в пределах своих компетенций [25].

Молодежные организации можно чисто условно разделить по идеологической ориентации на «левые», «пропрезидентские» и «правые».

1. Среди самых крупных «левых» молодежных организаций можно выделить: «Союз коммунистической молодежи», «Авангард красной молодежи», «Национал-большевистская партия», «Молодежный левый фронт», комитет молодёжи «Хватит», «Союз молодежи «За Родину!».

2. Организации, достаточно активно поддерживающие президентскую линию развития, так называемые «пропрезидентские», к ним относятся «Наши», «Молодая гвардия», «Россия молодая», «Евразийский союз молодежи» «Местные» и др.

3. К самым крупным правым организациям можно отнести «Молодежное «Яблоко», «Да» – «Демократическая альтернатива!», Движение студенческой молодёжи «Я думаю», Движение «Оборона».

Вышерассмотренные типологии, с одной стороны, позволяют изучать молодежные движения по ряду критериев (политическому, территориальному, общественному и т. д.), с другой стороны, показывают незавершённость процесса складывания молодежных движений в России. По нашему мнению, формирование формальных и в особенности неформальных объединений, группировок подростков, самостоятельных программ и проектов, гражданских инициатив и т. д., всё это становится очень важным моментом в формировании структур гражданского общества, так как они образуются по инициативе «снизу» и во многом независимо от государственных институтов, работают для реализации своих собственных целей. Однако такое развитие в современных экономических условиях постиндустриального, информационного общества практически невозможно без участия СМИ.

По мнению автора статьи, в зависимости от конкретных форм (направлений работы) и методов деятельности применительно к современному этапу развития молодежных организаций целесообразно выделять три группы молодежных движений: умеренные, которые представлены работой припартийных молодежных движений, играющих роль «младшего» партнера официально зарегистрированных политических партий; центристские, строящие свою политическую программу на основе принципов поддержки официального курса политической элиты государства; радикальные, пользующиеся протестными формами борьбы как главного средства для решения поставленных перед собой задач и целей, часто с применением насилия.

Таким образом, понятие «молодежная политика» очень многогранно. В последние годы изучения данного термина все более перемещается из социально-психологической в политическую плоскость. По нашему мнению, всё это связано с ростом политической культуры молодёжи, желанием быть востребованными в выбранном профессиональном плане специалистом, готовностью выступать не только объектом социально-политических процессов, но и активным субъектом политической изменений в государстве, в том числе принимать непосредственное участие в протестных действиях (события декабря 2011 – первой половины 2012 гг.). Поэтому в этой связи все более широкое применение в российской политической практике находит термин «левые молодежные организации», которое необходимо связывать с работой главным образом умеренных и радикальных молодежных движений и организаций, уделяющих главное внимание в своих программных документах вопросам справедливости в общественной сфере, принципах солидарности и интернационализма.

Литература

1. Ильинский И. М. Образование, молодёжь, человек. М.: Изд-во МГУ, 2006. 560 с.
2. Громов И. А., Иконников С. Н., Лисовский В. Т. Молодежь в обществе // Человек и общество: социальные проблемы молодежи: учен. записки ЛГУ / под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Д. А. Керимова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. Вып. 6.
3. Социология молодёжи: методическое пособие / под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 361 с.
4. Основы социальной работы: учебник / под ред. П. Д. Павленока. М.: ИНФРА-М, 1997. 367 с.
5. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический проект, 2001. 301 с.
6. Забелин П. В. Молодёжная политика: стратегия, идеи, перспективы. М.: Луч, 1998. 80 с.
7. Луков В. А. Молодёжное движение в социалистическом обществе. М.: Молодая Гвардия, 1987. 220 с.
8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Федеральный закон № 40-ФЗ от 2 мая 2012 г. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/15186 (дата обращения: 23.09.2017).
9. Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации. Постановление ВС РФ № 5090-1 от 3 июня 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25.
10. Матвеева Е. В. Институционализация экологических движений Европы: от появления общественных организаций до политических партий // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 129–137.
11. Кисляков М. М. Состояние, проблемы и перспективы формирования электоральной культуры у организаторов и участников выборов в регионах России // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1. С. 103–105.
12. Луков В. А. Исследование молодежной проблематики в России // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского: колл. моногр.; под общ. ред. В. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 444–463. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/3/ (дата обращения: 30.09.2017).
13. Иуков Е. А. Альтернативные идеологии // Политические институты и процессы. 2015. № 1. С. 14–17.
14. Митин А. А. Левые радикальные молодёжные организации в современной российской политике: формы деятельности и идейные основы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 3(32). С. 78–82.
15. Молодые социалисты России: сайт. Режим доступа: http://socialists.ru/information/ustav/ (дата обращения: 09.10.2017).
16. Матвеева Е. В., Митин А. А. Молодёжная политика политических партий Российской Федерации как институтов гражданского общества // Политические институты и процессы. 2014. № 2. С. 107–110.
17. Чирун С. Н. Проблемы экстремизма в молодежной политике постсовременности: монография. М.: Директмедиа Паблишинг, 2014. 234 с.
18. Митин А. А. Молодёжная политика и левые молодёжные организации современной России: дис. … канд. полит. наук; Забайкальский гос. ун-т. Чита, 2014. 185 с.
19. Об общественных объединениях. Федеральный закон № 82-ФЗ от 19.05.1995 (редакция от 22.07.2010) (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.
20. Устав Общероссийской общественной молодежной организации «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации». М., 2012. Режим доступа: http://56.kprf.ru/Pages.aspx?id=10 (дата обращения: 21.09.2017).
21. Информация о реализации государственной молодежной политики в 2008 г. и перспективах на 2009 г. Аналитический обзор // Вестник молодежной политики. 2008. № 3-4.
22. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: ГОЛОС, 2001. 696 с.

23. Список общероссийских общественных объединений, уставы которых предусматривают участие в выборах // Минюст России: официальный сайт Министерства Юстиции России. Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/107735 (дата обращения: 05.10.2017).

24. Положение о молодёжном парламенте Кузбасса при Совете народных депутатов Кемеровской области. Режим доступа: http://www.sndko.ru/section/58.html (дата обращения: 18.10.2017).

25. Об утверждении Федерального реестра детских и молодёжных общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой. Приказ Федерального агентства по делам молодёжи № 203 от 01.06.2017. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902391707 (дата обращения: 11.10.2017).

YOUTH POLICY AND YOUTH ORGANIZATIONS: CONCEPT AND MAIN APPROACHES

***Alexander A. Mitin*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *james_cold@mail.ru*

Received 30.11.2017. Accepted 21.12.2017.

Keywords: youth, youth policy, concepts of youth, left youth organizations, political parties, public associations, political participation.

Abstract: The paper introduces some Russian and foreign researches connected with current position and a role the young play in the society, as well as with youth policy and the youth organizations in social and political structure. According to the author, one can distinguish three groups of youth movements, according to their forms, the areas of work and the methods of activity, in relation to the present stage of development of the youth organizations: moderate, centrist and radical. The current studies in this field are gradually moving from social and psychological terrain into the political one. The author assumes this might be connected with growth of political culture among the youth, their desire to become specialists in the vocation they have chosen and their readiness to act not only as an object of socio-political processes, but also the active co-author of political changes in the state. Therefore, the term «left youth organizations» finds more and more application in this regard. The term is connected with the work of moderate and radical youth movements and the organizations that pay attention in their program documents to the matters of social justice, the principles of solidarity and internationalism in the Russian political practice.

For citation: Mitin A. A. Molodezhnaia politika i molodezhnye organizatsii: poniatie i osnovnye podkhody [Youth Policy and Youth Organizations: Concept and Main Approaches]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2017): 4–13.

References

1. Ilinskii I. M. *Obrazovanie, molodezh', chelovek* [Education, youth, people]. Moscow: Izd-vo MGU, 2006, 560.

2. Gromov I. A., Ikonnikov S. N., Lisovskii V. T. Molodezh' v obshchestve [Youth in society]. *Chelovek i obshchestvo: sotsial'nye problemy molodezhi* [Man and Society: Social Problems of Youth: scientist. scrapbook of Leningrad State University]. Ed. Anan'ev B. G., Kerimov D. A. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, Iss. 6 (1969).

3. *Sotsiologiia molodezhi* [Sociology of Youth]. Ed. Lisovskii V. T. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1996, 361.

4. *Osnovy sotsial'noi raboty* [Fundamentals of Social Work]. Ed. Pavlenok P. D. Moscow: INFRA-M, 1997, 367.

5. Pavlovskii V. V. *Iuventologiia: proekt integrativnoi nauki o molodezhi* [Juventology: project of integrative youth science]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001, 301.

6. Zabelin P. V. *Molodezhnaia politika: strategiia, idei, perspektivy* [Youth policy: strategy, ideas, perspectives]. Moscow: Luch, 1998, 80.

7. Lukov V. A. *Molodezhnoe dvizhenie v sotsialisticheskom obshchestve* [The Youth Movement in a Socialist Society]. Moscow: Molodaia Gvardiia, 1987, 220.

8. *O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub»ektov Rossiiskoi Federatsii»* [On Amendments to the Federal Law «On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation»]. Federal Law No. 40-FZ of May 2, 2012. Available at: http://kremlin.ru/acts/15186 (accessed 23.09.2017).

9. Ob osnovnykh napravleniiakh gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii [On the main directions of the state youth policy in the Russian Federation]. Resolution of the RF Armed Forces No. 5090-1 of June 3, 1993. *Vedomosti*

S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF = Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation, no. 25 (1993).

10. Matveeva E. V. Institutsionalizatsiia ekologicheskikh dvizhenii Evropy: ot poiavleniia obshchestvennykh organizatsii do politicheskikh partii [Institutionalization of environmental movements in Europe: from the emergence of non-governmental organizations to political parties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 413 (2016): 129–137.

11. Kisliakov M. M. Sostoianie, problemy i perspektivy formirovaniia elektoral'noi kul'tury u organizatorov i uchastnikov vyborov v regionakh Rossii [The state, problems and prospects for the formation of electoral culture among the organizers and participants of elections in the regions of Russia]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik = Social and humanitarian bulletin*, no. 1 (2012): 103–105.

12. Lukov V. A. Issledovanie molodezhnoi problematiki v Rossii [Research of youth problems in Russia]. *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiia v XXI veke. V chest' 70-letiia Igoria Mikhailovicha Il'inskogo* [Humanitarian knowledge: trends of development in the XXI century. In honor of the 70th birthday of Igor Mikhailovich Ilyinsky]. Ed. Lukov V. A. Moscow: Izd-vo Nats. in-ta biznesa, 2006, 444–463. Available at: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/3/ (accessed 30.09.2017).

13. Iukov E. A. Al'ternativnye ideologii [Alternative ideologies]. *Politicheskie instituty i protsessy = Political institutes and processes,* no. 1 (2015): 14–17.

14. Mitin A. A. Levye radikal'nye molodezhnye organizatsii v sovremennoi rossiiskoi politike: formy deiatel'nosti i ideinye osnovy [Left Radical Youth Organizations in the Modern Russian Politics: Forms of Activity and Ideological Bases]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = Bulletin of the Volga Management Institute*, no. 3(32) (2012): 78–82.

15. *Molodye sotsialisty Rossii* [Young Socialists of Russia]. Available at: http://socialists.ru/information/ustav/ (accessed 09.10.2017).

16. Matveeva E. V., Mitin A. A. Molodezhnaia politika politicheskikh partii Rossiiskoi Federatsii kak institutov grazhdanskogo obshchestva [The youth policy of political parties of the Russian Federation as institutes of a civil society]. *Politicheskie instituty i protsessy = Political institutes and processes*, no. 2 (2014): 107–110.

17. Chirun S. N. *Problemy ekstremizma v molodezhnoi politike postsovremennosti* [Problems of extremism in the youth policy of postmodernity]. Moscow: Direktmedia Pablishing, 2014, 234.

18. Mitin A. A. *Molodezhnaia politika i levye molodezhnye organizatsii sovremennoi Rossii.* Diss. kand. polit. nauk [Youth policy and left-wing youth organizations of modern Russia. Cand. polit. Sci. Diss.]. Transbaikal State Univ. Chita, 2014, 185.

19. Ob obshchestvennykh ob»edineniiakh [On public associations]. Federal Law No. 82-FZ of 19.05.1995 (revised as of 22.07.2010) (expired). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collected Legislation of the Russian Federation*, no. 21 (1995): art. 1930.

20. *Ustav Obshcherossiiskoi obshchestvennoi molodezhnoi organizatsii «Leninskii kommunisticheskii soiuz molodezhi Rossiiskoi Federatsii»* [The Charter of the All-Russian Public Youth Organization «Lenin Communist Youth Union of the Russian Federation»]. Moscow, 2012. Available at: http://56.kprf.ru/Pages.aspx?id=10 (accessed 21.09.2017).

21. Informatsiia o realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v 2008 g. i perspektivakh na 2009 g. Analiticheskii obzor [Information on the implementation of the state youth policy in 2008 and prospects for 2009. Analytical review]. *Vestnik molodezhnoi politiki = Bulletin of Youth Policy*, no. 3-4 (2008).

22. Ilinskii I. M. Molodezh' i molodezhnaia politika [Youth and youth policy]. Moscow: GOLOS, 2001, 696.

23. *Spisok obshcherossiiskikh obshchestvennykh ob»edinenii, ustavy kotorykh predusmatrivaiut uchastie v vyborakh* [List of all-Russian public associations, charters of which provide for participation in elections]. Available at: http://minjust.ru/ru/node/107735 (accessed 05.10.2017).

24. *Polozhenie o molodezhnom parlamente Kuzbassa pri Sovete narodnykh deputatov Kemerovskoi oblasti* [Regulations on the Youth Parliament of the Kuzbass at the Council of People's Deputies of the Kemerovo Region]. Available at: http://www.sndko.ru/section/58.html (accessed 18.10.2017).

25. *Ob utverzhdenii Federal'nogo reestra detskikh i molodezhnykh obshchestvennykh ob»edinenii, pol'zuiushchikhsia gosudarstvennoi podderzhkoi* [On the approval of the Federal Register of Children's and Youth Public Associations enjoying state support]. Order of the Federal Agency for Youth Affairs No. 203 of 01.06.2017. Available at: http://www.fadm.gov.ru/docs/11/12998/ (accessed 11.10.2017).

УДК 32; 911.3

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ РЕСУРСО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ АРГЕНТИНЫ В ОТНОШЕНИИ ПАТАГОНИИ В СРАВНЕНИИ С ПОЛИТИКОЙ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СИБИРИ

***Арсений Н. Фартышев*[1, @]**

[1] *Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1*
[@] *Fartyshev.an@gmail.com*

Поступила в редакцию 03.11.2017. Принята к печати 27.11.2017.

Ключевые слова: экономическая география, история экономической политики, регионоведение, Латинская Америка, Сибирь, Синьцзян.

Аннотация: В статье проводится политическое, экономико-географическое и историческое сравнение между Патагонией и Сибирью как крупными мировыми ресурсо-ориентированными перифериями. Сделан вывод о схожести социально-экономической роли данных регионов в рамках своих государств как сырьевых слабозаселённых придатков с небольшой долей обрабатывающей промышленности. Несмотря на то, что региональная политика в отношении Патагонии не регулируется единым программным документом, как это сделано в отношении Сибири и восточных регионов Китая, определённые успехи она всё-таки имела, в частности в области нефтепереработки. В статье приведен анализ основных правительственных актов второй половины XX в., касающихся преодоления ресурсной роли Патагонии и децентрализации экономики Аргентины. Основными причинами, мешающими реализации долгосрочных мер в рассматриваемом регионе, является политическая нестабильность Аргентины и высокая зависимость экономики страны от иностранного капитала. Для Сибири опыт Патагонии в области налогового регулирования, ограничений на регистрацию предприятий и столичного планирования может быть полезен и более подробно изучен.

Для цитирования: Фартышев А. Н. Региональная политика государств в отношении ресурсо-ориентированных периферийных территорий: опыт Аргентины в отношении Патагонии в сравнении с политикой России по отношению к Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 14–18.

В ранее проведённых исследованиях мы уже проводили компаративный анализ региональной политики России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных регионов – Сибири и Синьцзян-Уйгурского автономного района [1; 2]. Были найдены существенные различия в подходах к преодолению ресурсо-ориентированности этих регионов, заключающиеся в системе распределения налогов, ориентированности на внешние рынки и системе инфраструктурного строительства. Страны Латинской Америки – яркий пример того, как богатые ресурсами периферийные регионы являются источником сырья для промышленно развитого ядра, концентрирующего подавляющую долю обрабатывающей промышленности, или происходит отток ресурсов в развитые страны, в результате чего формируется неэффективная экономика. Эти дисбалансы имеют исторические корни, заложенные еще в колониальный период, когда метрополия через морские порты вывозила наиболее ценные природные ресурсы – золото, серебро, драгоценные камни, а колонии в свою очередь являлись рынком сбыта производимой в метрополиях продукции. В данной статье мы кратко рассмотрим опыт Аргентины, в которой наблюдаются те же, что и в России, проблемы резкой дифференциации в социально-экономическом развитии между развитыми провинциями (в районе Ла-Платы) и бедными ресурсодобывающими (провинции Патагонии).

Патагония, как и вся Аргентина, в отличие от Сибири и Синьцзяня не имеет межрегионального геополитического значения и располагается на периферии мировой политики. Первоначальным стимулом к заселению испанцами Аргентины были поиски серебра, о чём свидетельствует название главной реки Ла-Плата (Серебряная река). Это перекликается с основным стимулом заселения Сибири как источника пушнины и золота. До 1881 г. территория Патагонии вообще не принадлежала никакому государству. Практически до середины XX в. вся экономика Аргентины зависела от иностранных монополий, а единственной и наиболее удобной связью с другими государствами так и остался Буэнос-Айрес. Он даёт четверть ВВП страны и сосредоточивает 1/3 населения [3]. Поэтому показатели ВРП, общая численность и плотность населения, доля обрабатывающей промышленности территориально имеют ярко выраженный градиент, где центр – средоточие экономической жизни, а чем дальше от него – тем менее развита экономика, меньшая численность и плотность населения и тем более ресурсную направленность имеет экономика.

Также как и Синьцзян, и Сибирь, Патагония – очень богатый край природными, а особенно энергетическими, ресурсами. 2/3 запасов нефти Аргентины и все запасы каменного угля (месторождение Рио-Турбио со сравнительно небольшой годовой добычей в 400–600 тыс. т в год) сосредоточены именно там. Помимо этого, есть запасы железной руды, вольфрама, меди, урана, свинца, золота [4]. Однако говорить о полном отсутствии обрабатывающей промышленности было бы неверно. В Патагонии есть два таких центра – это Комодоро-Ривадавия и провин-

ция Неукен. Оба привязаны к нефтяным бассейнам. Комодоро-Ривадавия – к бассейнам Хорхе и Магелланов, Неукен – к нефтяному бассейну Неукен и гидроэнергетическому комплексу из 5 электростанций «Эль-Чокон – Сьеррос Колодарос» средней мощности на реке Лимай, построенному ещё в 1973–1993 гг. Нефтепереработка затрагивает практически весь комплекс производства до нефтехимии, что кардинально отличается от принципов нефтяной промышленности Сибири, где в основном сырая нефть напрямую экспортируется, а переработкой занимаются в небольших объёмах по отношению к добытой нефти.

Если в отношении других упомянутых нами ресурсо-ориентированных регионов правительствами их государств созданы особые программы региональной политики, предполагающие их ускоренное развитие (для СУАР – это «Программа освоения западных регионов», а для Сибири – «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года»), то в отношении Патагонии таких программ никогда не разрабатывалось, хотя и предпринимались попытки. Правительство Аргентины принимает единичные меры, используя как рыночные методы стимулирования (налоговые льготы на определённые виды промышленности), так и внерыночные (запрет на регистрацию предприятий в Буэнос-Айресе). В таблице приведены законы, которые принимались для сглаживания региональной дифференциации и развития экономики в Патагонии в течение второй половины XX в. Наиболее радикальным стоит признать намерение перенести столицу страны в небольшой городок Вьедма на северо-востоке Патагонии, что должно было, по замыслу, способствовать не только освоению Патагонии, но и разгрузить Буэнос-Айрес [5]. Однако осуществление этого проекта так и не было начато в связи с отставкой президента Альфонсина Рауля, но закон действителен до сих пор, и, как отмечал сам Альфонсин после президентства, любой действующий президент Аргентины может перенести столицу Аргентины простым подписанием декрета [6]. Примечательно, что похожую меру неоднократно предлагается осуществить и для освоения Сибири и децентрализации политической и экономической жизни России, начиная с В. П. Семёнова-Тян-Шанского в 1915 г [7], заканчивая современными политическими деятелями, такими как С. Шойгу, А. Дугин, Э. Лимонов, а также научными кругами институтов РАН.

Как показано в таблице, практически все мероприятия правительства не увенчались успехом и, помимо политической нестабильности, есть и другой аспект. Основная проблема экономики всей Аргентины – высокая доля иностранного капитала в ней, и соответственно, подчинённость ее международным корпорациям, поэтому проекты развития Патагонии встречают серьезное сопротивление со стороны стран-импортеров товаров в Аргентину. Как уже было упомянуто выше, Аргентина в 2002 г., также как и Россия в 1998 г., пережила дефолт. В качестве конвертации государственного долга Аргентины, обладающей богатыми запасами природных ресурсов, которые в то время еще не были полностью разведаны и измерены, рассматривались возможности изменения административного управления патагонскими провинциями вплоть до отчуждения её в пользу кредиторов в обмен на списание государственного долга. Продажа земель в Патагонии по низким ценам номинально декларировалась как «продажа под конкретные промышленные и сельскохозяйственные проекты».

В итоге нынешняя экономика Патагонии, несмотря на долгое периодическое внимание со стороны центрального правительства, имеет все те же беды, что были и 50 лет назад, – крайне низкая заселенность территории, сырьевая направленность экономики (в частности, добыча нефти, природного газа, редких металлов, каменного угля) в совокупности с развитым сельским хозяйством (на юге преимущественно овцеводством, на севере – растениеводство), сильная зависимость от иностранного капитала. Промышленность развивается лишь во внутренних районах, где возможна постройка небольших по мощности гидроэлектростанций (последняя из которых (Эль-Чокон) была построена уже более 25 лет назад, а строительство новых требует больших денежных вложений) и переработка нефти, что является заслугой политики центра. В то же время от внутренних областей России Патагонию отличает гораздо меньшая промышленная освоенность с характерной для внутриконтинентальных территорий ориентацией на цветную металлургию. Россия более активно ведёт региональную политику в отношении Сибири, однако результаты этой политики схожи с ситуацией вокруг Патагонии. Но для Сибири опыт Патагонии в области налогового регулирования, ограничений на регистрацию предприятий и столичного планирования может быть полезен и внимательно изучен, в том числе во избежание повторения ошибочных решений.

Таблица. **Этапы региональной политики Аргентины в отношении Патагонии во второй половине XX в. [3; 8–10]**
Table. **Stages of regional politics of Argentina toward Patagonia in the second half of the XX century**

Законодательная база	Основные принципы политики	Итоги
Закон о содействии промышленному развитию 1959 г., декреты 1961 г. и 1964 г., декреты местных правительств 60-х гг.	Налоговые льготы для вновь создаваемых и расширяемых производств в определённых отраслях: химическая промышленность, цветная металлургия, рыбная, мясохладобойная, текстильная промышленность, а позже горнорудная, деревообрабатывающая и судостроительная промышленность. Они должны были наладить экспортное производство, использовать местное сырье, энергию и рабочую силу. Для координации создан Национальный совет развития и Федеральный совет капиталовложений.	Централизация промышленности в районе Буэнос-Айреса и побережья Пампы продолжалась. Основная часть вложений по льготным условиям проходила в наиболее близких к столице районах, включённых в программу. В Патагонии созданы предприятия (алюминиевый завод в Мадрине). Национальный совет развития и Федеральный совет капиталовложений слабо влияют на экономическое развитие и их решения имеют рекомендательный характер.
Закон о содействии промышленному развитию Перона 1973 г.	Запрет на создание новых промышленных предприятий в Федеральном столичном округе. Новые предприятия в пригородных зонах столицы в радиусе 60 км лишались установленных льгот и привилегий и облагались единовременным налогом в размере 50 % от вложенного капитала. Для Патагонии для национальных предприятий устанавливались скидки и освобождения от уплаты налогов и гербовых сборов, льготные тарифы на снабжение сырьём, топливом, электроэнергией и т. п., государственные субсидии (до 20 % от размера вложенного капитала) и техническая помощь и облегчение условий импорта.	Централизация промышленных предприятий стала развиваться в ближайших к Буэнос-Айресу крупных городах Ла-Платы – Кордоба, Тукуман. Правительственный кризис, вызванный частыми сменами власти, не оказал существенного влияния на экономику страны, но помог развитию гидроэнергетики в Патагонии, на основе которой сейчас держится её экономика.
Закон 1978 г.	Сохранение запрета на создание новых промышленных предприятий в столице и исключение из льготного режима капиталовложений в ее пригородные зоны, а также в города Росарио и Кордова. Скидки и освобождения от уплаты налогов, ускоренная амортизация оборудования, освобождение и облегчение условий импорта, как на национальные, так и на иностранные компании. Создание шести «полюсов развития»: Сальта-Жужуй, Коррьентес-Ресистенция, Посадас, Неукен, Пуэрто-Мадрин, Рио-Гальегос.	Поощрения в льготной политике не смогли компенсировать экономические преимущества размещения производств в прибрежной зоне вокруг Буэнос-Айреса, но был создан мощный промышленный кластер в провинции Неукен.
1986–87 г – закон 23.512 Рауля Альфонсина	Перенос столицы Аргентины из Буэнос-Айреса во Вьедму, переходным периодом в 5 лет.	Правительство спустя 2 года после принятия закона пало, а следующий президент не подписал указ о переносе столицы.

Литература

1. Фартышев А. Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. №2-1 С. 144–153.
2. Фартышев А. Н. Реализация стратегий экономического развития Синьцзяна и Сибири в 2001–2014 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI международной научно-практической конференции (16–18 мая 2016 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2016. Вып. 6. С. 297–300.
3. Луна Ф. Краткая история аргентинцев / пер. с исп. А. С. Шишков. М.: Весь Мир, 2010. 278 с.
4. Горная энциклопедия. В 5 т. / гл. ред. Е. А. Козловский. М.: Советская энциклопедия, 1984. Т. 1. 560 с.
5. Гилберт А. Перенос столицы Аргентины: еще один пример утопического планирования? // Философско-литературный журнал Логос. 2013. № 4(94). С. 191–206.
6. Salbuchi A. Argentina: Targeted by World Government – Danger over 'Patagonia'! Режим доступа: http://www.asalbuchi.com.ar/2010/10/argentina-targeted-by-world-government-danger-over-patagonia/ (дата обращения: 22.10.2017).
7. Семенов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1915. Вып. VIII. С. 425–457.
8. Аргентина: тенденции экономического и социального-политического развития / сост. Херонимо Арнедо Альварес, Л. Пасо, Р. Сан-Эстебан; отв. ред. В. В. Вольский. М.: Наука, 1980. 336 с.
9. Латинская Америка: актуальные проблемы географии / отв. ред. К. С. Тарасов. М.: Институт Латинской Америки Академии наук СССР, 1977. 460 с.
10. Гаврилова Т. С., Железняк А. А., Мартынова Е. И. и др. Латинская Америка: региональная политика и планирование / отв. ред. К. С. Тарасов. М.: Наука, 1982. 205 с.

REGIONAL POLICY OF THE STATES TOWARDS THEIR RESOURCE-ORIENTED PERIPHERIES: EXPERIENCE OF ARGENTINA IN THE DEVELOPMENT OF PATAGONIA IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN POLICY TOWARDS SIBERIA

***Arseny N. Fartyshev*[1, @]**

[1] *Sochava Institute of Geography Siberian branch of Russian Academy of Science, 1, Ulan-batorskaya St., Irkutsk, 664033*
[@] *Fartyshev.an@gmail.com*

Received 03.11.2017. Accepted 27.11.2017.

Keywords: economical geography, history of economic policy, regional geography, Latin America, Siberia, Xinjian.

Abstract: This paper features economic-geographical, historical and political comparison between Patagonia and Siberia as the biggest resource-oriented peripheries of the world. A conclusion is made about the similarity of the social-economic role of these regions as a low-populated raw material base with small share of industry. Although the regional policy toward Patagonia has never been regulated by any program or strategic document the way it is in Siberia and East regions of China, some success has been achieved, especially in oil refining. The article analyzes the main governmental acts aimed at overcoming the raw material base role and decentralizing the Argentinean economy in the second half of XX century. The general problems obstructing the realization of the long-term measures are the political instability of Argentina and its high dependency on the economy on foreign capital. The experience of Patagonia in the field of tax regulating, company registering limits and capital planning can be interpolated to the situation in Siberia and can become the subject of a more detailed research.

For citation: Fartyshev A. N. Regional'naia politika gosudarstv v otnoshenii resurso-orientirovannykh periferiinykh territorii: opyt Argentiny v otnoshenii Patagonii v sravnenii s politikoi Rossii po otnosheniiu k Sibiri [Regional Policy of the States towards their Resource-Oriented Peripheries: Experience of Argentina in the Development of Patagonia in Comparison with the Russian Policy towards Siberia]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2017): 14–18.

References

1. Fartyshev A. N. Regional'naia politika Rossii i Kitaia v otnoshenii svoikh vnutrikontinental'nykh territorii: Sibir' i Sin'tszian [Regional policy of Russia and China towards its innercontinental territories: Siberia and Xinjian]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politologiia. Religiovedenie = Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies*, no. 2-1 (2013): 144–153.

2. Fartyshev A. N. Realizatsiia strategii ekonomicheskogo razvitiia Sin'tsziana i Sibiri v 2001–2014 gg. [Realization of strategies of economical growth of Xinjian and Siberia in 2001–2014]. *Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva: materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (16–18 maia 2016 g.)* [Russia and China: history and prospects of cooperation: Proc. VI Intern. Sc.-Prac. Conf. (May 16–18 2016)]. Ed. Buiarov D. V., Kuznetsov D. V. Blagoveshensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, (2016): 297–300.

3. Luna F. *Kratkaia istoriia argentintsev* [Short history of Argentineans]. Transl. Shishkov A. S. Moscow: Ves' Mir, 2010, 278.

4. *Gornaia entsiklopedia* [Mining encyclopedia]. Ed. Kozlovskii E. A. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, vol. 1 (1984): 560.

5. Gilbert A. Perenos stolitsy Argentiny: esche odin primer utopicheskogo planirovaniia? [Moving the capital of Argentina: a further example of utopian planning?]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal Logos = Philosophical and literary magazine Logos*, no. 4(94) (2013): 191–206.

6. Salbuchi A. *Argentina: Targeted by World Government – Danger over 'Patagonia'!* Available at: http://www.asalbuchi.com.ar/2010/10/argentina-targeted-by-world-government-danger-over-patagonia/ (accessed 22.10.2017).

7. Semenov-Tian-Shanskiy V. P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii: ocherk po politicheskoi geografii [About giant territorial possession applied to Russia. The political geography essay]. *Izvestiia Imperatirskogo geograficheskogo obschestva = Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*, no. 8 (1915): 425–457.

8. *Argentina: tendentsii ekonomicheskogo i sotsial'nogo-politicheskogo razvitiia* [Argentina: trends of economical and social-political development]. Comp. Kheronimo Arnedo Al'vares, Paso L., San-Esteban R. Ed. Vol'skii V. V. Moscow: Nauka, 336.

9. *Latinskaia Amerika: aktualnye problem geografii* [Latin America: actual issues of geography] Ed. Tarasov K. S. Moscow: Institut Latinskoi Ameriki Akademii nauk SSSR, 460.

10. Gavrilova T. S., Zhelezniak A. A., Martynova E. I. and others. *Latinskaia Amerika: regionalnaia politika iplanirovanie* [Latin America: regional policy and planning]. Ed. Tarasov K. S. Moscow: Nauka, 1982, 205.

УДК 323.17+316.334.52

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КУЗБАССОВЦЕВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Елена А. Морозова[1, @1, *], Оксана П. Кочнева[2, @2, *], Анна В. Сухачева[2, @3, *]

[1] Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[2] Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А
[@1] morea@inbox.ru
[@2] smiop@yandex.ru
[@3] anisha86@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 21.12.2017.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, межнациональное взаимодействие, национальная культура, социологическое исследование.

Аннотация: Межнациональное взаимодействие, которое традиционно является актуальным и в науке, и в политике, и в обыденной жизни, во многом зависит от этнической идентичности – степени отождествления себя с определенной национальной группой, ее устоями, культурой, менталитетом. Сведения о проявлениях этнической идентичности способны своевременно выявлять зарождающиеся национальные и межнациональные проблемы в обществе и находить пути их разрешения. Целью настоящей статьи является анализ отдельных характеристик этнической идентичности населения Кемеровской области, полученных в ходе областного социологического исследования, проведенного методом уличного экспресс-интервью в октябре 2017 года среди взрослого населения региона по репрезентативной выборке.

Полученные социологические факты демонстрируют не самый высокий уровень когнитивной и особенно поведенческой идентичности кузбассовцев, подавляющее большинство которых составляет русское население. В достаточно высоком уровне осведомленности об особенностях своей национальной культуры признались немногим более трети респондентов. Большинство национальных обычаев и традиций соблюдают менее 30 % жителей региона. Две трети кузбассовцев никогда не отстаивали интересы своей национальности в каких-либо спорах или конфликтах. Интегральный показатель уровня этнической идентичности составил чуть более 3-х баллов по пятибалльной шкале. Невысокая степень этничности говорит о необходимости корректировать национальную политику на региональном и муниципальном уровнях.

Для цитирования: Морозова Е. А., Кочнева О. П., Сухачева А. В. Этническая идентичность кузбассовцев (по результатам социологического исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 19–24.

Российское общество в целом и региональные сообщества в частности являются многонациональными, полиэтническими социальными объединениями. При этом сложные межнациональные взаимодействия, подвергающиеся влиянию различных факторов (политических, экономических, идеологических и прочих), зачастую приводят к «размыванию» этносов, смешению их культур и, как следствие, к усложнению процессов этнической идентификации. Однако, как считают ученые, «для России в условиях глобализации проблемы идентичности приобретают исключительно важное значение» [1]. Этническая идентичность позволяет человеку не только осознавать свои корни, историю своего народа, но и формировать преданность родине, патриотизм, гражданскую зрелость.

Проблематика национальной, этнической идентичности, самобытности изучается многими учеными [2–4 и др.]. Появление термина «идентичность» исследователи связывают с именем Э. Эриксона, считавшего, что она: означает чувство личного тождества и исторической непрерывности личности; существует на двух уровнях – индивидуальном и социальном (первый предполагает осознание себя как тождественного и восприятие непрерывности своего существования во времени и пространстве, второй – восприятие личностью признания окружающими ее тождества и непрерывности существования) [5, с. 144].

Известно, что человек одновременно входит в состав многих социальных общностей (семья, друзья, трудовой коллектив, региональное сообщество, половозрастная,

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-46-420035 «Коренные малочисленные этносы Кемеровской области под воздействием угольных компаний: социальные и экологические факторы развития конфликтов в районах угледобычи в контексте мирового опыта междисциплинарных исследований и практик управления».***

национальная и другие группы), следовательно, может иметь несколько идентичностей, среди которых важное место занимают национальная и этническая. На наш взгляд, следует различать национальную и этническую идентичность, как это делают многие авторы научных публикаций [6–8].

П. Сорокин утверждал, что национальная идентичность – культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [9, с. 34]. Этническая же идентичность – «это чувство лояльности и принадлежности к этнической группе. Она не имеет отношения к государственным институтам, которые обычно приводят к появлению национальной идентичности» [5, с. 157]. Национальная и этническая идентичности в реальной жизни находятся в достаточно сложном взаимодействии, порой противоборствующем. Так, Л. В. Русских утверждает, что в настоящее время «в сознании россиян существует противоречие двух типов идентичности, а преобладающей является этническая, а не национальная идентичность» [10, с. 180].

По утверждению ученых, в структуре этнической идентичности обычно выделяют три компонента: 1) когнитивный (знания об особенностях собственной этнической группы и осознание себя ее членом); аффективный (эмоциональная оценка качеств данной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства); поведенческий (проявление себя членом определенного этноса, вовлеченность в его социальную жизнь) [11, с. 80].

Изучение фактического состояния, проявлений этнической идентичности – достаточно сложная исследовательская задача. В основном она решается социологическими методами. Ученые обследуют различные территориальные, национальные общности, иные категории населения [12–15 и др.], выясняя особенности их этнической идентичности. Проводятся в России и более комплексные исследования, например Институтом социологии Российской академии наук [16–18].

Социологи подчеркивают, что на конкретные значения показателей национальной и этнической идентичности влияют методические инструменты их измерения, в частности, формулировки вопросов и вариантов ответов [16, с. 37]. Это свидетельствует о необходимости тщательного подбора соответствующих индикаторов и осторожности при интерпретации полученных данных.

Опираясь на общеметодологические подходы к пониманию и изучению этнической идентичности, в Кемеровской области был исследован ряд ее характеристик в рамках регионального исследования межнациональных отношений методом уличного экспресс-интервью по квотной репрезентативной выборке. Объектом исследования стало взрослое население Кемеровской области (от 18 лет и старше); предметом – отношение к этническим процессам и межнациональному взаимодействию. Опросы состоялись в середине октября 2017 года и охватили 1000 человек.

Массив респондентов на 44 % состоит из мужчин; на 56 % – из женщин. Среди опрошенных пятую часть составляет молодежь (18–29 лет); 39 % – среднее поколение (30–49 лет); 41 % – старшее (50 лет и более). В крупных городах области (Кемерово и Новокузнецк) проживают 41 % участников интервью; в средних – 15 %, в малых – 24 %, в рабочих поселках и селах – 20 %. Доля респондентов из северной части Кемеровской области составляет 40 %, из центральной – 28 %, из южной – 32 %. Названные четыре признака были квотными, то есть распределения опрошенных по ним полностью соответствуют структурам генеральной совокупности по полу, возрасту, типу населенного пункта и региону проживания.

В исследовании отслеживались и другие социально- демографические признаки, которые использовались в сравнительном анализе данных. По уровню образования респонденты были сгруппированы в четыре категории: получившие общее среднее образование и ниже (18 %), начальное профессиональное (17 %), среднее профессиональное (36 %), высшее (29 %). Почти четверть опрошенных (23 %) являются работниками государственных учреждений; 38 % – работниками негосударственных предприятий; 25 % – пенсионерами; 5 % – обучающимися; 9 % – неработающими (в сравнительном анализе две последние группы в силу своей малочисленности были объединены в одну). Почти половина участников опроса (48 %) отнесли себя к малообеспеченным; 51 % – к среднеобеспеченным; 1 % – к высокообеспеченным (средне- и высокообеспеченные были объединены в одну группу – более обеспеченные).

Для обработки и анализа социологических данных использовался программный продукт SPSS. Ошибка выборки по общему массиву данных не превышает 5 % при коэффициенте доверия 0,96.

В кузбасском социологическом исследовании изучались когнитивный и поведенческий компоненты этнической идентичности населения. В первом случае выяснялось, к какой национальности себя относят опрошенные жители региона и как оценивают собственные знания о культуре своей национальности; во втором – соблюдают ли они национальные обычаи и традиции, а также приходилось ли им отстаивать интересы своей национальности в спорах, дискуссиях, конфликтах.

Отвечая на вопрос «К представителям какой национальности Вы себя относите?», кузбассовцы назвали 24 национальности. При этом 10 % респондентов указали не одну, а две национальности, что довольно часто встречается в российской практике национального самоопределения. Приведем распределение опрошенных по национальностям: русские – 90,4 %; татары – 2,3 %; украинцы – 1,5 %; немцы – 0,9 %; казахи – 0,7 %; шорцы – 0,7 % армяне – 0,6 %; таджики – 0,6 %; башкиры – 0,5 %; азербайджанцы – 0,4 %; белорусы – 0,4 %; киргизы – 0,3 %; корейцы – 0,2 %; мордва – 0,2 %; узбеки – 0,2 %; чеченцы – 0,2 %; японцы – 0,2 %; алтайцы – 0,1 %; болгары – 0,1 %; евреи – 0,1 %; коми – 0,1 %; удмурты – 0,1 %; телеуты – 0,1 %; чуваши – 0,1 %.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных кузбассовцев относят себя к русским. Далее с большим отрывом следуют татары, украинцы, немцы, казахи и шорцы. Представителей других национальностей в массиве опрошенных было не более 6 человек. Поскольку статистически значимой группой является лишь одна, в сравнительном анализе были выделены две категории: русские и другие (нерусские) национальности. При этом те граждане, которые назвали по две национальности (а одна из них всегда была «русские») отнесены в группу «других».

Интересно, что среди русских больше, чем среди представителей других национальностей, людей со средним профессиональным образованием (38 % и 22 % соответ-

ственно), а среди нерусских – больше с начальным профессиональным (25 % и 16 %) и с высшим (34 % и 28 %). Русские чаще нерусских занимают рабочие места в государственных организациях (24 % и 17 %), и реже – в негосударственных (44 % и 37 %).

Как уже отмечалось, на когнитивном уровне идентичность во многом характеризуется знанием людьми своей национальной культуры. Более трети кузбассовцев (36 %) в ходе социологического опроса уверяли о высоком уровне собственной информированности о национальной культуре своего народа, но чаще всего (в 45 % случаев) респонденты говорили, что знакомы лишь с некоторыми особенностями культуры. 13 % жителей области признались в слабой осведомленности о культурной специфике своего народа, а 6 % не смогли ответить на самооценочный вопрос. К тому же и русские, и не русские примерно одинаково оценивают собственную информированность о культурных традициях своего народа.

Ответы на вопрос «Соблюдаете ли Вы национальные обычаи и традиции?» показали, что большинство населения соблюдает традиции своего народа, но, как правило, далеко не все. Четверть кузбассовцев стараются придерживаться большинства национальных обычаев и традиций; более половины же граждан учитывают только некоторые из них. Совсем не ориентируются на культурные особенности своих народов 6 % жителей области. Сравнительный анализ не выявил различий между русскими и нерусскими в частоте соблюдения национальных традиций. Однако связь между информированностью о своей национальной культуре и соблюдением этнических традиций зафиксирована: коэффициент корреляции Пирсона составил 0,56 (средний уровень прямой связи).

Еще один вопрос темы национальной идентичности выяснял наличие опыта защиты интересов своего народа в каких-либо спорах или конфликтных ситуациях (рис. 1).

Как видно из рис. две трети населения Кемеровской области не участвовали в выяснениях отношений по поводу межнациональных вопросов. Но у трети граждан такой опыт имеется, причем у каждого двадцатого – богатый.

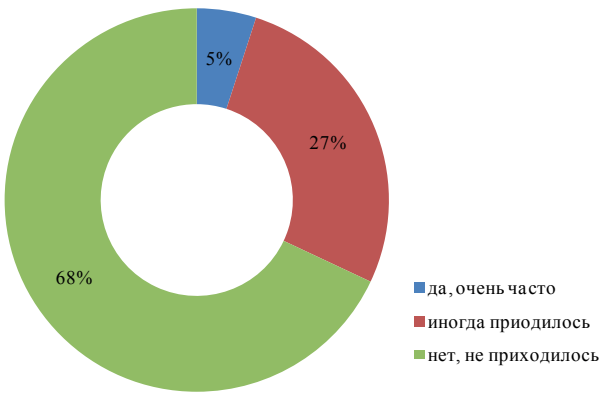

Рис. ***Ответы на вопрос «Приходилось ли Вам отстаивать интересы представителей своей национальности в спорах, дискуссиях, конфликтах?», % от числа опрошенных***

Fig. ***Answers to the question «Have you ever had to defend the interests of representatives of your nationality in disputes, discussions, conflicts?», % of the number of respondents***

Интересно, что русским реже приходилось участвовать в подобных разбирательствах.

Использование порядковых шкал в вопросах об этнической идентичности позволил применить балльный метод для расчета частных и интегрального показателей. Для этого ответы респондентов были перекодированы по пятибалльной шкале и получены средние показатели по отдельным индикаторам, а также итоговая оценка «уровень этнической идентичности» (УЭИ):

– уровень осведомленности об особенностях национальной культуры – 3,44;

– степень соблюдения национальных обычаев и традиций – 3,19;

– частота отстаивания национальных интересов в спорах, конфликтах – 2,64;

– уровень этнической идентичности – 3,09.

Информированность о специфике национальной культуры получила самую высокую оценку в приведенном наборе индикаторов, а частота участия в спорах и конфликтных ситуациях при отстаивании интересов своего народа – самую низкую. Итоговый уровень этнической идентичности составил 3,09 балла. Его дифференциация по различным категориям опрошенных представлена в таблице.

Таблица. **Уровень этнической идентичности по группам респондентов, баллы**

Table. **The level of ethnic identity according to groups of respondents, scores**

Признак	Группа	УЭИ
Пол	Мужчины	2,93
	Женщины	3,21
Возраст	Молодежь	2,91
	Среднее поколение	3,06
	Пожилые	3,21
Образование	Менее образованные	3,12
	Получившие НПО	2,84
	Получившие СПО	3,11
	Получившие ВО	3,19
Род деятельности	Работники государственных организаций	3,15
	Работники негосударственных организаций	3,02
	Пенсионеры	3,23
	Неработающие	2,91
Благосостояние	Более обеспеченные	3,22
	Менее обеспеченные	2,95
Тип населенного пункта	Жители больших городов	2,98
	Жители средних городов	3,20
	Жители малых городов	3,24
	Жители рабочих поселков и сел	3,05
Регион проживания	Население северной части	3,23
	Население центральной части	3,13
	Население южной части	2,88

Выводы

Этническая идентичность является важнейшим параметром осознания человеком истории своего происхождения, культуры, языка, фактором социализации, патриотизма, мотивированности активной социальной жизни. Поэтому изучение аспектов этнической идентичности – важная, но непростая задача, реализация которой проливает свет на уровень самоопределения людей в межнациональной среде, значимости для них этнических традиций, устойчивости менталитета своего народа.

Тот факт, что только треть населения Кемеровской области хорошо знакома с особенностями своей национальной культуры, свидетельствует о недостаточном интересе жителей региона к устоям и обычаям предков. Если же учесть, что соблюдение большинства национальных традиций характерно лишь для четверти кузбассовцев, а две трети из них не имеют опыта отстаивания национальных интересов, то проблема видится еще острее.

Сказанное актуализирует проблему национального воспитания, сохранения и развития этнического разнообразия, совершенствования национальной политики на региональном и муниципальном уровнях. При этом следует помнить, что национальный вопрос – один из самых тонких и специфичных в регулировании социальных отношений, поэтому требуется максимально взвешенный и продуманный подход к его решению.

Литература

1. Целищев Н. Н. Язык, этническая идентичность и национальное самосознание // Аграрное образование и наука. 2014. № 1. С. 13. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21675650_94801766.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

2. Гусейнов О. М., Гусейнова Ж. О. Национальное самосознание и этническая идентичность // Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 1. С. 120–130.

3. Курбанов Н. И. О. Этническая и национальная идентичность как проблема современной социологии знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 133–136. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_16964362_51212136.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

4. Железняков А. С., Литвинова Т. Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // Россия реформирующаяся. 2012. № 11. С. 367–383. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_19033591_14163491.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

5. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_17859192_56502053.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

6. Бутенко Н. А. К проблеме критериев разграничения этнической, национальной и цивилизационной идентичности // Социосфера. 2014. № 1. С. 31–35. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21307130_69838082.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

7. Мёдова Ю. А. О соотношении этнической и национальной идентичности // Философия и общество. 2010. № 4. С. 119–125.

8. Борбодоев Ж. М. Соотношение национальной и этнической идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3(34). С. 123–130.

9. Сорокин П. А. Социальная культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

10. Русских Л. В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 178–180. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_20399896_51488168.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

11. Белоцерковец Н. И. Воспитание национального самосознания личности как условие формирования этнической идентичности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 36. С. 78–82. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21357967_55268838.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

12. Персидская О. А., Евдокимов А. И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10(72). С. 137–141. Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2016/10/36.html (дата обращения: 20.12.2017).

13. Маклашова Е. Г., Астахова И. С. Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 2-3. С. 73–78. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23273277_10364968.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

14. Апанасюк Л. А. Социально-экономические направления гармонизации межнациональных отношений в образовательной среде // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 2(40). С. 87–92. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29323322_22774026.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

15. Захарова А. А. Этноконфессиональная идентичность жителей республик Южной Сибири // Синергия Наук. 2017. № 16. С. 1159–1163. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_30457621_77525765.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

16. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2013. № 1. С. 001–054. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18774048_48105752.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

17. Горшков М. К., Аникин В. А., Бызов Л. Г., Дробижева Л. М., Каравай А. В., Латова Н. В., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов В. В., Петухов Р. В., Седова Н. Н., Слободенюк Е. Д., Тихонова Н. Е., Шевченко А. Г. Российское общество и вызовы времени. М.: Весь мир, 2016. Т. 3. 424 с. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26360675_11809670.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

18. Горшков М. К., Андреев А. Л., Дробижева Л. М., Кузнецов И. М., Латова Н. В., Латов Ю. В., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов В. В., Петухов Р. В., Седова Н. Н., Тихонова Н. Е., Трофимова И. Н., Шевченко А. Г. Этническое разнообразие и сходство в массовых оценках и суждениях // Российское общество и вызовы времени. М.: Весь мир. Т. 4. С. 235–252. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_28322283_52871072.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

ETHNIC IDENTITY OF KUZBASS RESIDENTS (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Elena A. Morozova[1, @1, *], Oksana P. Kochneva[2, @2, *], Anna V. Sukhacheva[2, @3, *]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[2] State educational establishment Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38-A, Tuhachevskiy St., Kemerovo, Russia, 650070
[@1] morea@inbox.ru
[@2] smiop@yandex.ru
[@3] anisha86@mail.ru

Received 30.11.2017. Accepted 21.12.2017.

Keywords: national identity, ethnic identity, interethnic interaction, national culture, sociological research.

Abstract: Interethnic interaction, which is traditionally important in science, politics, and everyday life, largely depends on one's ethnic identity: the degree of identification with a particular national group, its foundations, culture, and mentality. The information about the manifestations of ethnic identity can timely identify emerging national and international problems in society and find the ways to resolve them. The purpose of this article is to analyze the individual characteristics of the ethnic identity of the population of the Kemerovo Region, obtained by a regional sociological survey conducted by a street express interview in October 2017 among the adult population of the region with a representative sample.
The obtained sociological facts demonstrate a relatively low level of cognitive and, especially, behavioral identity of Kuzbass residents, the vast majority belonging to the Russian population. A little more than a third of the respondents admitted a sufficiently high level of awareness of their national culture peculiarities. Most of the national customs and traditions are observed by less than 30 % of the region inhabitants. Two-thirds of Kuzbass residents have never protected the interests of their nationality in any disputes or conflicts. The integral indicator of the level of ethnic identity was just over 3 points on a five-point scale. A low degree of ethnicity speaks of the need to adjust national policies at the regional and municipal levels.

For citation: Morozova E. A., Kochneva O. P., Sukhacheva A. V. Etnicheskaia identichnost' kuzbassovtsev (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Ethnic Identity of Kuzbass Residents (Based on the Results of a Sociological Survey)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3 (2017): 19–24.

References

1. Tselishchev N. N. Iazyk, etnicheskaia identichnost' i natsional'noe samosoznanie [Language, ethnic identity and national identity]. *Agrarnoe obrazovanie i nauka = Agrarian education and science*, no. 1 (2014): 13. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21675650_94801766.pdf (accessed 06.12.2017).

2. Guseynov O. M., Guseynova Zh. O. Natsional'noe samosoznanie i etnicheskaia identichnost' [National self-consciousness and ethnic identity]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia = Social and humanitarian knowledge*, vol. 1 (2016): 120–130.

3. Kurbanov N. I. O. Etnicheskaia i natsional'naia identichnost' kak problema sovremennoi sotsiologii znaniia [Ethnic and national identity as a problem of modern sociology of knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, no. 4 (2011): 133–136. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16964362_51212136.pdf (accessed 20.12.2017).

**** This research was supported by Russian Foundation for Basic Research within the frameworks of the following research project No. 16-46-420035 "Indigenous Peoples of the Kemerovo Region Under the Pressure from Coal-Mining Companies: Societal and Environmental Roots of Conflicts Escalation in the Mining Territories in Context of World's Interdisciplinary Research & Management Experience".***

4. Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. Problema formirovaniia rossiiskoi natsional'noi identichnosti v usloviiakh etnicheskogo mnogoobraziia [The problem of the formation of the Russian national identity in the conditions of ethnic diversity]. *Rossiia reformiruiushchaiasia = Russia reforming,* no. 11 (2012): 367–383. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19033591_14163491.pdf (accessed 20.12.2017).

5. Kochetkov V. V. Natsional'naia i etnicheskaia identichnost' v sovremennom mire [National and ethnic identity in the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 18. Sotsiologiia i politologii = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 2 (2012): 144–162. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17859192_56502053.pdf (accessed 20.12.2017).

6. Butenko N. A. K probleme kriteriev razgranicheniia etnicheskoi, natsional'noi i tsivilizatsionnoi identichnosti [To the problem of criteria for distinguishing ethnic, national and civilizational identity]. *Sotsiosfera = Sociosphere*, no. 1 (2014): 31–35. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21307130_69838082.pdf (accessed 20.12.2017).

7. Miodova Yu. A. O sootnoshenii etnicheskoi i natsional'noi identichnosti [On the Relation of Ethnic and National Identity]. *Filosofiia i obshchestvo = Philosophy and Society*, no. 4 (2010): 119–125.

8. Borbodoev Zh. M. Sootnoshenie natsional'noi i etnicheskoi identichnosti [Correlation of national and ethnic identity]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii = Questions of National and Federative Relations*, no. 3(34) (2016): 123–130.

9. Sorokin P. A. *Sotsial'naia kul'turnaia dinamika* [Social cultural dynamics]. Moscow: Astrel', 2006, 1176.

10. Russkikh L. V. Identichnost': kul'turnaia, etnicheskaia, natsional'naia [Identity: cultural, ethnic, national]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Herald of South Ural State University. Series: Social and Human Sciences*, 13, no. 2 (2013): 178–180. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20399896_51488168.pdf (accessed 20.12.2017).

11. Belotserkovets N. I. Vospitanie natsional'nogo samosoznaniia lichnosti kak uslovie formirovaniia etnicheskoi identichnosti [Education of national identity of a person as a condition for the formation of ethnic identity]. *Psikhologiia i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia = Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application*, no. 36 (2014): 78–82. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21357967_55268838.pdf (accessed 20.12.2017).

12. Persidskaya O. A., Evdokimov A. I. Raznye vidy identichnosti u etnicheskikh grupp Sibiri: opyt sopostavleniia vyvodov sotsiologicheskikh issledovanii [Types of identity among ethnic groups of Siberia: comparing sociological research findings]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 10(72) (2016): 137–141. Available at: www.gramota.net/materials/3/2016/10/36.html (accessed 20.12.2017).

13. Maklashova E. G., Astakhova I. S. Etnichnost' i identichnost': sootnoshenie i osobennosti formirovaniia v usloviiakh natsional'nogo sub»ekta RF [Ethnicity and Identity: Features of Formation in Conditions of Ethnic Russian Republic]. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*, 11, no. 2-3 (2014): 73–78. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23273277_10364968.pdf (accessed 20.12.2017).

14. Apanasyuk L. A. Sotsial'no-ekonomicheskie napravleniia garmonizatsii mezhnatsional'nykh otnoshenii v obrazovatel'noi srede [Socio-economic directions of harmonization of interethnic relations in the educational environment]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vector of science of Togliatti State University,* no. 2(40) (2017): 87–92. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29323322_22774026.pdf (accessed 20.12.2017).

15. Zakharova A. A. Etnokonfessional'naia identichnost' zhitelei respublik Iuzhnoi Sibiri [Ethnoconfessional identity of the inhabitants of the republics of Southern Siberia]. *Sinergiia Nauk = Synergy of Sciences*, no. 16 (2017): 1159–1163. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30457621_77525765.pdf (accessed 20.12.2017).

16. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Sotsiokul'turnye faktory konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Sociocultural factors of consolidation of Russian society]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk = Information-analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, no. 1 (2013): 001–054. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18774048_48105752.pdf (accessed 06.12.2017).

17. Gorshkov M. K., Anikin V. A., Byizov L. G., Drobizheva L. M., Karavay A. V., Latova N. V., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Mchedlova M. M., Petuhov V. V., Petuhov R. V., Sedova N. N., Slobodenyuk E. D., Tihonova N. E., Shevchenko A. G. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Moscow: Ves' mir, vol. 3 (2016): 424. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26360675_11809670.pdf (accessed 20.12.2017).

18. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Drobizheva L. M., Kuznetsov I. M., Latova N. V., Latov Yu. V., Mareeva S. V., Mchedlova M. M., Petuhov V. V., Petuhov R. V., Sedova N. N., Tihonova N. E., Trofimova I. N., Shevchenko A. G. Etnicheskoe raznoobrazie i skhodstvo v massovykh otsenkakh i suzhdeniiakh [Ethnic diversity and similarities in mass assessments and judgments]. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Moscow: Ves' mir, vol. 4 (2016): 235–252. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28322283_52871072.pdf (accessed 20.12.2017).

УДК 338.48 (571.17)

ТУРИСТСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСУРСНОГО РЕГИОНА

Ольга А. Брель[1, @1], Филипп Ю. Кайзер[1, @2]

[1] Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@1] brel_o_a@mail.ru

[@2] filipp.kaizer@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.11.2017. Принята к печати 27.11.2017.

Ключевые слова: туристская привлекательность, ресурсный регион, диверсификация экономики, Кемеровская область, устойчивое развитие, позиционирование региона.

Аннотация: В статье рассмотрена туристская привлекательность как составляющая общей привлекательности территории и ее роль в проведении политики диверсификации экономики ресурсного региона. Рассмотрена Кемеровская область как типичный регион «ресурсного типа», в основе экономики которого лежат экспортно-ориентированные отрасли (угольная промышленность, металлургия, тяжелое машиностроение, химическая продукция). Представлены результаты опроса, направленного на выявление привлекательных и непривлекательных сторон региона как туристской дестинации. Респондентами выступили жители Кемеровской области и сопредельных территорий, европейской части России, уральского региона, а также Забайкалья и Дальнего Востока. Определена важность грамотного позиционирования региона на туристском рынке страны, формирования и продвижения положительного имиджа Кемеровской области. Туристская индустрия для ресурсного региона рассматривается как альтернативный источник дополнительных поступлений в экономику, способствующий долгосрочному устойчивому развитию территории. Предложен комплекс мероприятий, способствующих повышению туристской привлекательности Кемеровской области.

Для цитирования: Брель О. А., Кайзер Ф. Ю. Туристская привлекательность как фактор диверсификации экономики ресурсного региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3.С. 25–28.

Последние несколько лет для регионов «ресурсного типа» диверсификация экономики становится все более актуальной, поскольку этот процесс является одной из приоритетных стратегических задач развития страны, а не только отдельного региона. Грамотное осуществление диверсификационной политики в регионе, как правило, способствует проявлению положительных эффектов, таких как увеличение ВРП, создание новых, иногда высокотехнологичных, рабочих мест и, как следствие, снижение безработицы, рост доходов населения, увеличение экспортного капитала, сокращение производственных издержек, а также развитие малого и среднего бизнеса [1]. Важно понимать, что диверсификация экономики региона – это весьма сложный и долговременный процесс, который требует для своего осуществления использования значительных объемов ресурсов. Поэтому возникают проблемы, связанные в первую очередь с экономической целесообразностью, определением направлений и оценками последствий диверсификации в конкретном регионе. В каждом регионе стратегия диверсификации может проявляться в стимулировании развития тех видов деятельности, продукция которых отличается низкой материалоемкостью, использованием воспроизводимых ресурсов и высокой добавленной стоимостью. К числу таких видов деятельности, безусловно, относится туризм [2].

Далеко не каждый ресурсный регион способен обеспечить долговременное устойчивое развитие туризма на своей территории. Это связано не только с отсутствием ценных рекреационных ресурсов, но и с узкой промышленной специализацией ряда регионов. Встает вопрос: зачем развивать туризм в регионах, которые и так развиты за счет промышленности. Но если промышленный регион обладает богатым туристско-рекреационным потенциалом, то почему бы не использовать его как источник дополнительных финансовых поступлений в экономику [3].

В этой связи показательным примером является Кемеровская область, являющаяся типичным регионом «ресурсного типа», в основе экономики которой лежат экспортно-ориентированные отрасли (угольная промышленность, металлургия, химическая продукция). В то же время Кузбасс обладает огромным потенциалом для развития различных видов туризма. Развитие туристской индустрии на основе уже существующих историко-культурных и природных рекреационных ресурсов является более рентабельным по сравнению с ситуацией, когда эти ресурсы необходимо создавать. В этом случае туризм следует рассматривать как катализатор региональной экономики, позволяющий не только задействовать весь комплекс существующих в регионе рекреационных ресурсов, но и наиболее эффективным образом использовать совокупный потенциал территории [4].

Реализация политики диверсификации в ресурсных регионах напрямую зависит от общей привлекательности территории, которая включает в себя инвестиционную

привлекательность, миграционную привлекательность, привлекательность для бизнеса, а также туристскую привлекательность, что в комплексе сказывается на конкурентоспособности региона. Важнейшей составляющей туристской привлекательности территории является совокупность ее конкурентных преимуществ и недостатков. Они обусловлены экономико-правовыми, социокультурными, природными особенностями региона, географической удаленностью и транспортной освоенностью, инновационным и интеллектуальным потенциалом, уровнем развития инфраструктуры, состоянием производственного потенциала и сложившимся уровнем инвестиционной активности [5].

С целью изучения туристской привлекательности Кемеровской области как фактора развития туристской индустрии в регионе «ресурсного типа» нами был проведен опрос респондентов, проживающих в Кузбассе, соседних регионах, и в регионах, отдаленных от Кемеровской области. Результаты опроса были обобщены и представлены в таблице.

Перечисленные стороны являются важной составляющей в формировании туристской привлекательности региона и основой для разработки механизмов позиционирования региона.

Позиционирование территории основано, прежде всего, на ее своеобразии и уникальности. Туристская территория чаще всего становится привлекательным товаром для туристов, если обладает богатыми природными ресурсами, интересными достопримечательностями, уникальными памятниками природы, истории и архитектуры, уникальными культурными и спортивными событиями, фестивалями, выставками, неповторимыми традициями местного населения, национальными праздниками, обрядами, ремеслами [6].

Таблица. **Привлекательные и непривлекательные стороны Кемеровской области как туристской дестинации**
Table. **Attractive and unattractive sides of the Kemerovo region as a tourist destination**

Мнения респондентов	Привлекательные стороны	Непривлекательные стороны
Кемеровской области (Кемерово, Новокузнецк, Анжеро-Судженск, Мариинск, Таштагол)	Развитый горнолыжный туризм (Шерегеш, Горная Саланга, Югус, Люскус), наличие музеев-заповедников (Томская писаница, Кузнецкая крепость, Красная горка), Археологический комплекс «Шестаковский», интересное историко-культурное наследие шахтерского региона, уникальная природа, наличие туристско-рекреационного кластера Кузбасса, развитие событийного туризма	Недостаточно развитая туристская инфраструктура, географическая удаленность от потенциальных туристов, холодная и продолжительная зима, много шахт и промышленных предприятий, несоответствие цены / качества турпродукта, загрязненный воздух, мало информационных порталов о туризме в Кузбассе, ограниченное количество туроператоров по Кемеровской области
Соседних регионов (Новосибирская, Томская области, Красноярский, Алтайский края)	ГК «Шерегеш», географически близкий регион, качественные автодороги, много шахт для индустриального туризма, много историко-культурных и природных памятников, разнообразный рельеф местности	Высокая цена на турпродукт, плохая экология, ограниченная и устаревшая информация о туризме в регионе, сезонность туризма, неразвитая туристская инфраструктура, отсутствие актуальных туристских карт с маршрутами
Европейской части России (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Самара)	Красивая природа, горнолыжные курорты, отсутствие пробок, экстремальные условия для туризма, уникальное качество снега в Шерегеше для активного отдыха, шахтерский колорит	географическая удаленность от Москвы, недостаточно информации о состоянии туризма в регионе, относительно дорогие цены на авиаперелет, много шахт и разрезов, плохая экология, суровый климат, несоответствие цены / качества турпродукта
Уральского региона (Екатеринбург, Челябинск)	Горный рельеф, разнообразный климат, национальные парки, близость к оз. Байкал, живописные виды сибирской тайги	Плохая экология, недостаточно развитая инфраструктура, далеко от Урала, холодно, мало достопримечательностей
Забайкалья и Дальнего Востока (Чита, Краснокаменск, Владивосток, Хабаровск)	Горнодобывающие предприятия для промышленного туризма, чистый горный воздух, много историко-культурных и природных памятников, ближе к Москве, чем Дальний Восток, красивая природа	Далеко от Москвы и от Дальнего Востока, нет моря, нет летних курортов, холодно, плохая экология

На основе анализа специальной литературы и собственных исследований важно отметить тот факт, что вышеперечисленные привлекательные и непривлекательные стороны туристской индустрии зачастую схожи с теми, которые характерны для других ресурсных регионов. Поскольку общая привлекательность региона зависит в том числе и от туристской привлекательности, то критерии успешного развития последней могут реализовываться через гарантии сохранности бизнеса, возможности минимизации рисков, наличие необходимых для организации туристского бизнеса ресурсов [7]. Для успешной реализации политики диверсификации ресурсного региона являются важными следующие характеристики: развитость туристской инфраструктуры, оптимальные законодательные и налоговые условия ведения туристского бизнеса в регионе, поддержка инициатив развития со стороны местного населения как потенциальных занятых в туристской сфере, подготовка соответствующих кадров и т.д. [8].

Понятно, что необходимы совершенно разные механизмы продвижения туристской дестинации, например, республики Крым и Кемеровской области, или города-курорта Анапа и города-курорта Белокуриха. Для любого региона, имеющего даже самые богатые рекреационные ресурсы, для развития туризма необходимо повышение его привлекательности в глазах потенциальных потребителей турпродукта. Это способствует увеличению потока туристов и инвесторов и, как следствие, созданию активного регионального потребительского рынка и роста инвестиций. Для повышения туристской привлекательности территории необходим комплексный анализ существующей ситуации на туристском рынке региона, с учетом привлекательных и непривлекательных сторон, и разработка программы мероприятий по усилению положительного влияния туризма на экономику региона для обеспечения его устойчивого развития [9].

Нами предлагаются следующие мероприятия, способствующие повышению туристской привлекательности Кемеровской области как фактора диверсификации экономики ресурсного региона: создание и продвижение узнаваемого туристского бренда; развитие туризма на севере области; продвижение горнолыжного курорта «Горная Саланга», а также природного парка «Шестаковские болота» с «кладбищем динозавров»; создание и развитие туристских информационных порталов (в том числе на иностранных языках); введение особых экономико-правовых и налоговых условий для потенциальных туристских территорий; создание логистических центров в городах Кемерово и Новокузнецк как отправных точек для туристов; многоуровневая подготовка (переподготовка) кадров в сфере профессионального туристского образования; сотрудничество Кузбасской ассоциации предприятий туристской индустрии с органами местного самоуправления, бизнесом, обществом; мониторинг лучших российских и зарубежных практик; дальнейшее продвижение туристско-рекреационного кластера Кузбасса как «локомотива» развития туризма в регионе и другие.

Диверсификация экономики ресурсного региона за счет развития туристской индустрии и смежных с ней отраслей способствует увеличению инвестиционной привлекательности Кемеровской области. Развитие туризма не только позволит расширить выпускаемую продукцию в регионе, но и кардинально модифицирует имидж региона с промышленного на туристский, делая его узнаваемым и неповторимым [10]. Собственное лицо региона позволит идентифицировать его среди множества ресурсных регионов России, отражая специфику и характер его экономического и социального развития. Чем более разноплановая структура экономики, тем больше шансов заинтересовать российских и зарубежных инвесторов, а это, в свою очередь, может способствовать развитию традиционных и расширению качественно новых видов экономической деятельности, что позволит в дальнейшем обеспечить эффективное и долгосрочное устойчивое развитие Кузбасса.

Литература

1. Коваленко М. Г. Диверсификация экономики региона и ее роль в преодолении внутрирегиональных различий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2012. № 4(111). С. 63–67.

2. Шваков Е. Е., Дутова Т. И. Диверсификация развития региональной экономики на основе использования ее социальной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-6. С. 1273–1277.

3. Толстых Е. В., Литвак А. И. Оценка влияния туризма на социально-экономическое развитие Кемеровской области // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №5. С. 68–73.

4. Левин С. Н., Сурцева А. А. Развитие туристского кластера «Кузбасс» как направление политики диверсификации экономики региона «ресурсного типа» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7. С. 208–213.

5. Калашникова С. В., Ханахок З. А. Туристская привлекательность региона как один из ключевых факторов его конкурентоспособности // Новые технологии. 2015. № 4. С. 89–93.

6. Радушинский Д. А. Эффективные подходы к сбалансированному развитию добывающих регионов // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 7(27). С. 8.

7. Богомазова И. В., Яковенко О. В. Использование туристско-рекреационного потенциала как направление развития региональной экономики // Научный результат. Серия: Технология бизнеса и сервиса. 2016. Т. 2. №1(7). С. 3–7.

8. Кириенко Е. О., Уваров В. А. Принципы устойчивого развития туризма в регионе (на примере Еврейской автономной области) // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 2. С. 48–55.

9. Красуля А. К. Перспективы туристской привлекательности Крыма и России в целом // Символ науки. 2016. № 5-1(17). С.139–141.

10. Брель О. А., Кайзер Ф. Ю. Анализ туристской привлекательности Кемеровской области // Научное сообщество студентов XXI столетия. Естественные науки: материалы IX Международной заочной научно-практической конференции (04 апреля 2013). Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2013. С. 34–39.

TOURIST ATTRACTIVENESS AS A FACTOR IN THE ECONOMIC DIVERSIFICATION OF A RESOURCE REGION

Olga A. Brel[1, @1], Phillip Yu. Kaiser[1, @2]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] brel_o_a@mail.ru
[@2] filipp.kaizer@yandex.ru

Received 03.11.2017. Accepted 27.11.2017.

Keywords: tourism attractiveness, resource region, diversification of the economy, the Kemerovo region, sustainable development, positioning of the region.

Abstract: The article considers tourism attractiveness as a part of the local overall attractiveness and its role in the policy of economy diversification in a resource region. The paper features the Kemerovo region as a typical region of the «resource type», whose economy is based mostly on export-oriented industries (coal mining, metallurgy, heavy machinery, chemical products). It presents the results of a survey aimed at identifying attractive and unattractive sides of the region as a tourist destination. The respondents were residents of the Kemerovo region and adjacent territories, the European part of Russia, Ural region, as well as Transbaikalia and the Far East. The analysis allows one to identify the importance of proper positioning of the region on the domestic tourist market and highlights some particular features of the formation and promotion of a positive image of the Kemerovo region. The local tourist industry is considered an alternative source of additional income in the economy that promotes a long-term sustainable development. The current paper offers a complex of measures aimed at increasing the tourism attractiveness of the Kemerovo region.

For citation: Brel O. A., Kaizer F. Yu. Turistskaia privlekatel'nost' kak faktor diversifikatsii ekonomiki resursnogo regiona [Tourist Attractiveness as a Factor in the Economic Diversification of a Resource region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 25–28.

References

1. Kovalenko M. G. Diversifikatsiia ekonomiki regiona i ee rol' v preodolenii vnutriregional'nykh razlichii [Diversification of the region's economy and its role in overcoming intraregional differences]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 5: Ekonomika = Bulletin of the Adyghe State University. Series 5: Economics*, no. 4(111) (2012): 63–67.
2. Shvakov E. E., Dutova T. I. Diversifikatsiia razvitiia regional'noi ekonomiki na osnove ispol'zovaniia ee sotsial'noi infrastruktury [Diversification of the development of the regional economy based on the use of its social infrastructure]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 6 (2014): 1273–1277.
3. Tolstykh E. V., Litvak A. I. Otsenka vliianiia turizma na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kemerovskoi oblasti [Estimation of the influence of tourism on the social and economic development of the Kemerovo region]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 5 (2011): 68–73.
4. Levin S. N., Surtseva A. A. Razvitie turistskogo klastera «Kuzbass» kak napravlenie politiki diversifikatsii ekonomiki regiona «resursnogo tipa» [Development of the tourist cluster «Kuzbass» as a direction of the policy of diversification of the economy of the region «resource type»]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2-7 (2015): 208–213.
5. Kalashnikova S. V., Khanakhok Z. A. Turistskaia privlekatel'nost' regiona kak odin iz kliuchevykh faktorov ego konkurentosposobnosti [The tourist attractiveness of the region as one of the key factors of its competitiveness]. *Novye tekhnologii = New Technologies*, no. 4 (2015): 89–93.
6. Radushinskii D. A. Effektivnye podkhody k sbalansirovannomu razvitiiu dobyvaiushchikh regionov [Effective approaches to the balanced development of extractive regions]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovation,* no. 7(27) (2013): 8.
7. Bogomazova I. V., Iakovenko O. V. Ispol'zovanie turistsko-rekreatsionnogo potentsiala kak napravlenie razvitiia regional'noi ekonomiki [Use of tourist-recreational potential as a direction of development of regional economy]. *Nauchnyi rezul'tat. Seriia: Tekhnologiia biznesa i servisa = Scientific Result. Series: Technology of business and service*, 2, no. 1(7) (2016): 3–7.
8. Kirienko E. O., Uvarov V. A. Printsipy ustoichivogo razvitiia turizma v regione (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) [Principles of sustainable development of tourism in the region (by the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (2011): 48–55.
9. Krasulia A. K. Perspektivy turistskoi privlekatel'nosti Kryma i Rossii v tselom [Perspectives of the tourist attractiveness of the Crimea and Russia as a whole]. *Simvol nauki = The Symbol of Science*, no. 5-1(17) (2016): 139–141.
10. Brel' O. A., Kaizer F. Iu. Analiz turistskoi privlekatel'nosti Kemerovskoi oblasti [Analysis of the tourist attractiveness of the Kemerovo region]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiia. Estestvennye nauki: materialy IX Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (04 aprelia 2013)* [Scientific community of students of the XXI century. Natural Sciences: Proc. IX Intern. Sc.-Prac. Conf. (April 04 2013)]. Novosibirsk: Assotsiatsiia nauchnykh sotrudnikov «Sibirskaia akademicheskaia kniga», (2013): 34–39.

УДК 338.486(571.121)

ОЦЕНКА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА И ТУРИСТСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Ульяна А. Загуменная[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *Ulyana4365@mail.ru*

Поступила в редакцию 03.11.2017. Принята к печати 08.12.2017.

Ключевые слова: туристский потенциал, рекреационный потенциал, туристская привлекательность, устойчивое развитие, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Аннотация: Исследовательская работа посвящена оценке туристско-рекреационного потенциала и туристской привлекательности Ямало-Ненецкого автономного округа. В современных условиях интенсивного развития экономики важно обращать внимание на устойчивое развитие регионов. Автор приводит краткую характеристику региона, включающую в себя географическое положение, рельеф территории, природное разнообразие водных ресурсов и животного мира, развитие транспортной инфраструктуры. Исследование требовало изучения видов туризма, имеющих потенциал к развитию в Ямало-Ненецком автономном округе, которые автор представляет в статье. Для оценки туристской привлекательности автором проведен анализ количества гостиниц и альтернативных средств размещения в Ямало-Ненецком автономном округе и среди субъектов, соседствующих с округом. Можно сделать вывод, что наиболее перспективным направлением для развития туризма является природно-этнографическое, так как край отличается своей первозданной красотой и нетронутой природой, а местный колорит культуры народа и их обычаев приводит в восторг интересующихся путешественников. Автор делает вывод, что данное направление имеет наиболее широкий потенциал к развитию туризма в контексте устойчивого развития региона.

Для цитирования: Загуменная У. А. Оценка туристско-рекреационного потенциала и туристской привлекательности в контексте устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 29–33.

Ямало-Ненецкий автономный округ расположен на севере Западно-Сибирской равнины. Административный центр округа – город Салехард. Более половины его территории находится за полярным кругом, часть территории расположена на восточном склоне Уральского хребта, другая часть включает полуостров Ямал, Тазовский и большую часть Гыданского полуострова. Округ также включает в себя территорию островов Карского моря (рис. 1). Вся область Ямало-Ненецкого автономного округа располагается в Арктической зоне России. Граничит ЯНАО с Красноярским краем, Ханты-Мансийским автономным округом, республикой Коми и Архангельской областью.

Рельеф региона представлен равнинной частью и горной. Доминирует низменный выровненный рельеф, лишь на западе поднимается Полярный Урал до 1500 м. Горная часть территории занимает узкую полосу вдоль Урала и представляет собой крупные горные массивы. Равнинная часть региона почти на 90 % лежит в пределах высот до 100 м над уровнем моря. Наиболее приподнятые участки низменности можно наблюдать на юге округа в пределах Сибирских увалов и Северо-Сосьвинской возвышенности.

Следствием низменной территории является большое количество озер и болот. Большинство озер имеют ледниковое происхождение. Наиболее рыбными считаются озеро Кожерель-Ту, Нумто и озеро Часельское. Всего в этом районе расположено около 300 тыс. озер и 48 тыс. рек. Их них наиболее крупными являются Обь, Надым, Таз и Пур. Регион отличается своими огромными запасами термальных и артезианских вод. Площадь артезианского бассейна, который находится в границах Западно-Сибирской низменности, составляет приблизительно 3 млн км^2.

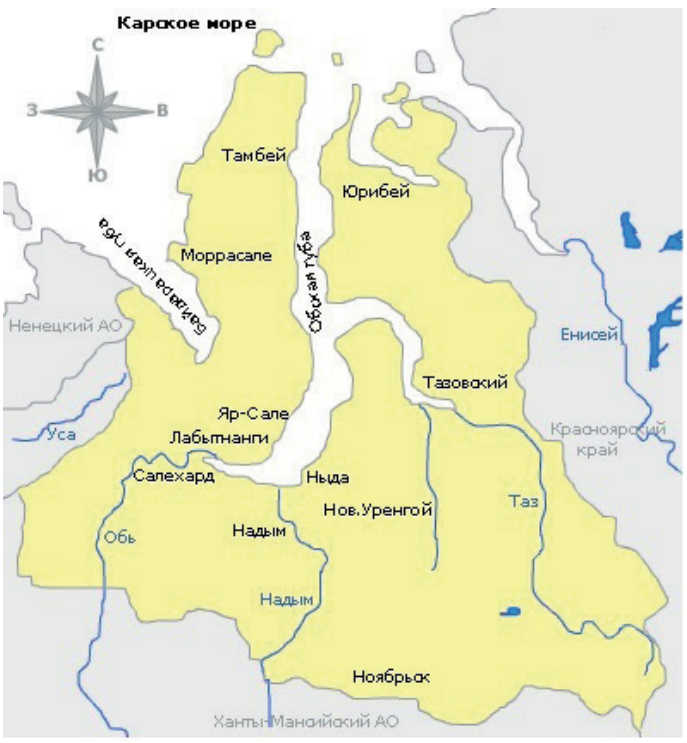

Рис. 1. ***Территория Ямало-Ненецкого автономного округа***
Fig. 1. ***The territory of the Yamal-Nenets Autonomous region***

Всю территорию Ямало-Ненецкого автономного округа занимают тундра и лесотундра на юге. Почти половину территории округа занимают пастбища домашнего северного оленя. Главным образом в южной части региона находятся лесные массивы, включающие в себя лиственницы, сосны, кедры и ели. В тундре можно встретить песца, волка, горностая, зайца-беляка и, конечно, северного оленя. В южной части можно заметить соболя, белку, бурундука. Водятся также и птицы – белая и тундряная куропатки, рябчик, глухарь и др. Этот край богат рыбными ресурсами. Все вышеперечисленное говорит о том, что Ямало-Ненецкий автономный округ является достаточно богатым на природные ресурсы. На его территории расположены природные заповедники «Гыданский» и «Верхне-Тазовский», а также 13 заказников.

Стоит отметить, что спецификой историко-культурного наследия автономного округа является абсолютное преобладание археологических и этнокультурных объектов. По состоянию на 1 января 2012 г. под государственной охраной находятся 714 памятников истории и культуры: археологии – 504, истории и архитектуры – 17, достопримечательных мест – 9, ансамблей – 5, этнических объектов – 179 [1].

На рисунке 2 можно отследить расположение и структуру транспортной сети в Ямало-Ненецком автономном округе. Города здесь небольшие, но если брать во внимание, что вся территория находится в Арктической зоне, то стоит отметить, что территория достаточно развитая и в своих условиях вполне может принимать туристов. Около 5 тыс. км дорог, из них 3,5 тыс. км дорог с твёрдым покрытием, которые можно использовать круглый год. Около 700 км дорог – дороги общего пользования. В зимнее время 9,5 тыс. дополнительных километров дорог прокладываются по глубоко промёрзшей земле и рекам.

Воздушный транспорт занимает особое положение в округе. При огромной, почти неосвоенной территории и очаговом характере населения авиация приобретает большое значение для перевозки пассажиров, почты, срочных грузов и медицинского обслуживания населения. Железнодорожная сеть не отличается густотой. В округе есть две железнодорожные ветки, которые не связаны между собой и находятся в разных частях округа – западной и центральной. Имеется большое количество морских портов: Салехард, Яр-Сале, Новый порт, Мыс Каменный, Мужи, Надым, Тарко-Сале, Тазовский, Уренгой и т. д. Речной транспорт является основным видом транспорта в Ямало-Ненецком округе в летний период. Основной объём продуктов питания, топлива, промышленных товаров и строительных материалов, ежегодно завозимых в ЯНАО, перевозится речным транспортом. Морской транспорт, как и речной, функционирует только с весны до осени. Северный морской путь в настоящее время используется мало [2]. Трубопроводный транспорт − ключевой для округа, основу которого составляет добыча углеводородов. Сеть газопроводов связывает округ с центральными и южными регионами РФ и зарубежными странами.

Что касается развития туристской инфраструктуры, в регионе работает 38 турфирм, 67 гостиниц, 19 музеев, около 400 предприятий общественного питания. Государственная политика Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа в сфере туризма направлена на развитие туристской инфраструктуры, продвижение местного тур-

Рис. 2. ***Транспортная инфраструктура Ямало-Ненецкого автономного округа***
Fig. 2. ***Transport infrastructure of the Yamal-Nenets Autonomous region***

продукта на международном и внутреннем рынках, а также на стимулирование инвестиционной активности в отрасли [3]. Главным вспомогательным аспектом в развитии туризма в Ямало-Ненецком автономном округе является его географическое положение, которое характеризуется близостью к Центральной России – наиболее заселенной территории, в отличие от других арктических регионов за Уралом. Развитие туристской индустрии здесь может обрести широкие перспективы.

Идея развития туризма именно в этом регионе появилась еще в 1999 г., когда в центре округа – Салехарде – проводилась IV Всемирная конференция парламентариев стран Арктического региона. В ней участвовали представители Арктических государств. При подготовке к конференции окружной администрацией было произведено содействие по реставрации гостиниц и обновлению инфраструктуры города. В 2005 г. с целью развития туризма как одного из перспективных направлений социально-экономической политики было создано Агентство по туризму ЯНАО – орган исполнительной власти региона, осуществляющий функции по реализации государственной политики, оказанию государственных услуг в сфере туризма и нормативно-правовому регулированию.

На официальном сайте департамента молодежной политики и туризма ЯНАО говорится о том, что Правительство округа утвердило государственную программу «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодежи на 2014-2020 годы» [4]. На данном этапе ведется активная работа по изучению и оценке туристского потенциала, сбору информации по инвестиционным проектам и идеям, которые в будущем могут быть включены в федеральную целевую программу, а также разработка различных проектов по продвижению туристских продуктов ЯНАО в контексте устойчивого развития региона.

Ожидаемые результаты реализации действующих программ: рациональное использование имеющейся материальной базы и объектов историко-культурного наследия; создание новых рабочих мест и повышение благосостояния местного населения, в том числе коренных жителей региона, за счет расширения географии и многообразия туристских маршрутов; формирование и продвижение туристских брендов; развитие различных видов туризма; повышение качества туристского обслуживания; рост въездного туристского потока и, как следствие, увеличение объема финансовых поступлений в окружной бюджет; создание условий для удовлетворения потребностей населения в активном отдыхе, приобщении к культурным ценностям, расширении кругозора.

Реализация новых и действующих региональных Программ будет способствовать расширению географии и многообразия туристских маршрутов, разработке активных видов отдыха, развитию туристской инфраструктуры, увеличению потока туристов в округ и увеличению финансовых поступлений в бюджет [5]. Стоит отметить, что в целях стимулирования работы и повышения конкурентоспособности туристских фирм с 2012 г. в регионе проводится конкурс на выбор лучших туристских проектов в области внутреннего и въездного туризма. Лучшие проекты получают грантовую финансовую поддержку. Данные мероприятия направлены на стимулирование турбизнеса в регионе, повышение качества обслуживания туристов и квалификации персонала туристских предприятий, развитие туристских брендов, расширение географии и количества туристских маршрутов и т. п. Таким образом, каждый заинтересованный исследователь может воспользоваться возможностью представить свой проект по развитию туризма в ЯНАО и реализовать его.

При исследовании состояния туризма в округе нами было замечено, что многие авторы разрабатывают различные этнографические туры по региону, считая, что развитие этнографического туризма будет поддерживать интерес к сохранению традиционной культуры народов Севера, содействовать гармонизации межнациональных отношений посредством проведения праздников и фестивалей [6]. Наряду с этим будут расширяться возможности повышения уровня образования, профессиональной подготовки и переподготовки национальных кадров, обеспечения рабочими местами коренных малочисленных народов. Регион обладает достаточно богатыми туристскими ресурсами, но при этом занимает очень скромное место на рынке туристских услуг. Важнейшими факторами развития туристской отрасли ЯНАО являются природно-рекреационный и историко-культурный потенциал. Наличие природных условий, богатого природного, культурного и самобытного национального потенциала, большого количества легенд с элементами мистики (напр., Дедушка Мороз – Ямал-Ири) позволит завоевывать серьезные позиции на туристском рынке и тем самым развивать экономику региона [7; 8].

Этнографический туризм не единственный вид туризма, способный успешно развиваться на территории ЯНАО за счет своего неотъемлемого колорита – национальной кухни, возможности проживания в чуме для туристов, участия в национальных праздниках и т. д. В настоящее время популярность у туристов набирает Полярный Урал – отличное место для развития экстремального и спортивного туризма. Здесь можно заниматься пешим, водным, горнолыжным туризмом, спортивной рыбалкой в ограниченных количествах улова, чтобы она не являлась ущербной для природных ресурсов.

Стоит обратить внимание на такой вид туризма, как экологический. Именно в Ямало-Ненецком автономном округе сохранились наиболее большие по площади участки нетронутой природы и экосистемы, являющиеся средой обитания животного мира Арктики на приполярном уровне. Неразрывная связь духовной жизни коренных народов с матерью-землей, со своими землями находит свое отражение в бережном отношении к окружающей среде, сохранении и преумножении возобновляемых природных ресурсов. Экологический туризм является самым приемлемым для сохранения первозданных территорий и более других видов туризма гармонирует с фактом устойчивого развития региона. Развивается также историко-познавательный туризм, который погружает туристов в самобытную культуру и историю региона. Визитной карточкой Ямала является Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского. Он имеет в своем состоянии хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера [9].

По данным Федерального агентства по туризму для оценки туристской привлекательности Ямало-Ненецкого автономного округа составлена таблица показателей деятельности коллективных средств размещения в 2012–2014 гг.

Для сравнения показателей были выведены также данные по соседствующим регионам, относящимся к северным территориям России. Из таблицы видно, что по числу средств размещения ЯНАО не является лидером, но и не относится к аутсайдерам. Всего в регионе расположено 72 гостиницы и иных средств размещения. Число ночевок в гостиницах и аналогичных средствах размещения – 490,7 тыс. Численность размещенных в коллективных средствах размещения – 167,4 тыс. человек. Годовой объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения составляет 1 млрд руб. – этот показатель является приемлемым среди субъектов Севера, но требует своего увеличения посредством развития туризма в регионе [10].

Таким образом, можно сказать, что Ямало-Ненецкий автономный округ благоприятен для развития многих видов туризма, в частности, наиболее перспективным отмечается природно-этнографическое направление. Регион знаменит своей первозданной северной красотой ландшафтов, обычаями местного народа, археологическими памятниками. Север всегда будет привлекательным для особенных туристов, которые желают почувствовать своеобразный мир Арктики. Задача предприятий туриндустрии заключается в том, чтобы поддерживать этот интерес и правильно выстраивать рекламную политику.

Таблица. **Отдельные показатели деятельности коллективных средств размещения**
Table. **Selected performance indicators of collective accommodation facilities**

	Число гостиниц и аналогичных средств размещения	**Число ночевок в гостиницах и аналогичных средствах размещения, тыс.**	**Численность размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. человек**	**Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд руб.**
Российская Федерация	*9316*	*73492,1*	*41065,1*	*141,0*
Республика Коми	59	480,3	225,9	0,8
Архангельская область	90	725,7	296,6	1,3
В том числе: Ненецкий АО	4	23,7	15,4	0,2
Мурманская область	72	447,7	200,8	0,9
Тюменская область	335	2656,8	1193,7	4,4
В том числе: Ханты-Мансийский АО	164	1280,5	448,4	1,8
Ямало-Ненецкий АО	72	490,7	164,7	1,0

Литература

1. Туризм в России. Азиатский Север. Ямало-Ненецкий автономный округ. Режим доступа: http://sokolov33.ru/index.php/rekreazija/azsev/49-obskoputoransky/obskoputoransky-dopolnenie/92-yamalo-nenetskij-ao (дата обращения: 22.10.2017).

2. Ямало-Ненецкий автономный округ. Режим доступа: http://www.spb-venchur.ru/regions/123.htm (дата обращения: 22.10.2017).

3. Кугаевский А. Ямало-ненецкий автономный округ в современных условиях: проблемы и перспективы развития // Социальная политика и социальное партнерство. 2010. № 11. С. 11–16.

4. Ямало-Ненецкий автономный округ. Официальный сайт органов власти. Режим доступа: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/ (дата обращения: 25.10.2017).

5. Баландина И. С. Перспективы развития туризма в Ямало-Ненецком автономном округе // Ямальский вестник. 2015. № 4(5). С. 149–153.

6. Гаспарян А. А. Авторский этнографический тур в Ямало-Ненецкий автономный округ «В гости к оленеводам» // Вестник научных конференций. 2015. №1-2(1). С. 29–31.

7. Загуменная У. А. Брендинг северных регионов Российской Федерации как один из механизмов увеличения туристского потока // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-3. С. 92–94.

8. Брель О. А., Кайзер Ф. Ю. Роль брендинга региона в практике внутреннего и въездного туризма в России // Туризм в современном мире: направления и тенденции развития: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 10-летию кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» (28–29 марта 2013). Хабаровск, 2013. С. 26–30.

9. Департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа. Виды туризма в ЯНАО. Режим доступа: http://yamolod.ru/turizm/vidy-turizma-v-yanao/ (дата обращения: 25.10.2017).

10. Федеральное агентство по туризму. Статистическая информация. Режим доступа: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/statisticheskie-pokazateli-po-subektam-rf/ (дата обращения: 26.10.2017).

ASSESSMENT OF TOURISM POTENTIAL AND TOURIST ATTRACTIVENESS IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

***Ulyana A. Zagumennaya*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *Ulyana4365@mail.ru*

Received 03.11.2017. Accepted 08.12.2017.

Keywords: tourist potential, recreational potential, tourist attractiveness, sustainable development, Yamalo-Nenets Autonomous region.

Abstract: The research is devoted to the evaluation of the tourism potential and tourist attractiveness of the Yamal-Nenets Autonomous district. In the modern conditions of intensive development of the economy, it is important to pay attention to the sustainable development of the regions. The author gives brief characteristics of the region, including geographical location, topography, natural diversity of water resources and wildlife, the development of transport infrastructure. The given research required a thorough study of the types of tourism that have potential for the development in the Yamal-Nenets Autonomous district. The paper features an analysis of hotels and alternative accommodation in Yamalo-Nenets Autonomous district and adjacent regions. It can be concluded that the most promising direction is the development of natural and ethnographic tourism, as the region is known for its pristine beauty and intact nature, and the unique local culture and customs are extremely attractive for travelers. The author concludes that this area has the broadest potential for development of tourism in the context of sustainable development of the region.

For citation: Zagumennaya U. A. Otsenka turistsko-rekreatsionnogo potentsiala i turistskoi privlekatel'nosti v kontekste ustoichivogo razvitiia Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Assessment of Tourism Potential and Tourist Attractiveness in the Context of Sustainable Development of the Yamal-Nenets Autonomous District]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 29–33.

References

1. *Turizm v Rossii. Aziatskii Sever. Iamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug* [Tourism in Russia. The Asian North. The Yamalo-Nenets Autonomous District]. Available at: http://sokolov33.ru/index.php/rekreazija/azsev/49-obskoputoransky/obskoputoransky-dopolnenie/92-yamalo-nenetskij-ao (accessed 22.10.2017).
2. *Iamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug* [The Yamalo-Nenets Autonomous District]. Available at: http://www.spb-venchur.ru/regions/123.htm (accessed 22.10.2017).
3. Kugaevskii A. Iamalo-nenetskii avtonomnyi okrug v sovremennykh usloviiakh: problemy i perspektivy razvitiia [Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in Modern Conditions: Problems and Prospects of Development]. *Sotsial'naia politika i sotsial'noe partnerstvo = Sotsial'naia politika i sotsial'noe partnerstvo*, no. 11 (2010): 11–16.
4. *Iamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug. Ofitsial'nyi sait organov vlasti* [Yamal-Nenets Autonomous District. Official website of authorities]. Available at: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/ (accessed 25.10.2017).
5. Balandina I. S. Perspektivy razvitiia turizma v Iamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Prospects for the development of tourism in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug]. *Iamal'skii vestnik = Yamalsky Vestnik*, no. 4(5) (2015): 149–153.
6. Gasparian A. A. Avtorskii etnograficheskii tur v Iamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug «V gosti k olenevodam» [Author's ethnographic tour to the Yamal-Nenets Autonomous Okrug «On a visit to the reindeer herders»]. *Vestnik nauchnykh konferentsii = Bulletin of scientific conferences*, no. 1-2(1) (2015): 29–31.
7. Zagumennaia U. A. Brending severnykh regionov Rossiiskoi Federatsii kak odin iz mekhanizmov uvelicheniia turistskogo potoka [Branding of the Northern Regions of the Russian Federation as one of the mechanisms to increase the tourist flow]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 5-3 (2016): 92–94.
8. Brel' O. A., Kaizer F. Iu. Rol' brendinga regiona v praktike vnutrennego i v»ezdnogo turizma v Rossii [Role of regional branding in the practice of domestic and inbound tourism in Russia]. *Turizm v sovremennom mire: napravleniia i tendentsii razvitiia: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 10-letiiu kafedry «Sotsial'no-kul'turnyi servis i turizm» (28–29 marta 2013)* [Tourism in the modern world: directions and trends of development: Proc. IV Russian Sc.- Prac. Conf. with international participation dedicated to the 10th anniversary of the Department «Social and Cultural Service and Tourism» (March 28–29 2013)]. Habarovsk, 2013, 26–30.
9. *Departament molodezhnoi politiki i turizma Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Vidy turizma v IaNAO* [Department of Youth Policy and Tourism of the Yamalo-Nenets Autonomous District. Types of tourism in YaNAO]. Available at: http://yamolod.ru/turizm/vidy-turizma-v-yanao/ (accessed 25.10.2017).
10. *Federal'noe agentstvo po turizmu. Statisticheskaia informatsiia* [Federal Agency for Tourism. Statistical information]. Available at: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/statisticheskie-pokazateli-po-subektam-rf/ (accessed 26.10.2017).

УДК 338.439.52

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА РЫБЫ И РЫБНЫХ ТОВАРОВ В РОССИИ

Юрий Н. Клещевский[1, @1], Мария А. Николаева[2, @2], Ольга А. Рязанова[1, @3]

[1] Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 650992, г. Кемерово, пр-т Кузнецкий, 39
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект, Васильевский остров, 57/43
[@1] kemerovo@rea.ru
[@2] man1408@mail.ru
[@3] oliar1710@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2017. Принята к печати 01.12.2017.

Ключевые слова: рыбный рынок, рыба, морепродукты, биологические ресурсы, добыча (вылов), продажа, экспорт, импорт, аквакультура, структура ассортимента.

Аннотация: В статье рассмотрено состояние источников насыщения рыбного рынка России рыбой, морепродуктами и продуктами их переработки. Приведены и проанализированы данные о добыче рыбы, ракообразных и прочих биоресурсов за период 2010–2016 гг. Дано обоснование выявленных зависимостей объемов за ряд лет, показана структура вылова рыб разных промысловых семейств. Представлены данные об объемах продаж в розничной торговле рыбных товаров и проанализирована структура их ассортимента. При анализе данных об объемах внешнеторговой деятельности России установлено, что экспорт рыбы, морепродуктов и продуктов их переработки увеличился на 6 %, а импорт сократился на 9 %. За счет этого доля отечественной рыбной продукции достигла 83 %, что превышает установленные Доктриной продовольственной безопасности нормы. Выявлены проблемы рыбного рынка России, пути их решения и перспективы развития рынка.

Для цитирования: Клещевский О. Н., Николаева М. А., Рязанова О. А. Современное состояние и перспективы развития рынка рыбы и рыбных товаров в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 34–42.

Современный рынок продовольственных товаров является важнейшей составляющей национальной экономики России. Рыбная отрасль России представляет собой сложный, многофункциональный промышленно-хозяйственный комплекс с развитой системой межотраслевой кооперации и международной деятельности. Общая стоимость основных фондов отрасли превышает 50 млрд руб., во всех сферах рыбного хозяйства занято около 400 тыс. человек [1].

Рыбная отрасль считается одной из самых динамично развивающихся в российской экономике, которая призвана обеспечивать население России высокоценными пищевыми продуктами.

Поскольку рыба и рыбные товары являются высокоценными продуктами питания – источником полноценных легко усвояемых белков, ненасыщенных жирных кислот, жирорастворимых витаминов (A, D, E и др.), минеральных веществ (фосфора, кальция и др.), то рыбная промышленность относится к основным источникам обеспечения россиян биологически полноценными пищевыми продуктами. Так, в балансе потребления полноценных белков животного происхождения доля рыбных продуктов составляет около 30 %. Предприятия отрасли вырабатывают более 2000 наименований пищевой продукции. Весомую роль играет отрасль и как поставщик продукции для сельского хозяйства и многих других сфер экономики.

В этой связи изучение вопросов, связанных с исследованием состояния рыбного рынка и перспектив его развития приобретает всё большую актуальность, потому что популярность рыбопродуктов в нашей стране растет. В рационе питания россиян рыба все чаще заменяет мясо, цена на которое выше цены на рыбу, тем более что по биологической ценности рыба не уступает, а по микроэлементному и витаминному составу даже превосходит его [1].

Исходя из вышеизложенного, целью данной работы является исследование состояния российского рынка рыбы и рыбных товаров и определение основных направлений его дальнейшего совершенствования.

Изучению рынка рыбы и рыбных товаров посвящено ряд работ российских ученых и специалистов: О. В. Власовой, Е. Н. Киселевой, Е. Б. Кононовой [2], С. А. Семеновой [3] и др.

В то же время результаты исследований, проведенных специалистами Института аграрного маркетинга, свидетельствуют о том, что рыба и морепродукты в России на сегодняшний день пока еще остаются менее востребованными среди потребителей по сравнению с мясными продуктами, что связано с ухудшением общей экономической ситуации в стране, ростом цен на основные виды продовольственных товаров, усилением инфляционных процессов и т. п. Среднедушевой объем потребления рыбы и рыбных продуктов россиянами в разные годы носил неравномерный характер, но общая тенденция потребления рыбы – в два раза меньше объёма потребления мяса – сохраняется, при этом в целом превышает потребление мяса птицы, свинины и говядины [4].

В Рекомендациях по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [5], установлено, что среднедушевое потребление рыбы и рыбных продуктов должно составлять 22 кг в год (или 60 г в день). По регионам страны отмечаются существенные различия по среднедушевому потреблению. Самое высокое потребление рыбы – в Чукотском автономном округе (60 кг на чел.), затем идут Сахалинская область и Хабаровский край (34 и 33 кг соответственно), в Москве – 30 кг, а самое низкое – на Северном Кавказе (5 кг). Однако среднедушевое потребление рыбных товаров в России значительно отстает от некоторых зарубежных стран. Так, среднедушевое потребление рыбы в Японии достигает 180 кг в год.

По данным независимых экспертов [6], в России за последние годы отмечается рост среднедушевого потребления рыбы. В 2010 г. этот показатель составлял 14 кг, в 2013 г. – 16 кг, в 2014 г. – 22 кг. Однако в 2016 году среднедушевое потребление рыбы снизилось до 19–20 кг в год, что было обусловлено инфляцией и ростом цен на рыбу и рыбопродукты на 5–36 %, снижением добычи живой, свежей и охлажденной рыбы, ракообразных, водных беспозвоночных. К тому же цены на когда-то дешевую рыбу (треску, хек, минтай, морского окуня и др.) сравнялись с ценами на мясо и оказались в 2–2,5 раза выше цена на мясо кур. В результате спрос на рыбные товары снизился, и сократилось их среднедушевое потребление.

Состояние рынка характеризуется объемами добычи рыбы и морепродуктов и объемами их переработки. Данные о добыче основных видов продукции рыболовства представлены в таблице 1 [7, с. 263–265].

Таблица 1. **Добыча (производство) основных видов продукции рыболовства (тыс. тонн)**
Table 1. **Catch (production) of the main types of fishery products (thousand tons)**

	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Рыба живая, свежая или охлажденная	1151	1399	1461	1167	1175	902
Ракообразные немороженые; устрицы; водные беспозвоночные прочие, живые, свежие или охлажденные	39,8	44,5	53,7	55,3	67,9	52,2
Биоресурсы водные прочие	3,5	5,4	3,1	4,2	4,3	5,4

Как видно из данных Росстата, добыча живой, свежей или охлажденной рыбы с 2010 по 2013 гг. увеличилась на 310 тыс. т, а затем с 2014 г. начала уменьшаться. Причем наибольшее падение добычи рыбы наблюдалось в 2016 г. (на 559 тыс. т меньше по сравнению с 2013 г., или на 30 %). Добыча немороженых ракообразных, устриц, водных беспозвоночных и прочих гидробионтов постоянно росла до 2015 г., достигнув максимума за последние 5 лет (67,9 тыс. т). Однако в 2015 г. так же, как и в 2016 г., добыча рыбы, улов ракообразных и прочих водных биоресурсов снизился на 15,7 %.

Кроме первых двух указанных показателей, Росстат учитывает и прочие биоресурсы (морские животные, водоросли и пр.), добыча которых возросла в 2016 г. на 1,9 тыс. т по сравнению с 2010 г. и на 1,1 тыс. т – по сравнению с 2015 г.

Колебания в добыче рыбы, гидробионтов и прочих биоресурсов объясняются не только природными условиями воспроизводства рыбных запасов, но и определенными экономическими и политическими факторами, а также мерами государственного регулирования. К их числу относится физический износ рыболовецких судов, сокращение зон вылова в Мировом океане из-за введения санкций рядом государств, и нерентабельность добычи рыбы в отдаленных от российских портов регионах Мирового океана, установление квот на вылов рыбы и биоресурсов в зависимости от прогнозируемого состояния их запасов. Указанные факторы оказали решающее влияние на сокращение добычи рыбопродуктов в 2016 г.

Вылов рыбы осуществляется в морях (морская рыба) и внутренних водоемах (речная рыба), в том числе и за счет аквакультуры. Россия – самая богатая по рыбным ресурсам держава мира. В ней находится 14 морей, 2 млн озер и столько же рек. Несмотря на это, по объемам добычи Россия не относится к числу лидирующих стран, занимая пятое-шестое место в мире (4,5 % мировой добычи), что в значительной мере обусловлено существенным износом судов, построенных еще в советское время, контрабандным выловом рыбы российскими и иностранными рыбаками, недостаточностью и неполной загрузкой предприятий промышленной переработки рыбы (многие предприятия имеют не более 50 % загруженности), несовершенством и дороговизной логистики (транспортирования, хранения). Последнее обстоятельство особенно важно для дальневосточной рыбы, на долю которой приходится почти 70 % всей добычи в стране.

В структуре добычи рыбы первое место занимает минтай (1500–1700 тыс. т); второе место – треска (500 тыс. т), третье место – сельдь (400 тыс. т), причем за счет сельди отечественной добычи покрывается 90 % потребности в ней, и лососевые: горбуша и кета (400–500 тыс. т). Недостаточен вылов семги и осетровых. Так, потребность в семге составляет 200 тыс. т, а отечественная добыча – всего 20 тыс. т, т. е только 10 % от потребности. Вылов осетровых рыб составляет примерно 2–3 тыс. т в год. В России с 2000-х годов действует запрет на коммерческий и промышленный вылов осетровых рыб, а выделенная квота не изменяется уже ряд лет.

На долю речной и озерной рыбы приходится всего 5 % от общей добычи, что явно недостаточно. Из ракообразных преобладают креветки. Их добыча в России составляет 10 тыс. т в год, а потребность на рынке – порядка 50 тыс. т. Таким образом, отечественный вылов креветок удовлетворяет потребности российских потребителей всего на 20 %.

Одним из направлений увеличения добычи рыбы и ракообразных является развитие в России аквакультуры. Доля вылова рыбы аквакультуры составляла в 2016 г. все-

го 5 % от общего вылова, а во многих странах мира это соотношение составляет 50:50. В настоящее время в России работает около 60 предприятий по выращиванию осетров в искусственных условиях. Доля искусственно выращенной осетрины составляет примерно 2 % всего российского рынка искусственно выращенной рыбы, так как в России и в Европе осетров выращивают в основном ради получения черной игры. Причем современные технологии извлечения икры не приводят к гибели самок, которые продуцируют икру в течение 20 лет.

Для увеличения выпуска товарной форели в Северо-западном Федеральном Округе (Выборгский район Ленинградской области) планируется установить 200 новых садков для выращивания, что позволит увеличить её производство с 1,5 до 2 тыс. т в год [8]. В Крыму функционирует ряд предприятий по искусственному разведению креветок, которые в основном поступают на отечественный рынок. Отечественные производители устриц готовы на 40 % закрыть потребность в них российских потребителей, если будет обеспечен ввоз личинок устриц из-за рубежа.

Рыбохозяйственный комплекс (РХК) играет существенную роль в обеспечении продовольственной безопасности России, поставляя на рынок высококачественную продукцию, что способствует улучшению качества жизни населения. Кроме того, РХК обеспечивает сохранение ресурсов рыбы и ракообразных за счет выпуска биологических ресурсов молодняка в водные объекты рыбохозяйственного значения. Так, в 2016 г. было выпущено 8980,6 млн шт. молодняка биоресурсов, что на 2334,5 млн шт. больше, чем в 2010 г., из них осетровых рыб – 61,2 млн шт., лососевых – 1032,0 млн шт., сиговых – 147,9 млн шт., частиковых – 7724,2 млн шт.

В настоящее время в России функционирует более 30 тыс. рыболовецких и рыбоперерабатывающих предприятий, из них 3000 хозяйств занимаются аквакультурой.

Среди рыболовецких компаний, занимающих лидирующие позиции на российском рынке, можно отметить следующие:

– Рыбопромышленный холдинг «Карат» (г. Мурманск) – ему принадлежит 35 рыболовецких судов;

– ООО «Русская рыбопромышленная компания» (г. Москва) владеет 11 судами;

– ЗАО «Балтийский берег» (г. Санкт-Петербург);

– ОАО ПКП «Меридиан» (г. Москва);

– ПАО «Океанрыбфлот» (г. Владивосток);

– ЗАО «Русская рыбная компания» (г. Москва), входящая в структуры группы «Русское море»;

– ГК «Ледово» (г. Москва).

Благодаря работе указанных и других менее крупных организаций РХК удалось улучшить снабжение населения рыбными товарами.

Состояние рынка рыбных товаров определяется не только объемами добычи основных видов продукции рыболовства, но и их переработкой (охлаждением, замораживанием, солением, копчением и пр.), а также импортом и экспортом рыбы. Общий объем переработки рыбы и рыбопродукции достиг в 2016 г. 4,67 млн т [8]. Розничная продажа рыбы, морепродуктов и рыбных консервов, по данным Росстата, постоянно растет (табл. 2).

Таблица 2. **Розничная продажа рыбы и морепродуктов**
Table 2. **Retail sales of fish and seafood**

	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Розничная продажа рыбы и морепродуктов, млрд руб.	314,1	410,7	446,9	530,8	587,0	601,1
в процентах к предыдущему году, (в сопоставимых ценах)	109,6	103,8	104,7	105,7	85,8	92,8
Розничная продажа рыбных консервов, млрд руб.	76,2	92,9	100,5	120,2	129,5	136,5
в процентах к предыдущему году, (в сопоставимых ценах)	108,4	102,5	102,7	110,7	86,2	91,6
Удельный вес рыбы и морепродуктов в обороте розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачные изделия (в фактически действовавших ценах), процентов	3,9	4,1	4,0	4,3	4,4	4,4

За 7 лет (2010–2016 гг.) розничная продажа рыбы и морепродуктов увеличилась на 287 млрд руб., или почти на 70 %. Однако этот рост в 2015 и 2016 годах обусловлен в основном ростом цен, о чем свидетельствует % прироста к предыдущему году в сопоставимых ценах. Этот показатель в 2015 г. составлял 85,8 %, а в 2016 г. – 92,8 % к предыдущему периоду в сопоставимых ценах. До 2015 г. (2010–2014 гг.) отмечался прирост розничной продажи рыбы и морепродуктов не только за счет роста цен, но и роста физических объемов продаж. В определенной мере снижение фактических объемов продаж обусловлено введением антироссийских санкций в 2014 г., что привело к уменьшению импорта и снижению добычи рыбы в 2016 г.

⅔ выловленной рыбы поступает в продажу в неперработанном виде, поэтому рыбное хозяйство страны функционирует как сырьевое.

В структуре потребления преобладает мороженая рыба (35 % от общего потребления), морепродукты (16 %), сельдь соленая (15 %), мороженое рыбное филе (11 %). Балычные, сушеные, вяленые продукты, икра занимают небольшие объемы, что обусловлено высокими ценами на них и низкой платежеспособностью основной массы населения. Следует отметить, что структура потребления рыбы, морепродуктов и продуктов их переработки определяется благосостоянием населения.

Исследованиями, проведенными отечественными маркетологами [9–10], установлены потребительские предпочтения российских потребителей. На первое место потребители ставят вкус, на второе – уверенность в качестве, на третье – доступность и на четвертое – наличие в продаже. Кроме того, ими был выявлен рост спроса на продукты переработки рыбы: балычные, копченые, солёные изделия, а также на морепродукты: осьминоги, кальмары, мидии, морские гребешки.

Розничная продажа рыбных консервов в денежном выражении постоянно увеличивается (на 60,3 млрд руб., или почти на 80 % в 2016 г. по сравнению с 2010 г.). До 2014 г. отмечался прирост не только в денежном, но и в натуральном выражении. В 2015–2016 гг. основным фактором увеличения продаж консервов в денежном выражении стал рост цен (на 30–50 % по отдельным видам).

В структуре ассортимента рыбных консервов преобладают рыбные консервы натуральные (37,1 %) и в масле (35,3 %). Третье место занимают консервы в томатном соусе (25,3 %). Самая низкая удельная доля приходится на рыбоовощные консервы (1,3 %) [10].

Рыбные товары занимают на продовольственном рынке России небольшой удельный вес (3,9–4,4 % от общего объема). Это обусловлено тем, что среднедушевое потребление рыбы значительно меньше по сравнению с другими группами пищевых продуктов (плодоовощных, молочных, мясных и других продтоваров). Кроме того, объемы продаж рыбных консервов в натуральном выражении значительно ниже, чем других групп пищевых продуктов. При этом сказывается и психологический фактор: россияне привыкли относить рыбу к дешевым товарам, а она стала в ряде случаев дороже мяса.

Существенное влияние на объемы продаж оказывают экспорт и импорт рыбы, морепродуктов и продуктов их переработки, данные об объемах которых подтверждены в таблице 3.

Таблица 3. **Объемы экспорта и импорта рыбных товаров в России**
Table 3. **Volumes of export and import of fish products in Russia**

Продукция	2010		2012		2013		2014		2015		2016	
	Э*	И**	Э*	И**	Э*	И**	Э*	И**	Э*	И**	Э*	И**
Рыба и ракообразные, моллюски и другие беспозвоночные, млн долл. США Из них:	2708	2033	3050	2379	3356	2862	3619	2565	3501	1356	3708	1392
рыба свежая или охлажденная, за исключением рыбного филе, тыс. т	1,3	104	2,1	181	1,0	142	10,5	86,3	2,7	29,7	2,9	25,7
рыба мороженая, за исключением рыбного филе, тыс. т	1501	550	1532	434	1701	513	1487	438	1596	301	1677	271
филе рыбное и прочее мясо рыбы свежие, охлажденные или мороженые, тыс. т	63,3	137	74,3	124	94,8	120	107	125	101	69,8	112	61,9
рыба сушеная, соленая или в рассоле, тыс. т	5,7	12,9	7,7	13,5	7,3	12,0	9,4	17,7	6,6	22,5	6,4	22,8
ракообразные живые, свежие, охлажденные, мороженые, сушеные, соленые или в рассоле, тыс. т	33,5	62,0	34,6	53,8	36,7	62,6	52,7	52,1	54,8	23,0	63,5	32,3
моллюски живые, свежие, охлажденные, мороженые, сушеные, соленые или в рассоле, тыс. т	16,0	21,4	9,2	26,9	10,2	33,9	19,6	38,8	20,0	24,4	23,4	24,9
водные беспозвоночные, кроме ракообразных и моллюсков, живые, свежие, охлажденные, мороженые, сушеные, соленые или в рассоле, тыс. т	–	–	8,2	0,04	9,0	0,04	8,1	0,1	8,2	0,02	9,8	0,03
Готовая или консервированная рыба, икра осетровых и заменители икры, тыс. т	25,7	94,2	19,5	104	23,6	114	20,6	119	13,6	79,4	15,6	59,6
Готовые или консервированные ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные, тыс. т	1,1	11,2	1,0	13,7	1,2	16,4	0,9	15,1	0,6	10,5	0,7	13,8

Прим.: здесь и далее: Э* – экспорт; И** – импорт.

Анализ данных таблицы 3 показывает, что объемы экспорта рыбы, ракообразных, моллюсков и других беспозвоночных в течение 7 лет (2010–2016 гг.) постоянно увеличиваются. В 2016 г. экспорт рыбы и рыбопродуктов возрос на 1000 млн долл. США, или на 6 % по сравнению с 2015 г. Исключение составляет 2015 г., когда объемы экспорта снизились на 100 млн долл., что явилось следствием введенных в 2014 г. антироссийских санкций.

Фактически доля экспорта рыбы значительно выше за счет «теневого» бизнеса, когда выловленная российскими рыбаками рыба перегружалась в море на иностранные суда. Однако благодаря принятым на государственном уровне мерам, удельная доля такого незаконного бизнеса значительно уменьшилась. После введения антисанкций до 10 % выловленной рыбы вернулось на российский рынок. Рост экспорта рыбы и морепродуктов происходит не за счет сокращения продаж на внутреннем рынке, а за счет увеличения вылова.

Импорт рыбы и рыбной продукции увеличивался в 2010–2012 гг., но начиная с 2013 г. его объемы постоянно уменьшаются. Особенно резкое сокращение импорта, начавшееся в 2014 г., было характерно для 2015 и 2016 гг. Так, в 2016 г. импорт рыбных товаров сократился почти в 2 раза по сравнению с 2013 г. (1392 и 2862 млрд долл. США) и на 9 % по сравнению с 2015 годом, что объясняется курсом на импортозамещение продовольствия и ответными санкциями России. Под запреты попали импорт рыбы из стран ЕС, США и Канады.

Благодаря сокращению импорта и росту добычи рыбы, доля отечественной продукции на рыбном рынке, по данным главы Росрыболовства И. Шестакова [11], увеличилась до 83 %, что выше порогового значения. До введения санкций в 2013 г. 55 % выловленной в России рыбы реализовывалось за рубеж и только 45 % оставалось на российском рынке. Замещение импорта произошло по таким видам рыбы, как лосось, скумбрия, сельдь.

В структуре экспорта и импорта наибольший удельный вес занимает мороженая рыба (50 % экспорта, а в отдельные годы – и более, что составляет примерно 20–25 % импорта). Второе место со значительным отставанием от мороженой рыбы принадлежит рыбному филе, охлажденному и мороженому, причем до 2013 г. доля импорта филе превышала его экспорт. С 2013 г. доля экспорта рыбного филе стала преобладать над импортом, то есть в России стала налаживаться переработка рыбы, в том числе и на филе. В результате этого в 2016 г. импорт филе был почти в 1,8 раза меньше его экспорта.

Третье место во внешнеторговых операциях занимают ракообразные, импорт которых до 2014 г. превышал их экспорт, но начиная с 2015 г. при росте экспорта импорт ракообразных снижался (в 2016 г. по сравнению с 2010 г. почти в 2 раза).

Экспорт охлажденной рыбы значительно меньше его импорта, и эта зависимость сохраняется в течение всех шести лет. Однако зачастую под видом охлажденной импортной рыбы на прилавки попадает замороженная рыба, при этом при пониженном ее качестве по сравнению с мороженой рыбой цены на них устанавливаются выше, иногда даже в 2 раза.

Доля сушеной и соленой рыбы значительно меньше, чем других подгрупп рыбной продукции (за исключением экспорта охлажденной рыбы). Импорт сушеной и соленой рыбы почти в 2–3,5 раза (в зависимости от года) выше, чем его экспорт, что обусловлено недостаточностью производственных мощностей для этих видов переработки рыбы, а также потребностями населения в указанных товарах, которые не могут удовлетворить отечественные производители [2].

Объемы экспорта рыбных консервов, икры и ее заменителей существенно ниже их импорта (в 10–20 раз). Это объясняется недостаточностью отечественного производства консервов, пресервов и икры и повышенным спросом на них.

Икра и некоторые консервы (крабы, печень трески и т. п.) пользуются в России престижным спросом и относятся к деликатесам. Однако качество импортной икры значительно ниже, чем отечественной, что обусловлено различиями в технологии её производства. В России засаливают свежую икру, а за рубежом – мороженую, что отрицательно сказывается на качестве. В то же время ряд российских производителей икры стали закупать за рубежом мороженую икру, засаливать и фасовать в банки, поэтому качество такой икры, выдаваемой за российскую, будет низким.

В структуре ассортимента экспорта по рыбам промысловых семейств преобладает минтай, 60–70 % вылова которого идет на экспорт, в меньшей мере сельдь, треска и лососевые. Основные получатели российской рыбной продукции – Китай, Южная Корея и Япония.

В структуре ассортимента импорта преобладают семейства рыбы, виды морепродуктов и продуктов их переработки, потребность в которых не удовлетворяется за счет отечественного вылова и производства. К ним относится семга (90 % потребностей удовлетворяется за счет импорта), форель, скумбрия, в том числе горячего и холодного копчения (потребность 250 тыс. т, а в отечественных морях добывается лишь 100 тыс. т), красная икра, 50 % которой на российском рынке является импортной продукцией. В структуре импортных поставок произошли следующие изменения: снизился импорт мойвы и морской сельди и увеличился – мороженой скумбрии, лосося и форели [12].

В то же время многие виды импортной продукции заменены на отечественную рыбу или импортную рыбу из других стран. Например, вместо сельди из скандинавских стран в Россию поступает сельдь с Фарерских островов, цены на которую на 20 % выше, чем мировые цены, из-за дальности перевозок. 90 % выловленной в России сельди поступает на внутренний рынок. Однако цены на отечественную сельдь на 30 % выше мировых. Балтийские шпроты заменила крымская продукция, причем качество ее не ниже балтийских шпрот.

Несмотря на достигнутые успехи в увеличении объёмов добычи рыбы и морепродуктов, в том числе и на экспорт, а также по производству рыбной продукции, у российского РХК существует ряд проблем, требующих безотлагательного решения.

К важнейшим из них относятся:

– моральное старение и физический износ рыболовецких судов, что ограничивает зону вылова в исключительных экономических зонах России;

– несовершенство и недостаточность переработки рыбы и морепродуктов;

– недостаточность государственного регулирования РХК;

– научная и кадровая необеспеченность отрасли;

– наличие на рыбном рынке фальсифицированной продукции;

– падение спроса на рыбные товары из-за роста цен и перехода населения на сберегающую модель потребления, так как при сокращении реальных доходов потребители заменяют мороженую рыбу замороженным мясом птицы и отказываются от покупок дорогих, в т. ч. деликатесных рыбных товаров (балычных, копченых, соленых);

– низкая эффективность логистических цепей и необходимой на них инфраструктуры.

Перспективными направлениями решения указанных проблем являются:

– постройка новых рыболовецких судов с современным технологическим оборудованием для вылова и переработки рыбы на судах, для чего предполагается выделение 20 % квот на добычу водных биоресурсов сроком на 10–15 лет предприятиям для постройки судов на российских судоверфях, а также береговых заводов;

– строительство новых предприятий по переработке рыбы и морепродуктов как в районах вылова, так и потребления, причем эти предприятия должны быть оборудованы современным технологическим оборудованием;

– увеличение бюджетного финансирования на научно-исследовательские разработки, государственная поддержка РХК, в том числе субсидирование инвестиционных кредитов на внедрение НИР;

– совершенствование системы подготовки кадров для отрасли;

– предотвращение попадания в розничную продажу фальсифицированной рыбной продукции путем внедрения электронной ветеринарной сертификации (планируется введение с 1 января 2018 г.);

– стабилизация и даже снижение цен на 10 % (по предложению Минэкономразвития) для повышения спроса на рыбные товары, более эффективное позиционирование отечественной продукции на внутреннем рынке России;

– создание инфраструктуры «холодильной цепи», в т. ч. в портах Приморского края, где уже начато строительство холодильных мощностей во Владивостоке и Находке, что позволит увеличить поток рыбных грузов в течение 5–7 лет на 50 %, для чего необходимо около 100 тыс. т холодильных мощностей [13; 9].

Особо следует остановиться на проблеме фальсификации рыбных товаров. В настоящее время на рыбном рынке России присутствует до 10 % фальсифицированной продукции. Преобладают виды ассортиментной и квалиметрической фальсификации:

1) продажа под видом охлажденной размороженной рыбы, причем по более высокой цене, чем мороженая рыба – наиболее распространенный вид;

2) продажа менее ценной рыбы под названием более ценной, чаще всего минтай выдают за треску;

3) превышение норм ледяной глазури у замороженной рыбы;

4) продажа снулой рыбы под видом свежей охлажденной рыбы (в основном в магазинах, торгующих живой рыбой);

5) нарушение сроков годности рыбной продукции.

Об актуальности проблемы предотвращения фальсификации охлажденной рыбы свидетельствует тот факт, что в 2016 г. в России было произведено 14 тыс. т охлажденной рыбы, а реализовано – 90 тыс. т [14].

Появление замороженной рыбы обусловлено условиями ее перевозки в изотермических вагонах, которые по сути своей являются не холодильником, а вагоном-термосом. Поэтому при длительной перевозке, например из Владивостока в Москву, рыба может размораживаться. При перевозке рыбы в вагонах-рефрижераторах или рефроконтейнерах мороженая рыба не размораживается.

Последствия продажи фальсифицированной рыбы: предусмотрены различные меры ответственности в зависимости от тяжести содеянного – от административного штрафа в 100 тыс. руб. до временного приостановления деятельности предприятия.

Наряду с указанными перспективными направлениями и в качестве меры для решения ряда проблем РХК необходимо отметить следующие направления:

– увеличение добычи рыбы, ракообразных и других биоресурсов до 5,7 млн т в 2022 г.;

– рост доли рыбной продукции высокой степени переработки с повышенной добавленной стоимостью с 6 до 40 %, в том числе и на экспорт, что позволит снизить поставки рыбного сырья в Азиато-Тихоокеанский регион в 3 раза;

– экономический рост отрасли до 5 % ежегодно и учет ее вклада в ВВП к 2030 году за счет изменения структуры внутреннего потребления, ухода от сырьевого экспорта и повышения эффективности рыбного промысла;

– снижение железнодорожных тарифов на перевозку;

– повышение инвестиционной активности бизнеса в РХК благодаря государственной поддержке;

– введение системы рыбных бирж;

– создание специализированных торговых предприятий по продаже рыбы и рыбных товаров;

– совершенствование нормативно-правовой базы за счет внесения изменений и дополнений в действующие нормативные документы, разработки, принятие и введение в действие новых документов.

Одним из таких документов, введенных в действие с 1 сентября 2017 года, является Технический регламент Евразийского экономического совета (ЕАЭС) «О безопасности рыбы и рыбной продукции» [15], в котором устанавливаются не только допустимые уровни показателей химической, радиационной и биологической безопасности, но и вводится запрет на продажу креветок в развесном виде и охлажденной рыбы из дальних регионов.

Перспективные направления развития отрасли определяются следующими документами:

– Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса на период до 2020 г. [16];

– ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [17];

– Морская доктрина РФ на период до 2020 г. [18];

– другие нормативные акты Правительства Российской Федерации.

В завершении необходимо отметить, что рыбный рынок России имеет большие потенциальные возможности роста и выхода в тройку мировых лидеров по объемам добычи рыбы, морепродуктов и продуктов их переработки.

По прогнозу Минэкономразвития в 2018 г. должен вырасти вылов биоресурсов на 6,7 %, а производство про-

дуктов их переработки – на 9,2 % по сравнению с 2014 г., когда эти показатели достигли максимума за последние 20 лет. К 2022 г. добыча рыбы и морепродуктов должна вырасти на 20 % и достигнуть 5,7 млн т, если будут введены в строй новые суда [9].

К числу приоритетных направлений развития РХК относится увеличение экспорта рыбной продукции высокой степени переработки и сокращения сырьевого экспорта, а также снижение импортозависимости России в отношении рыбы, морепродуктов и продуктов их переработки.

Таким образом, поэтапное решение вышеуказанных проблем в ближайшие годы позволит не только уменьшить импортозависимость и улучшить ассортимент выпускаемой рыбной продукции, но и повысить качество жизни населения.

Литература

1. Губарева Е. Е., Лихих И. А. Тенденции в формировании рынка продуктов переработки прудовой рыбы // Студенческий научный форум: VI Международная студенческая электронная научная конференция. 2014. Режим доступа: http://www.scienceforum.ru/2014/601/2985 (дата обращения: 29.09.2017).

2. Власова О. В., Киселева Е. Н., Кононова Е. Б. Рынок рыбы и морепродуктов: учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2009. 162 с.

3. Семенова С. А. Рыбохозяйственный комплекс современной России // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14. № 1. С. 110–116. Режим доступа: http://kniga.seluk.ru/k-prodovolstvie-produkty/1304567-1-semenova-ribohozyaystvenniy-kompleks-sovremennoy-rossii-udk-6392-3-ribohozyaystvenniy-kompleks-sovremennoy-rossi.php (дата обращения: 29.09.2017).

4. Неуймин Д. С. Современное состояние и особенности развития рынка рыбы и рыбной продукции // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2017. № 1. С. 122–130. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-osobennosti-razvitiya-rynka-ryby-i-rybnoy-produktsii (дата обращения: 29.09.2017).

5. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614.

6. Россия переходит на отечественную рыбу. 03.04.2017. Режим доступа: http://fishretail.ru/news/rossiya-perehodit-na-otechestvennuyu-ribu-370499 (дата обращения: 29.09.2017).

7. Россия в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2017. 511 с.

8. В Ленинградской области увеличится производство форели // Национальная премия «Моя земля Россия». 29.08.2017. Режим доступа: http://konkurs.agromedia.ru/news/2017/08/29/V_Leningradskoj_oblasti_uvelichitsya_proizvodstvo_foreli/?category=northwest_fd (дата обращения: 29.09.2017).

9. Новости рыбного рынка. Режим доступа: https://tsargrad.tv/ (дата обращения: 29.09.2017).

10. Щербаков А. Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек! Обзор российского рынка рыбы и рыбной продукции // Российский продовольственный рынок. 2016. № 5. Режим доступа: http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=2295 (дата обращения: 29.09.2017).

11. Объем производства рыбы вырос в России более чем на 3 % в 2016 г. // РИАМО. 13.12.2016. Режим доступа: https://riamo.ru/article/180807/-2016-g (дата обращения: 29.09.2017).

12. Жехов А. Рынок рыбной продукции. 19.08.2008. Режим доступа: http://www.upakovano.ru/articles/1646 (дата обращения: 29.09.2017).

13. Деркач С. Н., Левкин Е. В. Инновационные направления развития рыбной отрасли // Студенческий научный форум: VII Международная студенческая электронная научная конференция. 2015. Режим доступа: https://scienceforum.ru/2015/1053/10271 (дата обращения: 29.09.2017).

14. Егоршева Н. С прилавков уберут поддельную продукцию // Российская газета. 01.09.2017. № 7362(196).

15. О безопасности рыбы и рыбной продукции. Технический регламент Евразийского экономического союза 040/2016. Утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18.10.2016 № 162.

16. Об утверждении стратегии развития рыбохозяйственного комплекса российской федерации на период до 2020 года. Приказ Росрыболовства от 30.03.2009 № 246. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/prikaz-rosrybolovstva-ot-30032009-n-246-ob/ (дата обращения: 29.09.2017).

17. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов. Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 29.09.2017).

18. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ 27.07.2001 (прекратила действие). Режим доступа: https://studfiles.net/preview/6723899/ (дата обращения: 29.09.2017).

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF THE FISH AND FISH GOODS MARKET DEVELOPMENT IN RUSSIA

Yury N. Kleshchevsky[1, @1], Maria A. Nikolaeva[2, @2], Olga A. Ryazanova[1, @3]

[1] Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992
[2] The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, North-West Institute of Management, 57/43, Sredniy Ave., Vasilyevsky Island, Saint-Petersburg, Russia, 199178
[@1] kemerovo@rea.ru
[@2] man1408@mail.ru
[@3] oliar1710@mail.ru

Received 16.10.2017. Accepted 01.12.2017.

Keywords: fish market, fish, seafood, biological resources, production (fishery), sale, export, import, aquaculture, structure of the product range.

Abstract: The article considers the condition of sources of fish, seafood and products of their processing on the Russian fish market. It analyses the data on fish production, shellfish and other biological resources for the period 2010–2016 and presents justification for the revealed dependences of fish volume production as well as the structure of fishery of various fish. The research features the data on sales volumes in retail trade of fish goods and the structure of their range. The analysis of data on volumes of the foreign trade market of Russia shows that the export of fish, seafood and products of their processing has increased by six percent and import was reduced by nine percent. Due to this fact the share of domestic fish production has reached 83 %, which exceeds the norms established by the Food Security Doctrine of the Russian Federation. The paper also describes the current problems of the Russian fish market and offers solutions and the prospects for its development.

For citation: Kleshchevsky O. N., Nikolaeva M. A., Ryazanova O. A. Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia rynka ryby i rybnykh tovarov v Rossii [Current State and Prospects of the Fish and Fish Goods Market Development in Russia]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 34–42.

References

1. Gubareva E. E., Likhikh I. A. Tendentsii v formirovanii rynka produktov pererabotki prudovoi ryby [Trends in the formation of the market for pond fish products]. *Studencheskii nauchnyi forum: VI Mezhdunarodnaia studencheskaia elektronnaia nauchnaia konferentsiia* [Student Scientific Forum: VI Intern. Student Electronic Sc. Conf.]. 2014. Available at: http://www.scienceforum.ru/2014/601/2985 (accessed 29.09.2017).
2. Vlasova O. V., Kiseleva E. N., Kononova E. B. *Rynok ryby i moreproduktov* [Fish and Seafood Market]. Moscow: Vuzovskii uchebnik, 2009, 162.
3. Semenova S. A. Rybokhoziaistvennyi kompleks sovremennoi Rossii [Fishery complex of modern Russia]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Murmansk State Technical University*, 14, no. 1 (2011): 110–116. Available at: http://kniga.seluk.ru/k-prodovolstvie-produkty/1304567-1-semenova-ribohozyaystvenniy-kompleks-sovremennoy-rossii-udk-6392-3-ribohozyaystvenniy-kompleks-sovremennoy-rossi.php (accessed 29.09.2017).
4. Neuimin D. S. Sovremennoe sostoianie i osobennosti razvitiia rynka ryby i rybnoi produktsii [Current state and peculiarities of fish and fish products market development]. *Tekhnologii pishchevoi i pererabatyvaiushchei promyshlennosti APK – produkty zdorovogo pitaniia = Technologies of food and processing industry of agroindustrial complex – products of healthy food*, no. 1 (2017): 122–130. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-osobennosti-razvitiya-rynka-ryby-i-rybnoy-produktsii (accessed 29.09.2017).
5. *Rekomendatsii po ratsional'nym normam potrebleniia pishchevykh produktov, otvechaiushchikh sovremennym trebovaniiam zdorovogo pitaniia* [Recommendations on rational norms of consumption of food products that meet modern requirements of healthy nutrition]. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 19, 2016 No. 614.
6. *Rossiia perekhodit na otechestvennuiu rybu* [Russia switches to domestic fish]. 03.04.2017. Available at: http://fishretail.ru/news/rossiya-perehodit-na-otechestvennuyu-ribu-370499 (accessed 29.09.2017).
7. *Rossiia v tsifrakh. 2017* [Russia in figures. 2017]. Moscow, 2017, 511.
8. *V Leningradskoi oblasti uvelichitsia proizvodstvo foreli* [In the Leningrad Region, trout production will increase]. 29.08.2017. Available at: http://konkurs.agromedia.ru/news/2017/08/29/V_Leningradskoj_oblasti_uvelichitsya_proizvodstvo_foreli/?category=northwest_fd (accessed 29.09.2017).
9. *Novosti rybnogo rynka* [Fish Market News]. Available at: https://tsargrad.tv/ (accessed 29.09.2017).
10. Shcherbakov A. Vot leshchik, potrokha, vot sterliadi kusochek! Obzor rossiiskogo rynka ryby i rybnoi produktsii [Here's a goblin, giblets, here's a sterlet piece! Review of the Russian market of fish and fish products]. *Rossiiskii prodovol'stvennyi rynok = Russian Food Market*, no. 5 (2016). Available at: http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=2295 (accessed 29.09.2017).

11. *Ob"em proizvodstva ryby vyros v Rossii bolee chem na 3 % v 2016 g.* [The volume of fish production in Russia grew by more than 3% in 2016]. 13.12.2016. Available at: https://riamo.ru/article/180807/-2016-g (accessed 29.09.2017).

12. Zhekhov A. *Rynok rybnoi produktsii* [Fish products market]. 19.08.2008. Available at: http://www.upakovano.ru/articles/1646 (accessed 29.09.2017).

13. Derkach C. N., Levkin E. V. Innovatsionnye napravleniia razvitiia rybnoi otrasli [Innovative trends in the development of the fishing industry]. *Studencheskii nauchnyi forum: VII Mezhdunarodnaia studencheskaia elektronnaia nauchnaia konferentsiia* [Student Scientific Forum: VII Intern. Student Electronic Sc. Conf.]. 2015. Available at: https://scienceforum.ru/2015/1053/10271 (accessed 29.09.2017).

14. Egorsheva N. S prilavkov uberut poddel'nuiu produktsiiu [Counterfeit products will disappear from shops]. *Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper,* no. 7362(196) (01.09.2017).

15. *O bezopasnosti ryby i rybnoi produktsii* [On the safety of fish and fish products]. Technical Regulations of the Eurasian Economic Union 040/2016. Approved by the decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 18.10.2016 No 162.

16. *Ob utverzhdenii strategii razvitiia rybokhoziaistvennogo kompleksa rossiiskoi federatsii na period do 2020 goda* [On the approval of the strategy for the development of the fisheries sector of the Russian Federation for the period until 2020]. Order of the Russian Fisheries of 30.03.2009 No. 246. Available at: http://legalacts.ru/doc/prikaz-rosrybolovstva-ot-30032009-n-246-ob/ (accessed 29.09.2017).

17. *O rybolovstve i sokhranenii vodnykh biologicheskikh resursov* [On fishing and conservation of aquatic biological resources. Federal Law No. 166-FZ of December 20, 2004 (as amended on July 3, 2016) (as amended and supplemented, effective from 01.10.2016). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (accessed 29.09.2017).

18. *Morskaia doktrina Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [The Maritime Doctrine of the Russian Federation for the period until 2020]. Approved by the President of the Russian Federation on July 27, 2001 (terminated). Available at: https://studfiles.net/preview/6723899/ (accessed 29.09.2017).

УДК 330.34

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ЛОКОМОТИВ РОСТА ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

***Андрей Б. Коржук*[1, @]**

[1] *Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 650992,Россия, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39*
[@] *nauka.a.kirsute@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.10.2017. Принята к печати 11.12.2017.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, прибрежные территории, региональная экономика, инвестиции, морские порты, международные проекты.

Аннотация: Статья посвящена вопросам экономического развития дальневосточных территорий России. Российский Дальний Восток занимает достаточно выгодное экономико-географическое положение в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе, находясь по соседству с Китаем, Японией и США. Целью данной статьи является определить основные направления по улучшению экономического развития Дальневосточных прибрежных территорий, сравнить развитость прибрежных территорий Дальнего Востока, а именно территорию Приморского края с другими странами, дать сравнительный анализ и сделать определенные выводы. Площадь региона составляет 36 % от территории России, в то же время население составляет 4 % населения страны, все это связано с суровыми погодными условиями и слабым развитием экономики. По валовому региональному продукту на Дальний Восток приходится 5,7 % от ВРП России. Рассмотрен зарубежный опыт развития прибрежных территорий США, Китая, Японии, Канады. Можно сделать вывод, что мы существенно отстаем от этих стран по таким показателям, как объем ВВП, объем экспорта, вовлеченность в торговлю с АТР, продажа продукции обрабатывающих производств. Сравнительный анализ показал похожесть отраслевой структуры прибрежных территорий только с Канадой. Похожа сырьевая направленность отгружаемых товаров, население портовых городов, но в то же время показатели объема дальневосточных грузоперевозок России отстают от всех рассмотренных стран. По-видимому, основными направлениями развития дальневосточных территорий являются структурные изменения в экономике; привлечение иностранных инвестиций в создание как горнодобывающих, лесозаготовительных, так и перерабатывающих производств; развитие транспортной инфраструктуры.

Для цитирования: Коржук А. Б. Развитие российского Дальнего Востока как локомотив роста экономики страны // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 43–48.

Российский Дальний Восток – это восточная часть России, включающая Республику Саха, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ.

Площадь региона составляет 6 млн км^2 (36 % от территории России), в то же время население составляет 6,2 млн чел. (около 4 % населения страны), все это связано с суровыми погодными условиями и слабым развитием экономики.

Дальний Восток занимает достаточно выгодное экономико-географическое положение в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе, находясь по соседству с Китаем, Японией и США. К морским портам Дальнего Востока имеют выходы такие транспортные системы, как Транссибирская и Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, пересекающие Евразию [1].

Целью данной статьи является определить основные направления по улучшению экономического развития Российского Дальнего Востока, сравнить развитость прибрежных территорий нашей страны с прибрежными территориями других стран, дать сравнительный анализ и сделать определенные выводы.

Государству следует уделить особое внимание развитию прибрежных территорий Дальневосточного побережья, а также к его стратегическим экономическим проблемам, от решения которых в итоге будет зависеть благополучие всей страны.

Низкий уровень внутреннего спроса и плохая транспортная доступность внешних рынков определяет сложность развития региона в сфере экономики. Экономический рост Дальневосточных прибрежных территорий связан, в первую очередь, с увеличением экспорта за счет поставок продукции на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. При создании экспортоориентированного производства будет стимулироваться создание и развитие специальных территорий с опережающим экономическим развитием. Особое внимание следует уделить развитию морских портов на «территории опережающего развития», что позволит решить большинство проблем. Например, такие как создание конкурентных условий хозяйствования по сравнению с морскими портами соседних государств, способствование облегчению таможенных и пограничных процедур, связанных с движением грузов, снижение административных барьеров при согласовании строительства новых мощностей, а также получение гарантий на пер-

спективные объемы грузопотока от государственных агентств, обеспечивающих развитие Сибири и Дальнего Востока [2].

Реализация экономической политики вхождения Дальневосточных прибрежных территорий в общий процесс развития Азиатско-Тихоокеанского региона и освоения его потенциала требует незамедлительного улучшения экономического и демографического развития, технической и технологической модернизации производства, кардинального улучшения инвестиционного климата.

По валовому региональному продукту на Дальний Восток приходится 5,7 % от ВРП России – 3719,5 млрд руб. (Сахалинская область – 999,1 млрд руб., Республика Саха – 750 млрд руб., Приморский край – 716,7 млрд руб., Хабаровский край – 571,5 млрд руб., Амурская область – 276,9 млрд руб., Камчатский край – 171,9 млрд руб., Магаданская область – 124,6 млрд руб., Чукотский автономный округ – 63,9 млрд руб., Еврейская автономная область – 44,9 млрд руб.).

Показатели ВВП России существенно отличаются от других стран. Рассмотрим страны, имеющие прибрежные территории: США – 18569 млрд долл., КНР – 11218 млрд долл., Япония – 4939 млрд долл., Канада – 1529 млрд долл., Россия – 1281 млрд долл. (12-е место).

Если сравнить структуру экспорта и импорта, то увидим, что основная доля экспорта страны приходится на нефть и нефтепродукты, природный газ, угольные брикеты, металлы и т. д., импорт же составляют техника, транспортные средства, фармацевтическая продукция.

В США, для примера, экспорт составляет нефтепродукты, автомобили, медикаменты, импорт – нефть, транспортные средства, компьютеры. В КНР экспорт – компьютеры, вещательное оборудование, телефоны, интегральные схемы, потребительские товары, импорт – интегральные схемы, сырая нефть, золото, железо, автомобили. В Японии экспорт – автомобили, запчасти для машин, интегральные схемы, пассажирские и грузовые суда, импорт – сырая нефть, природный газ, медикаменты, компьютеры, уголь. В Канаде экспорт – автомобили, сырая нефть, золото, запчасти для машин, импорт – автомобили, запчасти для машин, нефть и нефтепродукты [3].

Положение рассмотренных стран по объему экспорта следующее: КНР – 2011 млрд долл., США – 1471 млрд долл., Япония – 641 млрд долл., Канада – 402 млрд долл., Россия – 259 млрд долл. (19-е место).

Кроме того, доля, полученная от экспорта в страны восточноазиатского региона, в России гораздо меньше, чем у всех других рассматриваемых стран. Можно сказать, что международные промышленные связи могут изменить структуру товарооборота. Одной из самых сложных задач дальневосточной стратегии развития России является интеграция в экономику АТР и тем самым в мировую путем активного совместного использования потенциала региона. Сегодня Россия в целом практически не включена в международную систему конкурентных преимуществ, за исключением краткого перечня экспортных товаров.

Так, основными странами-импортерами России являются Нидерланды (29,3 млрд долл.), Китай (28 млрд долл.), Германия (21,3 млрд долл.), Беларусь (14,1 млрд долл.), Турция (13,7 млрд долл.).

Странами-импортерами КНР – США (385 млрд долл.), Гонконг (287 млрд долл.), Япония (129 млрд долл.), Южная Корея (124 млрд долл.), Германия (65,2 млрд долл.).

Странами-импортерами США – Канада (266 млрд долл.), Мексика (229 млрд долл.), Китай (115 млрд долл.), Япония (63,2 млрд долл.).

Странами-импортерами Японии – США (130 млрд долл.), Китай (113 млрд долл.), Южная Корея (46,2 млрд долл.), Гонконг (33,6 млрд долл.), Таиланд (27,4 млрд долл.).

Странами-импортерами Канады – США (296 млрд долл.), Китай (15,8 млрд долл.), Великобритания (12,9 млрд долл.), Япония (8,09 млрд долл.), Мексика (5,76 млрд долл.).

Исходя из приведенной статистики, можно сделать вывод, что мы существенно отстаем от развитых стран по таким показателям, как объем ВВП, объем экспорта, вовлеченность в торговлю с АТР, продажа продукции обрабатывающих производств. По данным показателям наиболее близкая к нам страна – это Канада, с похожими показателями и структурой внешней торговли.

Если посмотреть структуру 25 самых влиятельных городов мира, 15 из них – это прибрежные города (Сан-Франциско, Шанхай, Осло, Бостон, Осака, Дублин, Хельсинки, Сидней, Стокгольм, Сеул, Лос-Анджелес, Сингапур, Гонконг, Токио, Нью-Йорк) [4].

Для более подробного определения развитости прибрежных территорий российского Дальнего востока по сравнению с другими странами следует провести сравнительный анализ. В качестве анализа была взята территория Приморского края, так как это уникальная территория по своим климатическим, природно-ресурсным, этническим и социально-экономическим условиям.

Владивосток – город-порт на российском Дальнем Востоке, административный центр Приморского края. В данном городе оканчивается Транссибирская магистраль. Население – 600 тыс. чел. Наиболее близко расположен к Сеулу, Токио, Гонконгу. Климат умеренно муссонный. Средняя температура – от -12 °С (зимой) до 19,8 °С (летом). В городе развиты обрабатывающая промышленность (машиностроение, судостроение, судоремонт), оптовая и розничная торговля, транспорт и связь. Валовой внутренний продукт городской агломерации в 2015 г. составил 22,8 млрд долл., заняв 15-е место в России. Объем внешней торговли через данный порт составил в 2016 г. 11,8 млрд долл. Грузооборот порта – 14,3 млн т. Структура экспорта – рыба и морепродукты, древесина, черные и цветные металлы.

Для проведения сравнительного анализа был выбран ряд городов рассмотренных выше стран.

Нью-Йорк – наиболее крупный город США. Население – 8 млн чел. (агломерации – 20 млн чел.). Важный мировой центр экономики, политики, финансов и культуры. Климат субтропический океанический. Средняя температура – от 0,3 °С (зимой) до 24,7 °С (летом). Нью-Йорк является важнейшим финансовым центром страны, на него приходится 40 % мировых финансов. В городе расположено множество штаб-квартир финансовых и нефинансовых компаний, крупнейшие биржи мира. Развита промышленность, хотя ее доля постоянно снижается. Стремительно развиваются интернет-бизнес, биотехнологии, написание программного обеспечения. Развит туризм. Валовой внутренний продукт в 2007 г. составил 1210 млрд долл., заняв первое место в

стране. Объем внешней торговли через данный порт составил в 2011 г. 208 млрд долл. Грузооборот порта – 200 млн т. Наиболее перевозимые товары – автомобили.

Гонконг – специализированный административный центр КНР. Население – 7 млн чел. Гонконг – один из ведущих финансовых центров мира и Азии. Климат тропический муссонный. Средняя температура – от 14,5 °С (зимой) до 26,8 °С (летом). Гонконг – крупный финансовый, торговый и страховой центр АТР. В нем расположено множество штаб-квартир компаний Азии, биржа. В структуре экономики торговля и логистика составляют 26 %, финансовые услуги – 15%, бизнес-услуги – 13 %, инновации, медицина и образование – 8 %. Развит туризм. ВВП города составляет 253 млрд долл. Грузооборот порта – 298 млн т. Структура экспорта – интегральные схемы, золото, телефоны, вещательное оборудование, офисное оборудование.

Осака – крупный город Японии. Население 2,6 млн чел. Осака крупный центр международной торговли. Климат тропический. Средняя температура – от 6 °С (зимой) до 28,8 °С (летом). Город – крупный центр судостроения, металлургии, химической, пищевой промышленности, разрабатывается программное обеспечение. В городе расположены головные офисы ряда международных компаний. Объем ВВП агломерации – 417 млрд долл. Грузооборот порта – 150 млн т.

Ванкувер – третий по величине город Канады. Население – 631 тыс. чел. (агломерации – 2,5 млн чел.). Город является одним из крупнейших промышленных центров страны. Климат умеренный теплый. Средняя температура – от 3,3 °С (зимой) до 17,6 °С (летом). Город является центром компаний по лесозаготовке и горнодобывающей промышленности. В последнее время развитие получают биотехнологии и разработка программного обеспечения. Объем внешней торговли через данный порт составляет около 58 млрд долл. Основными экспортными товарами являются лес, нефть и пшеница. Объем ВВП города – 95 млрд долл. Грузооборот порта – 45 млн т [5].

Сравнительный анализ показал похожесть отраслевой структуры прибрежных территорий только с Канадой. Похожа сырьевая направленность отгружаемых товаров, население города, но в то же время показатели объема грузоперевозок Владивостока отстают от всех рассмотренных портов.

По-видимому, основными направлениями развития дальневосточных территорий являются структурные изменения в экономике; привлечение иностранных инвестиций в создание как горнодобывающих, лесозаготовительных, так и перерабатывающих производств; развитие транспортной инфраструктуры.

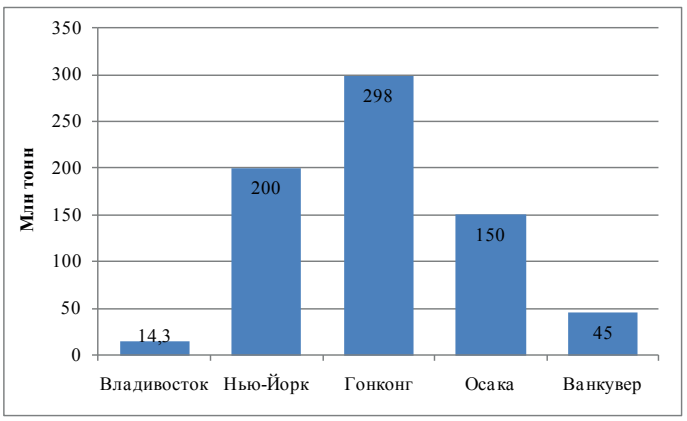

Рис 2. ***Грузооборот портов***
Fig. 2. ***Port turnover***

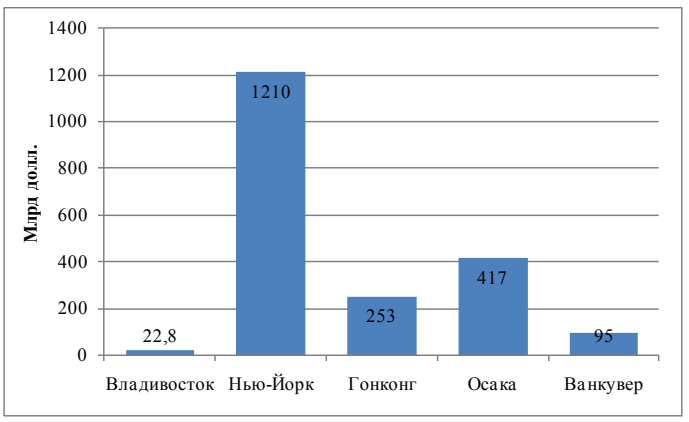

Рис 3. ***ВВП городов, млрд долл.***
Fig. 3. ***GDP of cities, billion dollars***

Изменение структуры экономики в сторону наукоемких отраслей, сферы услуг (в том числе банковские, финансовые, страховые услуги) должно совершаться на уровне всего государства. Хотя опыт Канады показывает, что и чисто сырьевая ориентация экономики может служить источником роста благосостояния населения страны.

Становится понятно, что в ближайшее время Дальневосточное побережье не в силах соперничать со странами Азиатско-Тихоокеанского региона по выпуску продукции машиностроения, информационно-коммуникационных изделий. Поэтому экономика Дальневосточных прибрежных территорий должна осуществляться за счет развития добычи и переработки природных ресурсов и использования его транзитных возможностей.

Со стратегической точки зрения политика распределения ресурсов должна не замыкаться в рамках отдельного регионального экономического объединения, а переориентироваться на развитие кооперации в системе разделения труда с соседними странами. Например, участие в различных площадках сотрудничества, таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Транстихоокеанское партнерство и Региональное всестороннее экономическое партнерство полезно с точки зрения долгосрочных региональных целей, чего не дают региональные площадки. Целью политики должно стать соблюдение «международных общественных интересов» в международной организации производства на Дальнем Востоке.

Исходя из вышеперечисленного, следует обеспечить создание экономических условий для устойчивого развития макрорегиона с учетом экономических интересов на основе преодоления инфраструктурных ограничений и создания благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики региона.

Создание благоприятного инвестиционного климата на примере других регионов уже рассматривалось автором в других работах [6–8].

Сегодня Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций имеет разработанные стратегии инвестиционного развития всех 9 субъектов Дальнего Востока, а в портфеле проработанных инвестиционных проектов имеется более 400 проектов, структурированных по объему инвестиций и отраслям. Многие из них могут быть интересны иностранным компаниям и уже предлагаются им на различных площадках. Существенные ожидания связаны и с созданием инвестиционных платформ. Одна такая – российско-японская платформа – начинает работу в этом году, партнером с японской стороны выступает Японский банк международного сотрудничества (JBIC). Запланировано создание аналогичных инвестиционных платформ с Китаем, Индией и Республикой Корея.

Российский фонд прямых инвестиций увеличил инвестиции в два раза в проекты, которые реализуются на территории Дальнего Востока. РФПИ ставит своим приоритетом направление работы на Дальнем Востоке. Фонд объединился в консорциум с сингапурским оператором Changi и компанией «Базовый элемент» и выиграл конкурс на право покупки пакета акций международного аэропорта Владивостока. У аэропорта Владивостока имеется потенциал для того, чтобы стать российским лидером транспортно-логистической сети Азиатско-Тихоокеанского региона. Наличие в регионе подобных транспортных узлов будет способствовать развитию экономики на всех уровнях.

В настоящее время крупнейшим международным проектом в Приморье является разработка нефтегазовых месторождений на шельфе Сахалина. Компании из США, Японии и Индии участвуют в проекте «Сахалин-1»; компании из США и Японии – в проекте «Сахалин-2», компании из Китая – в проекте «Сахалин-3». Сырье, добытое из месторождений, отправляется на внутренний и внешний рынки.

Также осуществляются проекты по освоению угольных месторождений с участием индийского капитала (холдинг TATA Group). Капиталовложения составляют 560 млн долларов. Участником также является Сбербанк с финансированием 400 млн долларов. После выхода на проектную мощность предприятие будет добывать до 10 млн тонн угля, который будет экспортироваться.

Также на территории Дальнего Востока осуществляются проекты с участием корейского капитала. На сегодня Корея является крупным экспортером рыбной продукции с российской территории. Компания Korea Traiding & Industries Co. вкладывает 7 млн долларов в рыбоперерабатывающий комплекс мощностью 10 тыс. тонн продукции.

В настоящее время корейскими компаниями осуществляется 6 проектов на территории Дальнего Востока. Инвестиции составят 70 млн долларов [9].

Внутренний рынок российского Дальнего Востока имеет достаточно небольшой объем. Но он позволяет развивать экономически эффективные проекты в разных отраслях. Такие проекты, основанные либо на импортозамещении, либо на технологической модернизации, могут дать инвестору гарантированный и стабильный доход.

Основной задачей Дальневосточных прибрежных территорий для достижения указанных целей является создание и улучшение транспортной инфраструктуры, способствующей стимулированию всех отраслей экономики данной территории, а также оказывающей положительный эффект на качество жизни населения. Например, в целях реализации этапа по интеграции Камчатского края в единую транспортно-экономическую систему России и формирования опорной сети автомобильных дорог Камчатского края планируется осуществление строительства и реконструкции автомобильной дороги Петропавловск-Камчатский – Мильково – Ключи – Усть-Камчатск.

Инфраструктурные ограничения являются снижающим фактором, который сдерживает развитие Дальневосточных прибрежных территорий. Именно на устранение этой проблемы направлена ФПЦ «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.».

Значение обеспечения развития инфраструктуры особенно возрастет при реализации ряда масштабных комплексных инвестиционных проектов, которые привлекут в хозяйственный оборот наибольший ресурсный потенциал Дальневосточных прибрежных территорий.

В дальнейшем, чтобы привлечь инвестиции на Дальний Восток, может потребоваться образование на базе морских портов портовых особых экономических зон. Наиболее перспективными на сегодняшний день, по предварительным оценкам, являются проекты создания портовых особых экономических зон на территории морских портов Находка, Восточный, Ванино и Советская Гавань.

В последнее время водный транспорт практически удовлетворял растущий спрос на перевозку пассажиров и грузов в макрорегионе. Особое внимание уделялось совершенствованию транспортной сети, повышению безопасности и устойчивости транспортной системы. Реализуются несколько многообещающих проектов по развитию морских портов и прибрежных территорий. Состояние на сегодняшний день транспортной системы не вполне соответствует задачам ускоренного развития макрорегиона. Планируемое государством значительное повышение пропускной способности морских портов окажет положительный эффект на экономику Дальневосточного побережья.

Портовому хозяйству необходима модернизация и развитие мощностей для обеспечения растущих потребностей внешнеторгового оборота России и обеспечения международного транзита. Для решения этих проблем необходима финансовая поддержка, за счет которой можно произвести реконструкцию морского транспорта на Дальнем Востоке.

Порты Приморья обслуживают преобладающую часть экспортно-импортных грузов, пересекающих восточные границы России. Данный грузовой поток в короткие сроки возможно увеличить при помощи строительства новых высокотехнологичных портовых мощностей.

В бухте Суходол планируется строительство нового специализированного порта для упрощенного доступа к портовой инфраструктуре малых и средних угледобывающих предприятий. Реализация данного проекта – строительство нового угольного порта – имеет большое значение как для развития и повышения конкурентоспособности угледобывающих предприятий, так и для всей транспортной системы Российской Федерации, поскольку планируемый порт будет обрабатывать существенный объем угля для потребителей Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект будет реализован без федерального финансирования, что замедляет процесс строительства и нагружает инвесторов еще больше. В решении сложившейся ситуа-

ции требуется увеличение инвестиционного потока при помощи привлечения иностранных инвесторов.

Необходимо учесть один из главных проектов развития экономики Дальневосточного побережья – «Свободный порт Владивосток». Это территория с особыми режимами налогового, таможенного и инвестиционного регулирования в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [10].

Режим свободного порта Владивосток распространен на 16 муниципальных образований Приморского края и все ключевые порты юга Дальнего Востока, городской округ Петропавловск-Камчатский (Камчатского края), Ванинский муниципальный район (Хабаровского края), городской округ Корсаковский (Сахалинской области), городской округ Певек (Чукотского автономного округа), включая территории и акватории морских портов, расположенные на их территории. Для резидентов предоставляется возможность в виде льгот, таких как обнуление ставок налога на прибыль в течение 5 лет, льготный тариф страховых взносов – 7,6 % и ускоренная процедура возмещения НДС, беспошлинные ввоз и вывоз, а также хранение товаров.

Свободный порт – это, в первую очередь, рабочие места, хорошая инфраструктура и возможность для жителей края реализовать себя. Приморью он принесет удвоение бюджета, а Дальневосточному федеральному округу (ДФО) даст возможность для экономического развития [9].

Политика государства, которая направлена на улучшение и развитие экономики Дальнего Востока еще продолжительное время будет доводиться до совершенства. Принятие законов и нормативно-правовых актов для улучшения ситуации на Дальневосточных прибрежных территориях говорит о том, что Правительство старается всячески поддерживать инфраструктуру Дальнего Востока, его культуру и национальное достояние России. Следует отметить, что выраженная политика, направленная на совершенствование системы туризма в ближайшее время даст хорошие результаты и привлечет как российских туристов, так и иностранцев. Реализация национальных проектов станет толчком в развитии экономики Дальнего Востока и позволит улучшить жизнь не только населения макрорегиона, но и всего населения страны в целом. На сегодняшний день можно отметить тот факт, что основной элемент в развитии прибрежных территорий Дальнего Востока – это экспорт и импорт. Именно поэтому поддержка в виде проектов и инвестиций в транспорт является опорой экономики макрорегиона [10].

В заключение можно сказать, что необходимо анализировать внешние и внутренние резервы, чтобы расставить приоритеты, выявить стратегию, которая позволит улучшить развитие экономики Дальнего Востока с учетом его особенностей и условий развития. Выбор приоритетных направлений и способов привлечения инвестиций позволит существенно повысить эффективность регионального развития. Особое внимание нужно уделить программам привлечения инвестиций. Больше инвестиций – больше реализуемых проектов, именно они помогут стать Дальнему Востоку локомотивом экономики.

Литература

1. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Режим доступа: https://minvr.ru/ (дата обращения: 04.10.2017).

2. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480 «Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2018 года». Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2013 г. № 1128.

3. The observatory of economic complexity. Режим доступа: https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country (дата обращения: 04.10.2017).

4. 25 самых экономически мощных городов мира. Режим доступа: https://news.rambler.ru/economics/29526059 (дата обращения: 04.10.2017).

5. Грузоперевозки из порта Ванкувер. Режим доступа: http://trafic-a.ru/world-port/port-of-vancouver-canada.html (дата обращения: 04.10.2017).

6. Коржук А. Б., Фролова Т. В., Дорофеева Т. П. Диверсификация экономики монопрофильных городов как способ выхода из кризиса // Инновации в технологиях и образовании: сборник участников IX Международной научно-практической конференции. (18–19 марта 2016). Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 2016. С. 151–154.

7. Коржук А. Б., Дорофеева Т. П., Масаев В. Ю. Направления развития экономики Кемеровской области в условиях экономического кризиса // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-3(76-3). С. 581–584.

8. Коржук А. Б., Фролова Т. В., Дорофеева Т. П. Диверсификация экономики монопрофильных городов как способ выхода из кризиса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-3. С. 264–269.

9. Практическая конкурентоспособность: какие условия привлекают иностранный бизнес на российский Дальний Восток // Экономика Дальнего Востока. 2017. № 6. Режим доступа: https://minvr.ru/zhurnal/ (дата обращения: 04.10.2017).

10. О свободном порте Владивосток. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ.

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST AS A LOCOMOTIVE FOR THE ECONOMIC GROWTH OF THE COUNTRY

***Andrey B. Korzhuk*[1, @]**

[1] *Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992*
[@] *nauka.a.kirsute@mail.ru*

Received 20.10.2017. Accepted 11.12.2017.

Keywords: russian Far East, coastal territories, regional economy, investments, seaports, international projects.

Abstract: The article is devoted to the issues of economic development of the Far Eastern territories of Russia. The Russian Far East occupies a rather advantageous economic and geographical position in Russia and the Asia-Pacific region since it borders with China, Japan and the United States. The purpose of the research is to determine the main directions for improving the economic development of the Far Eastern coastal territories, to compare the development of the coastal territories of the Far East, namely, the territory of Primorsky Krai with other countries, to provide a comparative analysis and draw certain conclusions. The area of the region makes up 36 % of the whole Russian territory while its population is only 4 % of the country's population, which is due to severe weather conditions and weak economic development. The gross regional product to the Far East accounts for 5.7 % of the GRP of Russia. The paper features foreign experience in the development of coastal territories in the USA, China, Japan and Canada. It can be concluded that Russia significantly lags behind these countries in terms of GDP, exports, involvement in trade with the Asia-Pacific Region, and the sale of manufacturing products. A comparative analysis showed that the industrial structure of Russian coastal areas is similar only with those of Canada in raw material orientation of shipped goods, population of the port cities, whereas the indicators of the volume of Far Eastern cargo transportation in Russia lag behind all the countries examined. Apparently the main areas of development of the Far Eastern territories are: structural changes in the economy; attracting foreign investment in the creation of both mining, logging, and processing industries; development of transport infrastructure.

For citation: Korzhuk A. B. Razvitie rossiiskogo Dal'nego Vostoka kak lokomotiv rosta ekonomiki strany [Development of the Russian Far East as a Locomotive for the Economic Growth of the Country]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 43–48.

References

1. *Ministerstvo Rossiiskoi Federatsii po razvitiiu Dal'nego Vostoka* [Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East]. Available at: https://minvr.ru/ (accessed 04.10.2017).
2. *O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15 aprelia 1996 g. № 480 «Ob utverzhdenii federal'noi tselevoi programmy «Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie Dal'nego Vostoka i Zabaikal'ia na period do 2018 goda»* [On the approval of the federal target program «Economic and social development of the Far East and Transbaikalia for the period until 2018»]. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 6, 2013, No. 1128.
3. *The observatory of economic complexity*. Available at: https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country (accessed 04.10.2017).
4. *25 samyh ehkonomicheski moshchnyh gorodov mira* [25 most economically powerful cities of the world]. Available at: https://news.rambler.ru/economics/29526059 (accessed 04.10.2017).
5. *Gruzoperevozki iz porta Vankuver* [Cargo transportation from the port of Vancouver]. Available at: http://trafic-a.ru/world-port/port-of-vancouver-canada.htm (accessed 04.10.2017).
6. Korzhuk A. B., Frolova T. V., Dorofeeva T. P. Diversifikatsiia ekonomiki monoprofil'nykh gorodov kak sposob vykhoda iz krizisa [Diversification of the economy of mono-profile cities as a way out of the crisis]. *Innovatsii v tekhnologiiakh i obrazovanii: sbornik uchastnikov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. (18–19 marta 2016)* [Innovations in technology and education: Proc. IX Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo: Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. T. F. Gorbacheva, (2016): 151–154.
7. Korzhuk A. B., Dorofeeva T. P., Masaev V. Iu. Napravleniia razvitiia ekonomiki Kemerovskoi oblasti v usloviiakh ekonomicheskogo krizisa [Directions of development of economy of the Kemerovo area in the conditions of an economic crisis]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, no. 11-3(76-3) (2016): 581–584.
8. Korzhuk A. B., Frolova T. V., Dorofeeva T. P. Diversifikatsiia ekonomiki monoprofil'nykh gorodov kak sposob vykhoda iz krizisa. [Diversification of the economy of mono-profile cities as a way out of the crisis]. Bulletin of the Kemerovo State University, no. 4-3 (2015): 264–269.
9. Prakticheskaia konkurentosposobnost': kakie usloviia privlekaiut inostrannyi biznes na rossiiskii Dal'nii Vostok [Practical competitiveness: what are the conditions that attract foreign business to the Russian Far East]. *Ekonomika Dal'nego Vostoka = Economics of the Far East,* no. 6 (2017). Available at: https://minvr.ru/zhurnal/ (accessed 04.10.2017).
10. *O svobodnom porte Vladivostok* [On the free port of Vladivostok]. Federal Law of July 13, 2015, No. 212-FZ.

УДК 338.2

АНАЛИЗ КЛИЕНТОВ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ

***Екатерина В. Коробейникова*[1, @]**

[1] *Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 650992, Россия, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39*
[@] *katrin-victory@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.10.2017. Принята к печати 28.11.2017.

Ключевые слова: отсрочка платежа, управление и анализ дебиторской задолженности, анализ клиентов-дебиторов, RFM-анализ, группировка дебиторов.

Аннотация: В статье представлена система управления дебиторской задолженностью, включающая методику ее анализа в разрезе клиентской базы. Исследование проводилось с целью поиска путей оптимизации работы с клиентами в рамках управления дебиторской задолженностью, повышения скорости и качества управленческих решений. Отсрочка платежа при реализации продукции (работ, услуг) рассматривается как основа доверительных и долгосрочных отношений с клиентами, так как предопределяет привлекательность сделки, способствует сохранению и наращиванию клиентской базы. В управлении дебиторской задолженностью выделяются юридические, организационные и экономические аспекты. Системный анализ дебиторской задолженности включает такие направления, как анализ динамики и структуры дебиторской задолженности, скорости и времени ее обращения, анализ в разрезе дебиторов предприятия и в рамках анализа клиентской базы, оценку эффективности персонала сбытовых подразделений, оценку уровня риска непогашения, просрочки оплаты. Разработана методика структурно-группового анализа клиентов-дебиторов, построенная на модификации RFM-анализа. Предложенная методика анализа клиентов-дебиторов позволяет их ранжировать по статусу, в зависимости от которого должны быть скорректированы условия сделки.

Для цитирования: Коробейникова Е. В. Анализ клиентов в системе управления дебиторской задолженностью // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 49–54.

Управленческие решения в области построения взаимоотношений с клиентами в современных условиях предопределяют конкурентоспособность предприятия, влияют на финансовые результаты деятельности, на возможность развития бизнеса в стратегической перспективе. С целью повышения качества и эффективности принимаемых решений в области управления взаимоотношениями с клиентами необходимо формирование информационной базы, ее всестороннего и системного анализа. Анализ клиентов, их ранжирование по различным критериям обеспечит полной и своевременной информацией о состоянии продаж, что минимизирует ошибки персонала при организации взаимодействия с клиентами, сократит риски, связанные с упущенной выгодой или ухудшением экономической безопасности, последнее особенно актуально в рамках работы с клиентами-дебиторами. Клиентоориентированность предприятия как главный тренд современной философии бизнеса должна учитываться и в системе управления дебиторской задолженностью.

Экономически выгодное сотрудничество предприятий B2B сектора строится на использовании отсрочки платежа при реализации продукции (работ, услуг), рассматривающейся как инструмент повышения привлекательности сделки, сохранения и наращивания клиентской базы, как основа доверительных отношений с клиентами, нацеленных на долгосрочное сотрудничество. Условия предоставления отсрочки платежа, ее финансовые и временные рамки являются неотъемлемым элементом системы управления дебиторской задолженностью, напрямую влияющей на экономическую безопасность предприятия. Состояние и эффективность управления дебиторской задолженностью в значительной степени усугубляется в условиях дефицита финансовых ресурсов, нестабильности и экономического спада, что подчеркивает актуальность данного вопроса и требует разработки комплекса мер по предотвращению и минимизации неблагоприятных последствий в деятельности предприятия.

С целью поиска путей оптимизации работы с клиентами в системе управления дебиторской задолженностью, повышения экономической обоснованности принимаемых управленческих решений в рамках данного исследования поставлены и решены следующие задачи: 1) визуализирована модель управления дебиторской задолженностью предприятия и показана ее взаимосвязь с другими подсистемами управления; 2) обобщены направления анализа дебиторской задолженности и предложена методика ее анализа в разрезе клиентской базы; 3) на основе модификации RFM-анализа разработана методика структурно-группового анализа клиентов-дебиторов; 4) предложены направления действий по улучшению работы с клиентами-дебиторами.

Управление дебиторской задолженностью как подсистема управления на предприятии должна учитывать множество факторов, влияющих на принимаемые управленческие решения [1]. На рисунке представлена модель управления дебиторской задолженностью, определены основные связи с другими подсистемами управления.

Факторы внешней среды в значительной степени влияют на содержание системы управления дебиторской задолженностью, так как они влияют на необходимость

предоставления отсрочки платежа, формируют критерии отбора потенциальных поставщиков / покупателей, предопределяют степень привлекательности условий заключения сделок с предприятием, его конкурентную позицию.

В процессе стратегического планирования разрабатывается стратегия развития предприятия, обусловливающая цели и задачи управления всех подсистем. Значительное влияние на управление дебиторской задолженностью оказывает специфика бизнес-процессов предприятия, его организационная структура. Организационное проектирование должно учитывать характер взаимосвязи персонала, функционал отдельных подразделений, должностных лиц, степень материальной ответственности и заинтересованности персонала в реализации целей предприятия, в том числе в рамках управления дебиторской задолженностью.

На предприятиях среднего и крупного бизнеса внедряется бюджетирование, являющееся системой производственно-финансового планирования деятельности. Посредством составления бюджета, направленного на оптимизацию управленческих решений с помощью детализации операционных, инвестиционных и финансовых планов-бюджетов, производится контроль и оценка результатов деятельности, в том числе в области управления дебиторской задолженностью.

Управление дебиторской задолженностью тесно взаимосвязано с управлением финансовыми ресурсами, в рамках которого формируется система управления финансовыми рисками, определяется кредитная политика предприятия. Меры по минимизации рисков, своевременному и полному возврату денежных средств должны быть предусмотрены в управлении дебиторской задолженностью.

В системе управления взаимоотношениями с клиентами предприятий B2B сектора управление дебиторской задолженностью следует рассматривать как неотъемлемый элемент, нацеленный на максимальный учет интересов клиентов. Поэтому важным аспектом управления дебиторской задолженностью является определение опти-

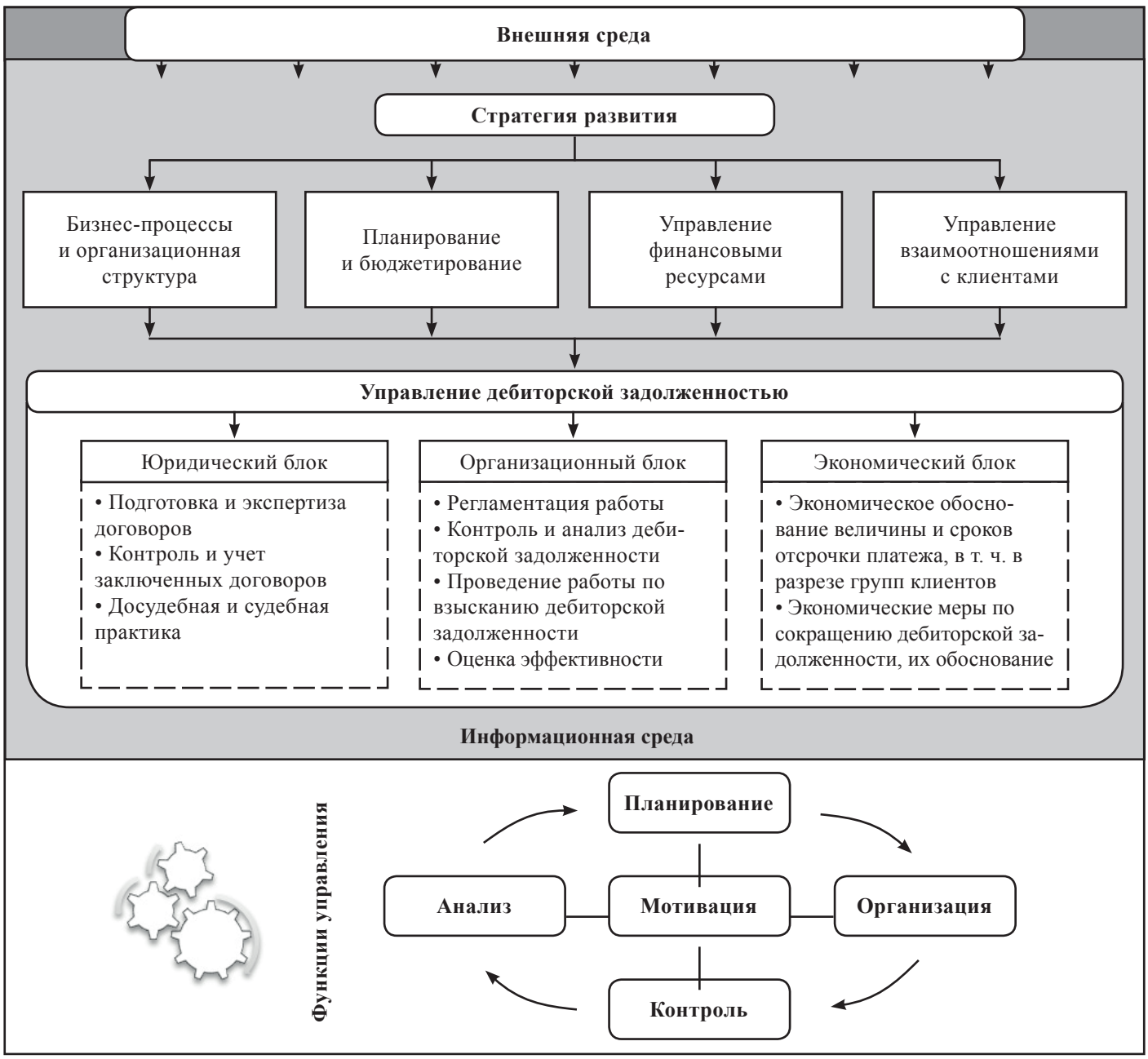

Рис. ***Модель управления дебиторской задолженностью***
Fig. ***Model of account receivable management***

мальной ее величины по сумме, срокам возврата, времени обращения, категориям клиентов.

Управление дебиторской задолженностью включает юридический, организационный и экономический блоки, каждый из которых содержит определенный спектр решаемых задач (рис.). Правовое обеспечение в области управления дебиторской задолженностью играет существенную роль в деятельности предприятий, позволяет повысить его экономическую безопасность. Организационные аспекты управления дебиторской задолженностью на предприятии направлены на регламентацию и мониторинг работы в данной области [2]. Управление дебиторской задолженностью, в том числе в разрезе юридических и организационных аспектов, должно иметь полное экономическое обоснование принимаемых управленческих решений, как по величине и срокам отсрочки платежа, так и по мерам экономического стимулирования клиентов и персонала.

В процессе управления на предприятии формируется информационная среда, охватывающая все подсистемы и аккумулирующая определенный объем информации, используемый в финансово-хозяйственном анализе, при организации работы с поставщиками и клиентами фирмы. Так, например, в рамках управления цепочками поставок происходит интеграция снабжения и управления спросом внутри и между предприятиями, сотрудничество с партнерами – поставщиками товаров и услуг, посредниками и клиентами направлено на координацию процессов и действий в сфере маркетинга, продаж, финансов и информационных технологий [3]. Эффективное построение товаропроводящей системы предполагает сбалансированность интересов ее субъектов, в том числе за счет формирования конкурентной среды и саморегулирования, физической и ценовой доступности товаров и т. д. [4].

Анализ дебиторской задолженности должен проводиться системно, включая следующие направления: 1) анализ дебиторской задолженности, ее динамики и структуры, оборачиваемости в рамках анализа оборотных средств; 2) анализ дебиторской задолженности в рамках анализа клиентской базы в целом и в разрезе дебиторов предприятия; 3) анализ дебиторской задолженности в рамках оценки эффективности персонала сбытовых подразделений; 4) факторный анализ дебиторской задолженности; 5) анализ дебиторской задолженности для оценки уровня риска непогашения, просрочки оплаты.

Анализ дебиторской задолженности в разрезе клиентской базы содержит следующие направления: 1) оценка динамики; 2) оценка структуры; 3) оценка оборачиваемости; 4) анализ просроченной дебиторской задолженности. Методика анализа дебиторской задолженности в разрезе клиентской базы представлена в таблице 1.

В качестве группировки клиентов-дебиторов могут быть использованы следующие признаки: по срокам отсрочки

Таблица 1. Анализ дебиторской задолженности в рамках анализа клиентской базы
Table 1. Analysis of accounts receivable as part of customer base analysis

Показатель/ формула	Пояснение
1. Динамика	
Динамика клиентов-дебиторов в целом и по группам дебиторов ($Т_{КД}$), %:	
$Т_{КД} = \frac{КД_{СР1}}{КД_{СР0}} \times 100\%$	$КД_{СР1(0)}$ – среднее количество клиентов-дебиторов в целом (или по группам) в отчетном (в прошлом) периоде
Динамика дебиторской задолженности в разрезе групп дебиторов ($Т_{ДЗ\,гр}$), %:	
$Т_{ДЗ_{гр}} = \frac{ДЗ_{СР1}}{ДЗ_{СР0}} \times 100\%$	$ДЗ_{СР1(0)}$ – средняя величина дебиторской задолженности в разрезе групп дебиторов в отчетном (в прошлом) периоде
Динамика отгрузок с отсрочкой платежа ($ТО_{ОТС}$), %	
$Т_{О_{отс}} = \frac{О_{ОТС1}}{О_{ОТС0}} \times 100\%$	$О_{ОТС1(0)}$ – величина отгрузок с отсрочкой платежа в отчетном (в прошлом) периоде
2. Структура	
Доля клиентов-дебиторов (групп дебиторов) ($Д_{КД}$), %:	
$Д_{КД} = \frac{КД_{СР}}{К_{СР}} \times 100\%$	$КД_{СР}$ – среднее количество клиентов-дебиторов $К_{СР}$ – среднее количество клиентов
Доля продаж клиентам-дебиторам (групп дебиторов) в общем объеме выручки ($Д_{ВКД}$), %:	
$Д_{ВКД} = \frac{В_{КД}}{В} \times 100\%$	$В_{КД}$ – выручка от реализации клиентам-дебиторам (группам дебиторов) $В$ – выручка от реализации
Доля отгрузок с отсрочкой платежа в целом и в разрезе клиентов-дебиторов (групп дебиторов) ($Д_О$), %	
$Д_О = \frac{О_{ОТС}}{О} \times 100\%$	$О_{ОТС}$ – величина отгрузок с отсрочкой платежа $О$ – отгрузки в целом за анализируемый период
Доля дебиторской задолженности клиента-дебитора (групп дебиторов) ($Д_{ДЗК}$), %	
$Д_{ДЗк} = \frac{ДЗ_{СРК}}{ДЗ_{СР}} \times 100\%$	$ДЗ_{СРК}$ – средняя величина дебиторской задолженности клиента-дебитора (групп дебиторов)

3. Оборачиваемость дебиторской задолженности в разрезе клиентов-дебиторов, групп дебиторов	
Коэффициент оборачиваемости ($К_{ОБ}$, в оборотах) и Время обращения ($В_{ОБ}$ дни)	
$К_{ОБ} = \frac{ВК}{ДЗ_{СРК}} = \frac{Д_П}{В_{ОБ}}$	$ВК$ – выручка по клиентам за анализируемый период $Д_П$ – длительность анализируемого периода (30, 90, 360 дней)
$В_{ОБ} = \frac{ДЗ_{СРК}}{ВК_{ОД}} = \frac{Д_П}{К_{ОБ}}$	$ВК_{ОД}$ – однодневная выручка по клиентам
4. Оценка уровня просроченной дебиторской задолженности	
Динамика просроченной дебиторской задолженности (по сумме* или времени**) в разрезе клиентов-дебиторов, групп дебиторов ($Т_{ДЗпр}$), %	
$Т_{ДЗ_{пр}} = \frac{ДЗ_{ПР1_i}}{ДЗ_{ПР0_i}} \times 100\%$	$ДЗ_{ПР1(0)i}$ – величина просроченной дебиторской задолженности клиента-дебитора (групп дебиторов) в отчетном (прошлом) периоде по сумме
Доля просроченной дебиторской задолженности (по сумме* или времени**) в разрезе клиентов-дебиторов, групп дебиторов	
$Д_{ДЗк_{пр}} = \frac{ДЗ_{СРК_{пр}}}{ДЗ_{ПР}} \times 100\%$	$ДЗ_{ПР}$ – средняя величина просроченной дебиторской задолженности в целом $ДЗ_{СРКпр}$ – средняя величина просроченной дебиторской задолженности по клиенту-дебитору (группе дебиторов) за анализируемый период
Доля просроченной дебиторской задолженности по клиентам ($Д_{ДЗк\ пр}$), %:	
$Д_{ДЗк_{пр}} = \frac{ДЗ_{СРК_{пр}}}{ДЗ_{СРК}} \times 100\%$	$ДЗ_{СРК}$ – средняя величина дебиторской задолженности клиента-дебитора (групп дебиторов)

* Анализироваться может по общей величине просроченной задолженности, либо определены интервалы (например, менее 10 тыс. руб., менее 50 тыс. руб., и т. д.).

** Для анализа должны быть выбраны временные интервалы (например, не более 10 дней, не более 30 дней, не более 60 дней и т. д.) или оценивается среднее время просрочки.

(например, до 14 дней, до 30 дней, до 60 дней), по сумме отсрочки (например, до 50 тыс. руб., до 100 тыс. руб., до 500 тыс. руб.), по выполнению условий отсрочки (наличию или отсутствию просроченной дебиторской задолженности) и др.

В рамках системы управления, построенной на KPI, по каждому направлению разрабатывается перечень показателей, определяются их целевые значения, учитывающие специфику функционирования и развития предприятия [5–6]. Информативность и ориентация на стратегию развития фирмы, критические факторы успеха наиболее актуальны в современных условиях [7].

Анализ дебиторской задолженности в разрезе клиентской базы позволяет структурировать клиентов-дебиторов, обеспечивает инструментом оценки уровня риска возникновения нарушений сроков и объемов возврата денежных средств, способствуя повышению эффективности управления оборотными активами.

Для более качественной и системной оценки клиентов-дебиторов предприятия с целью их ранжирования, обоснования пересмотра условий предоставления отсрочки платежа предложена методика структурно-группового анализа дебиторов, построенная на модификации RFM-анализа.

RFM-анализ, направленный на выявление лояльности клиентов, степени их значимости для предприятия, предполагает структуризацию клиентской базы по трем критериям – новизна, частота (или количество), деньги (объем сделки) [8]. Клиент, совершивший покупку недавно или (и) приобретающий товары (услуги) на определенную сумму, в RFM-анализе считается более лояльным и заинтересованным в сотрудничестве с предприятием [9].

Структурно-групповой анализ клиентов-дебиторов должен проводиться с помощью информационных технологий, облегчающих анализ клиентской базы. Методика структурно-группового анализа дебиторов включает следующие этапы:

1. Выбираются 3 критерия, по которым будет проводиться оценка в рамках данного анализа, например, процент использования отсрочки платежа по времени оплаты, частота нарушений сроков оплаты, сумма дебиторской задолженности.

2. Определяется период анализа (квартал, полугодие, год), проверяется достаточность данных для оценки в разрезе клиентов-дебиторов.

3. По каждому критерию задается определенный интервал значений, состоящий из 3 частей. Каждому интервалу присваивается значение – A, B, C (табл. 2).

4. Проводится анализ и группировка дебиторов по заданным критериям (табл. 2).

5. Результаты представляются в виде матрицы, определяется статус клиента-дебитора. В рамках ранжирования клиентов-дебиторов по статусу может быть введена дополнительная группировка, подчеркивающая необходимость усиления внимания и контроля над ситуацией с целью предотвращения неблагоприятных последствий (табл. 2).

6. По каждому блоку разрабатываются рекомендации, в том числе меры по корректировке условий предоставления отсрочки платежа.

По клиентам-дебиторам со статусом «надежный партнер» дополнительных действий не требуется, за исключением тех, кто попал в подгруппу «зона особого внимания», с которыми необходимо связаться для уточнения ситуации.

Для клиентов-дебиторов со статусом «в зоне риска» необходимо усилить работу персонала для минимизации

Таблица 2. **Формирование матрицы и группировка клиентов-дебиторов**
Table 2. **Matrix formation and grouping of customer-debtors**

Критерии и интервалы их значений		Группировка дебиторов		
		Статус	Результаты оценки	
			Зона наблюдения	Зона особого внимания
R процент использования отсрочки платежа по времени оплаты	A – остаток времени отсрочки платежа до 60 %; B – остаток времени отсрочки платежа от 60 до 30 %; C – остаток времени отсрочки платежа менее 30 %	Надежный партнер	AAA AAB AAC ABA BAA BAB	BBA BBB CAA CAB CAC BAC
F частота нарушений сроков оплаты	A – нет нарушений; B – имелись нечастые нарушения; C – большое количество нарушений	В зоне риска	ABB ABC ACA CBB	ACB BBC CBA CBC
M сумма дебиторской задолженности	A – незначительная сумма дебиторской задолженности, (ниже среднего); B – среднее значение суммы задолженности; C – значительная сумма дебиторской задолженности	Ненадежный партнер	ACC BCC BCB BCA	CCA CCB CCC

рисков, связанных с нарушением сроков оплаты, а именно: проводить дополнительные переговоры, использовать экономические рычаги возврата (например, предоставление дополнительной скидки на следующую покупку при отсутствии просроченной задолженности).

При нарушении клиентом сроков оплаты необходимо составить и согласовать график возврата платежей; запросить от предприятия-должника гарантийное письмо, в котором будет прописано обещание выплаты долга; предоставить должнику досудебное письмо, в котором перечисляются все претензии [10].

Условия поставок клиентам-дебиторам со статусом «ненадежный партнер» должны быть пересмотрены, в том числе необходимо либо сократить объем продаж с отсрочкой по сумме и по времени предоставления, либо перевести на полную предоплату. Для клиентов-дебиторов из этой группы, попавших в «зону особого внимания», должна быть прекращена дальнейшая отгрузка продукции (работ, услуг), приняты меры по юридической защите интересов предприятия.

Управление дебиторской задолженностью в рамках управления взаимоотношениями с клиентами призвано защищать экономические интересы предприятия, строить взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество со своими партнерами. Использование современных информационных технологий в деятельности предприятия и проведение на их основе системного анализа обеспечит управление бизнес-процессами в режиме реального времени, повысив качество и скорость управленческих решений.

Литература

1. Буркова Р. Ф., Иткулов С. Г., Коробейникова Е. В. Экономика фирмы: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 248 с.

2. Коробейникова Е. В. К вопросу управления дебиторской задолженностью на предприятии // Научный альманах. 2017. № 3-1(29). С. 119–123.

3. Council of Supply Chain Management Professionals. Режим доступа: https://cscmp.org/ (дата обращения: 27.08.2017).

4. Коробейникова Е. В. К вопросу построения эффективной товаропроводящей системы // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-1(66-1). С. 1123–1128.

5. Иткулов С. Г., Фролова Т. В., Коробейникова В. Е. Механизм внедрения KPI и bsc на предприятии // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 5(77). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/mehanizm-vnedreniya-kpi-i-bsc-na-predpriyatii (дата обращения: 20.08.2017)

6. Коробейникова Е. В., Масаев Ю. А., Масаев В. Ю. Разработка матрицы ключевых показателей эффективности (KPI) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. № 6(112). С. 216–222.

7. Коробейникова Е. В. Современные инструменты оценки и обеспечения эффективности деятельности предприятий (на примере потребительской кооперации). Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ, 2012. 163 с.

8. Коробейникова Е. В., Синьков А. А., Фролова Т. В. Системный подход к анализу продаж на предприятии // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5-1(43). С. 95–99.

9. Фролова Т. В., Дорофеева Т. П., Коробейникова Е. В., Коржук А. Б., Масаев В. Ю., Сметанин В. С., Синьков А. А. Современные механизмы управления экономикой организации. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 148 с.

10. Коробейникова Е. В. Управление оптово-посредническими операциями: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 143 с.

THE ANALYSIS OF CLIENTS IN THE CONTROL SYSTEM OF RECEIVABLES

***Ekaterina V. Korobeinikova*[1, @]**

[1] *Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992*
[@] *katrin-victory@yandex.ru*

Received 20.10.2017. Accepted 28.11.2017.

Keywords: postponement of payment, management and analysis of accounts receivable, customer-debtor analysis, RFM-analysis, grouping of debtors.

Abstract: The article presents a system of accounts of receivable management, including the methodology for its analysis in terms of customer base. The study was conducted with the purpose of optimization of client work within the accounts receivable management, improving the speed and quality of managerial decisions. Deferred payment in the sale of products (works, services) is considered as the basis of trustful and lasting relationships with clients, as it determines the attractiveness of the transaction, contributes to the preservation and expansion of client base. In the management of accounts legal, organizational and economic aspects can be distinguished. System analysis of receivables includes such areas as the analysis of the dynamics and structure of receivables, speed and time of its circulation, the analysis in the context of the debtors ‘ businesses and the analysis of the customer base, performance assessment of the sales divisions, the level of risk of non-payment, delinquency of payment. The developed method of structural-group analysis of customers-debtors, built on a modification of the RFM analysis. The method of analysis of the clients-debtors allows them to rank in status, according to which transaction terms have to be adjusted.

For citation: Korobeinikova E. V. Analiz klientov v sisteme upravleniia debitorskoi zadolzhennost’iu [The Analysis of Clients in the Control System of Receivables]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 49–54.

References

1. Burkova R. F., Itkulov S. G., Korobeinikova E. V. *Ekonomika firmy* [Economy of the company]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) REU im. G. V. Plekhanova, 2015, 248.
2. Korobeinikova E. V. K voprosu upravleniia debitorskoi zadolzhennost’iu na predpriiatii [To the issue of receivables management in the enterprise]. *Nauchnyi al’manakh = Scientific Almanac*, no. 3-1(29) (2017): 119–123.
3. *Council of Supply Chain Management Professionals*. Available at: https://cscmp.org/ (accessed 27.08.2017).
4. Korobeinikova E. V. K voprosu postroeniia effektivnoi tovaroprovodiashchei sistemy [To the question of constructing an effective commodity distribution system]. *Ekonomika i predprinimatel’stvo = Economics and Entrepreneurship,* no. 1-1(66-1) (2016): 1123–1128.
5. Itkulov S. G., Frolova T. V., Korobeinikova V. E. Mekhanizm vnedreniia KPI i bsc na predpriiatii [Mechanism of introduction of KPI and bsc at the enterprise]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of economic systems: electronic scientific journal*, no. 5 (2015). Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/mehanizm-vnedreniya-kpi-i-bsc-na-predpriyatii (accessed 20.08.2017)
6. Korobeinikova E. V., Masaev Iu. A., Masaev V. Iu. Razrabotka matritsy kliuchevykh pokazatelei effektivnosti (KPI) [Development of a matrix of key performance indicators (KPI)]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 6(112) (2015): 216–222.
7. Korobeinikova E. V. *Sovremennye instrumenty otsenki i obespecheniia effektivnosti deiatel’nosti predpriiatii (na primere potrebitel’skoi kooperatsii)* [Modern tools for assessing and ensuring the effectiveness of enterprises (on the example of consumer cooperation)]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) RGTEU, 2012, 163.
8. Korobeinikova E. V., Sin’kov A. A., Frolova T. V. Sistemnyi podkhod k analizu prodazh na predpriiatii [A System Approach to the Analysis of Sales in an Enterprise]. *Konkurentosposobnost’ v global’nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology,* no. 5-1(43) (2017): 95–99.
9. Frolova T. V., Dorofeeva T. P., Korobeinikova E. V., Korzhuk A. B., Masaev V. Iu., Smetanin V. S., Sin’kov A. A. *Sovremennye mekhanizmy upravleniia ekonomikoi organizatsii* [Modern mechanisms of economic management of the organization]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) REU im. G. V. Plekhanova, 2016, 148.
10. Korobeinikova E. V. *Upravlenie optovo-posrednicheskimi operatsiiami* [Wholesale Operations Management]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) REU im. G. V. Plekhanova, 2016, 143.

УДК 336.7

ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА РОССИИ

***Александр М. Матросов*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *matrosov_am@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2017. Принята к печати 08.12.2017.

Ключевые слова: центральный банк, инвестиционная деятельность, иностранные активы Банка России, особенности Банка России, Банк России.

Аннотация: Предмет. Статья посвящена особенностям инвестиционной деятельности Банка России. Цель и задачи. Раскрыто содержание и проведен анализ инвестиционной деятельности Банка России. Методология. Методологическую основу исследования составляет общенаучный метод и сравнительный анализ. Результаты. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить противоречия и особенности инвестиционной деятельности Банка России, а также обозначить проблемы с ней. Автором проанализированы структура инвестиционных вложений Банка России и центральных банков зарубежных стран, динамика вложений Банка России в ценные бумаги иностранных эмитентов и средств Правительства РФ и удельный вес активов центрального банка в национальной банковской системе. Выводы и значимость. Проведенное в данной статье исследование позволяет утверждать, что Банку России в качестве субъекта инвестиционной деятельности присущи как общие, так и специфические противоречия, проблемы. Выявлено фундаментальное противоречие инвестиционной деятельности – противоречие между доходностью, ликвидностью и риском. Выделен ряд направлений по рационализации инвестиционной деятельности Банка России и повышению ее эффективности в рамках сохранения приоритета регулирующих функций над получением положительного экономического эффекта.

Для цитирования: Матросов А. М. Противоречия, проблемы и особенности инвестиционной деятельности Банка России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 55–62.

Банк России – специфичный субъект инвестиционной деятельности не только для национальной экономики, но и по сравнению с центральными банками других государств. В этом отношении интересно сравнить структуру инвестиционных портфелей Банка России и некоторых других центральных банков – как стран со зрелой рыночной экономикой, так и стран с развивающимися рынками (emerging markets). Данные для сравнения приведены в таблице [1, с. 245; 2–6].

Представленные сведения говорят о большом разнообразии инвестиционных портфелей центральных банков от страны к стране. Обращает на себя внимание, что для стран с переходной экономикой (Казахстан, Польша), развивающихся стран группы БРИКС (в частности, Бразилии) характерны значительные вложения в иностранные активы, в том числе валютные резервы. Например, в Казахстане на них приходится 85 %, в Польше – более 96 % всех инвестиций соответствующих центральных банков.

Таблица. **Структура инвестиционных вложений Банка России и центральных банков зарубежных стран на 1 января 2017 г., %**
Table. **Structure of investment investments of the Bank of Russia and central banks of foreign countries for January 1, 2017, %**

Категория вложений	Банк России	Национальный Банк Республики Казахстан	Национальный банк Польши	Центральный банк Бразилии	Федеральная резервная система США	Европейский центральный банк
Вложения в драгоценные металлы	14,2	9,1	3,7	0,2	0,0	7,7
Вложения в иностранные активы	68,1	85,0	96,2	49,3	0,5	23,1
Вложения в банковскую систему	15,8	4,2	0,1	0,9	0,1	0,1
Вложения в национальные ценные бумаги	2,0	1,7	0,0	49,6	99,4	69,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Это доказывает реальную, объективную потребность стран, не являющихся эмитентами резервных валют, в значительных зарубежных резервах. Кроме того, экспортеры сырьевых товаров (к ним относятся как Россия, так и Казахстан) вынуждены стерилизовать часть поступающей валютной выручки в международных резервах.

Выделяется Банк России по такому параметру, как вложения в национальную банковскую систему посредством рефинансирования. Значительный удельный вес кредитов и депозитов в кредитных организациях-резидентах отличает Банк России от других центральных банков. Серьезные различия наблюдаются и по удельному весу инвестиций в национальные ценные бумаги. Для России, Казахстана и Польши высокий удельный вес данной категории вложений нехарактерен. Среди стран с формирующимися рынками активно размещает средства в государственные облигации Центральный банк Бразилии. Широкое распространение данный способ финансирования бюджетных расходов и(или) предоставления ликвидности имеет в США и Европейском союзе.

Таким образом, можно говорить о следующих особенностях инвестиционной деятельности Банка России (в рамках международного сравнения):

• активное использование непосредственного рефинансирования кредитных организаций-резидентов посредством размещения кредитов, депозитов и сделок РЕПО (практически без использования операций на открытом рынке с государственными облигациями);

• существенная роль монетарного золота в резервных активах;

• в целом умеренный для страны с формирующимся рынком и по преимуществу сырьевой экономикой удельный вес инвестиций в иностранные активы;

• крайне ограниченный объем операций с долговыми обязательствами резидентов, в частности, государственными облигациями, которые во многих странах активно используются как в рамках бюджетной политики, так и для регулирования дефицита ликвидности.

Изучение литературных источников свидетельствует, что среди ключевых проблемных аспектов функционирования Банка России непосредственное отношение к инвестиционной деятельности имеют две группы проблем. Во-первых, Банк России часто критикуют за размещение значительной части средств в зарубежных активах. Целесообразность масштабной стерилизации ликвидности в государственных обязательствах США и других зарубежных стран вызывает сомнения у многих специалистов. Во-вторых, ряд экономистов и политиков настаивают на более активном стимулировании кредитования реального сектора за счет использования ресурсов Центрального банка. Это предполагает серьезное снижение процентных ставок и смягчение условий кредитования последней инстанции. Напротив, сторонники существующей модели политики Банка России считают ее вполне рациональной, а радикальные изменения – нецелесообразными.

Действительно, объем средств Правительства РФ на счетах в Банке России, размещенных последним в ценные бумаги стран со зрелой рыночной экономикой, в первую очередь, США, достаточно велик (см. рис. 1) [1, с. 245; 7, с. 141; 8, с. 145; 9, с. 145; 10, с. 139].

Как видно из диаграммы, приведенной на рисунке 1, в ценные бумаги иностранных эмитентов Банком России размещаются средства не только Правительства РФ, но и коммерческих банков, что может косвенно указывать на чрезмерно высокий объем стерилизации ликвидности (до 10 трлн руб.). Причем в 2014–2016 гг. разрыв между абсо-

Рис. 1. ***Динамика вложений Банка России в ценные бумаги иностранных эмитентов и средств Правительства РФ на счетах в Банке России, 2008–2016 гг. (на конец года), млн руб.***

Fig. 1. ***Dynamics of investments of the Bank of Russia in securities of foreign issuers and means of the Government of the Russian Federation on bank accounts of Russia, 2008–2016 (at the end of the year), million rubles***

лютной величиной средств Правительства РФ в составе пассивов Банка России и объемом иностранных вложений в активной части баланса увеличился.

По мнению П. Ю. Малышева, доминирование вложений в иностранные активы – объективная и неустранимая в ближайшей перспективе особенность стран с формирующимися рынками, повлиять на которую центральные банки не в состоянии. Дело в том, что Банк России, как и другие центральные банки, «не имеет возможности регулировать сальдо торгового баланса, объем инвестиций и внешнего долга. Таким образом, в условиях принятой денежно-кредитной и валютной политики центральный банк практически не может оказывать влияния на объем валютных резервов» [11, с. 19]. Далее, среди иностранных активов наиболее привлекательными по-прежнему остаются государственные облигации США (несмотря на всю международную напряженность), поскольку они считаются самыми надежными. Кроме того, другие страны просто не эмитируют такого объема долговых обязательств, чтобы удовлетворить потребности центральных банков в размещении средств.

В силу объективных причин совершенно оправданной высокую долю иностранных активов в структуре вложений Банка России считают, в частности, С. К. Дубинин, Н. А. Миклашевская. Согласно их позиции в условиях перехода к гибкому курсу рубля роль золотовалютных резервов Центрального банка РФ значительно возрастает. Предполагается, что при значительном объеме высоколиквидных иностранных активов Банк России «будет выступать гарантом недопущения валютных кризисов и массированных спекулятивных атак на национальную валюту, как в условиях подготовительного периода, так и на первых этапах политики инфляционного таргетирования, когда валютные интервенции в качестве инструмента монетарной политики соседствуют с процентной ставкой» [12, с. 24]. Тем более что вплоть до настоящего времени Банк России сохранил практику валютных интервенций в чрезвычайных ситуациях.

Анализ зарубежного опыта управления иностранными активами центральных банков, проведенный С. С. Наркевичем, показал, что приоритетами здесь остаются надежность и ликвидность вложений. Эти цели в наибольшей степени достигаются за счет вложений в валюту и ценные бумаги стран со зрелой рыночной экономикой, в первую очередь – США как основного держателя мировой резервной валюты [13, с. 50]. Следует учитывать, что для ряда центральных банков стран с формирующимися рынками характерна еще более высокая доля иностранных активов в инвестиционном портфеле по сравнению с Банком России.

В противовес этим воззрениям острой критикой деятельности Банка России известен такой политик и экономист, как С. Ю. Глазьев и его последователи. По поводу вложений средств Банка России в иностранные обязательства С. Ю. Глазьев пишет, что «следовало бы срочно распродать валютные активы, размещенные в обязательствах США, Великобритании, Франции, Германии... Эти активы нужно заместить инвестициями в золото и другие драгоценные металлы, в создание запасов высоколиквидных товарных ценностей, в том числе критического импорта, в ценные бумаги стран-членов ЕАЭС, ШОС и БРИКС, а также в капитал международных организаций с российским участием, … в расширение инфраструктуры поддержки нашего экспорта» [14, с. 38]. М. В. Ершов замечает, что сложившееся превышение международных резервов России над величиной всей рублевой эмиссии практически в два раза вызывает вопросы и требует корректировки [15, с. 25].

Разумеется, предложение полностью заместить государственные облигации развитых, платежеспособных стран товарными запасами и долговыми обязательствами государств с неустойчивой экономикой носит чрезмерно радикальный характер и вряд ли реализуемо на практике. Инвестиции Банка России в золото, как было показано выше, и так значительно активизировались в 2010–2016 гг. А создание товарных запасов, не предназначенных для материально-технического обеспечения текущей деятельности, в принципе выходит за рамки деятельности любых финансовых институтов. В существующей экономической ситуации объективная потребность в значительных международных резервах, по-видимому, сохранится, а классическими направлениями инвестирования, которые используют все центральные банки, являются именно вложения в ценные бумаги США, стран Западной Европы.

Тем не менее иностранные активы Банка России в виде валюты и зарубежных долговых обязательств весьма велики в абсолютном выражении, поэтому требуется оценка соответствия их размера объективно обусловленным потребностям и рискам российской экономики. Только детальный количественный анализ, по мнению автора, позволит уточнить реально необходимый объем вложений в иностранные активы, для которых целесообразно сохранить существующий режим управления и структуру портфеля. Если же по результатам такого анализа выявляются «излишки» иностранных активов, они могут быть подвергнуты диверсификации.

Еще более спорный вопрос – роль Банка России в активизации кредитования реального сектора экономики. Здесь также существуют полярные точки зрения. Например, О. Г. Осипова убеждена, что центральный банк несет непосредственную ответственность за обеспечение экономики инвестиционными, кредитными ресурсами (а не просто создание благоприятных для этого условий). Поэтому Банк России должен стать главным кредитором производственной сферы [16, с. 97]. Однако мнение о возможности прямого кредитования центральным банком коммерческих нефинансовых организаций («финансовая репрессия») является маргинальным. В настоящее время оно серьезно не рассматривается ни в теории, ни на практике вследствие явно отрицательного опыта. Например, Банк Пакистана с 1960-х гг. был призван заниматься стимулированием экономики посредством ее льготного кредитования. Но эта азиатская страна до сих пор не известна ни экономическими успехами, ни финансовой стабильностью, а 75 % кредитов оказались невозвратными [17, с. 36, 43].

Более интересны и перспективны предложения по косвенным механизмам стимулирования кредитно-инвестиционного процесса, инициируемым Банком России или с его участием. Здесь нельзя игнорировать тот факт, что удельный вес Банка России в финансовой системе страны чрезвычайно велик, по сравнению не только с развитыми странами, но и развивающимися (см. рис. 2) [18, с. 34]. Представленный график показывает, что Банк России

является лидером среди рассматриваемых стран по доле центрального банка в совокупных активах банковской системы. Хотя для развивающихся стран и стран с переходной экономикой характерен удельный вес активов центрального банка более 20 %, в России этот показатель превышает 28 %. Следовательно, справедлива постановка вопроса о частичном использовании этого потенциала в национальной инвестиционной сфере.

В качестве более или менее реалистичных перспективных направлений по расширению инвестиционной дея-

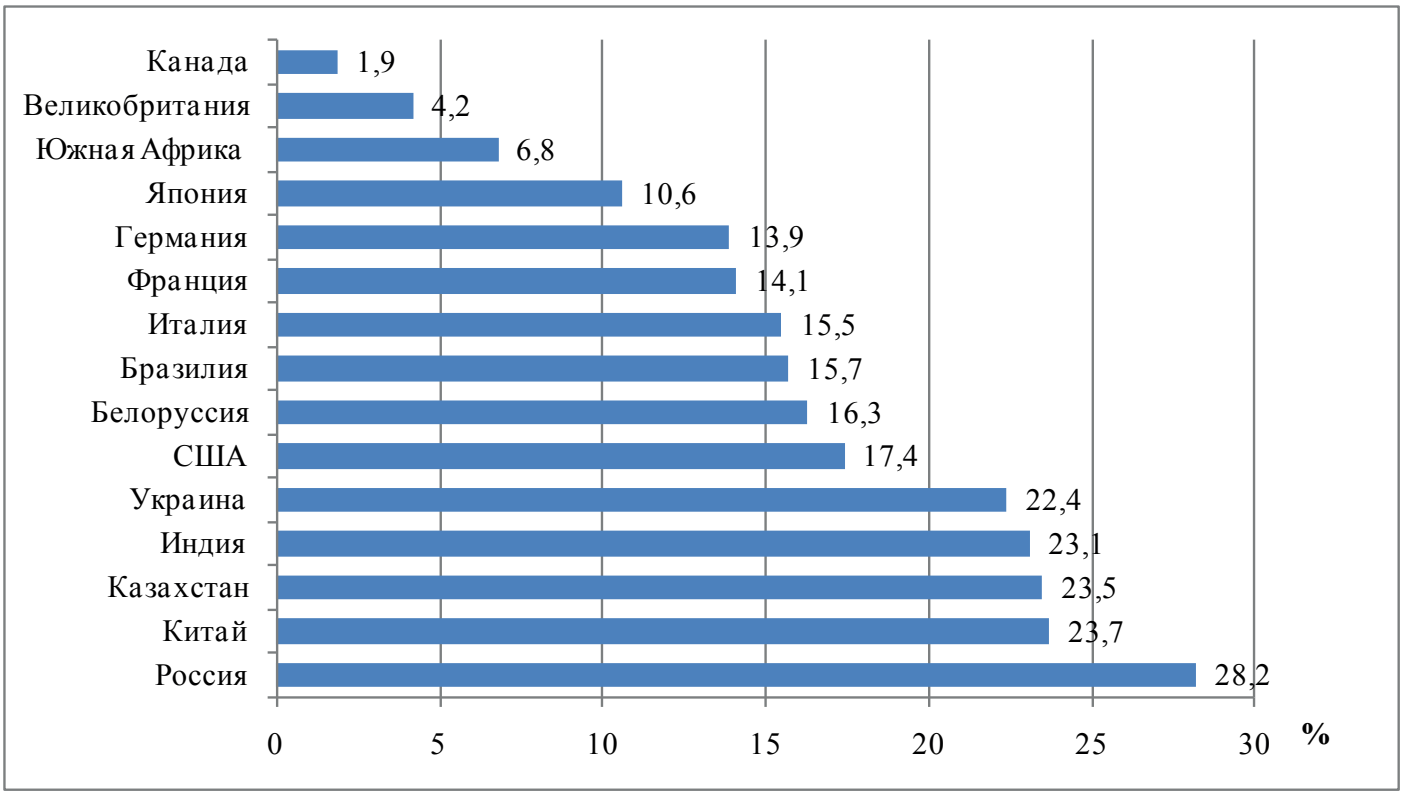

Рис. 2. ***Удельный вес активов центрального банка в национальной банковской системе, %***
Fig. 2. ***Specific weight of assets of the central bank in a national banking system, %***

тельности Банка России с целью активизации инвестиционного процесса в стране в целом представляется возможным выделить:

• формирование бюджета развития в составе федерального бюджета с покрытием возникающего дефицита за счет продажи части государственных облигаций, в том числе Банку России [19, с. 39];

• предоставление «длинных» инвестиционных кредитов на срок до 25 лет коммерческим банкам за счет средств Банка России [19, с. 43];

• субординированные кредиты без обеспечения системообразующим банкам (типа ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «Россельхозбанк» и др.) [20, с. 56];

• снижение процентной ставки по операциям рефинансирования до уровня 4–5 % годовых (при условии сокращения инфляции до 2–3 % в год) [18, с. 36].

Существуют и более оригинальные предложения, например, создание какого-либо государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда с передачей ему до 50 % средств Банка России и контролем целевого использования денег [14, с. 43]. Однако сам Банк России резко критически воспринимает подобные предложения. В выступлении Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной на XXV Международном финансовом конгрессе подчеркнуто: «В России мы тоже видим рост востребованности «легких» экономических решений, например, обещаний, что, напечатав 1–2–3 трлн рублей и выдав их в виде дешевых кредитов, мы получим устойчивое ускорение темпов роста в экономике без значительных инфляционных последствий. Под это даже подводится псевдонаучная база» [21, с. 3–4]. По мнению Е. Л. Горюнова и др., Банк России отвечает за сглаживание конъюнктурных ситуативных колебаний, денежно-кредитная политика не способна повлиять на фундаментальные макроэкономические тенденции, ей недоступно «стимулирование долгосрочного экономического роста как такового, на который денежная политика не оказывает значимого воздействия» [22, с. 62].

Безусловно, проблема активизации инвестиционного процесса – узловая для преодоления кризисных тенденций, перехода экономики России к устойчивому росту (особенно учитывая резкое ограничение доступности зарубежных кредитов и займов вследствие «санкционной войны»). Однако она требует взвешенного комплексного подхода с учетом отечественных экономических реалий, накопленного практического опыта. Хорошо известно, что многие страны со зрелой рыночной экономикой в период 2014–2016 гг. снижали реальные процентные ставки до нуля и даже до отрицательных значений, однако выраженный макроэкономический эффект столь сильных стимулирующих инструментов по большому счету так и не проявился [23, с. 17]. В России коммерческие банки, получая ресурсы Банка России по линии рефинансирования, не спешат вкладывать их в реальный сектор экономики, предпочитая этому краткосрочные спекулятивные операции с более высо-

кой доходностью. Вливание средств в банковскую систему в 2014 г. практически полностью ушло в спекулятивные операции и иностранные юрисдикции.

Более того, в 2000-х гг. в России уже был создан ряд специализированных институтов развития, в задачи которых входила реализация инвестиционных проектов в различных отраслях экономики, они получили значительные бюджетные средства (достаточно назвать государственные корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», «Российская корпорация нанотехнологий», ОАО «Российская венчурная компания» и др.). При наличии подобных структур с внушительными бюджетами роль Банка России в инвестировании реального сектора экономики, бесспорно, требует уточнения. Кроме того, следует учитывать, что крупнейшие коммерческие банки России (ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), Банк ГПБ (ПАО), ВТБ 24 (ПАО), АО «Россельхозбанк») прямо или косвенно находятся под контролем государства. Поэтому, если ставить задачу активизации инвестиционного процесса, проще и удобнее с управленческой точки зрения влиять на их кредитную политику непосредственно, без передаточных механизмов в виде специальных мероприятий денежно-кредитного регулирования.

Сам по себе процесс трансформации сбережений в реальные инвестиции достаточно сложен, находится под влиянием большого числа финансово-экономических, институциональных, технико-технологических факторов. Значительное влияние на него оказывают высокий уровень огосударствления экономики России, наличие большого числа монополий и другие факторы. Поэтому простое изменение параметров инвестиционной деятельности Банка России (учетных ставок, объемов рефинансирования) не гарантирует положительного результата.

Например, расчеты, проведенные А. Ю. Макухой, И. В. Рыбчинской, показали, что коэффициент корреляции между объемом кредитов, предоставляемых коммерческими банками на срок 1–3 года в постоянных ценах, и ключевой ставкой Банка России составляет 0,252, т. е. статистически незначим (в исследовании использовались помесячные данные за 2010–2015 гг.). Более того, объем долгосрочного кредитования экономики России в постоянных ценах коррелирует с реальной процентной ставкой по таким кредитам – коэффициент корреляции составляет 0,529 [24, с. 98]. Возникает несколько парадоксальная ситуация – чем дороже эти кредиты, тем в больших объемах они берутся.

Приведенные данные показывают, что многие известные в западной экономической науке закономерности, взаимосвязи между политикой, инвестиционной деятельностью центрального банка и финансово-кредитной сферой в экономике России могут существенно ослабляться либо вообще не работать. Поэтому управление инвестиционной деятельностью Банка России – только один и довольно сложный инструмент регулирования инвестиционной активности в целом, для эффективного использования которого вряд ли оправданы простые одномерные решения.

Следовательно, проведенное в данной статье исследование позволяет утверждать, что Банку России в качестве субъекта инвестиционной деятельности присущи как общие, так и специфические противоречия, проблемы. Во-первых, применительно к Банку России (хотя и в меньшей степени, чем к обычной коммерческой организации, банку или другому финансовому посреднику), однако все равно проявляется фундаментальное противоречие инвестиционной деятельности – противоречие между доходностью, ликвидностью и риском. Если дефицит ликвидности для центрального банка – явление скорее гипотетическое (поскольку он сам генерирует ликвидность в национальной экономике), то противоречие между доходностью и риском проявляется весьма ярко. При этом необходимо учесть, что традиционно центральные банки проводят консервативную финансовую политику, что ограничивает возможности существенного увеличения собственного капитала за счет прибыли от инвестиционных операций.

Во-вторых, специфичным уже для центральных банков является противоречие между результативностью, эффективностью, качеством регулирующих воздействий на финансово-кредитную сферу и экономическими результатами соответствующих инвестиционных операций (доходностью, а также принимаемыми на себя рисками). Например, центральные банки часто бывают вынуждены выкупать «токсичные» долги для предотвращения распространения кризисных явлений. Данное противоречие осложняется отсутствием каких-либо критериев, позволяющих сбалансировать задачи денежно-кредитной политики, финансового регулирования и экономическую эффективность центральных банков.

В-третьих, инвестиционная деятельность центральных банков, в отличие от коммерческих организаций, профессиональных финансовых посредников, носит подчиненный характер по отношению к реализации государственной денежно-кредитной политики, программам развития финансового сектора, является не самоценной предметной областью основной деятельности, а инструментом осуществления регулирующих воздействий на финансово-экономическую систему. Поэтому управление инвестиционной деятельностью Банка России не может иметь самостоятельного характера, что существенно затрудняет ее планирование, постановку целей, возможность оперативного пересмотра и др.

Наряду с этим, необходимо учитывать, что инвестиционной деятельности Банка России присуща специфичная составляющая – управление средствами Правительства РФ, размещенными на счетах в центральном банке (средства Резервного фонда, Фонда национального благосостояния). Их величина практически не поддается управляющим воздействиям Банка России, поскольку определяется Правительством РФ по своему усмотрению. Кроме того, динамика объема средств Резервного фонда обратно пропорциональна фазам экономического цикла – в кризисных условиях Правительство РФ изымает его средства для покрытия дефицита бюджета. Это сужает ресурсную базу инвестиционной деятельности Банка России как раз тогда, когда потребность в его регулирующих воздействиях оказывается наиболее сильной. Данное обстоятельство указывает на важность использования возможностей для увеличения собственного капитала Банка России как основы проведения регулирующих воздействий в самых сложных макроэкономических условиях.

Выделенные в данной статье противоречия и проблемы инвестиционной деятельности Банка России не могут быть полностью сняты, ликвидированы, поскольку в зна-

чительной степени объясняются объективными условиями деятельности центральных банков, особенностями сложившейся модели российской экономики. Вместе с тем можно выделить ряд направлений по рационализации инвестиционной деятельности Банка России и повышению ее эффективности в рамках сохранения приоритета регулирующих функций над получением положительного экономического эффекта:

• разработка критериев и методических подходов к оценке эффективности инвестиционной деятельности Банка России, способствующих сбалансированному достижению общественных и частных интересов;

• рационализация структуры и объема инвестиционных вложений Банка России с учетом потенциала наращивания собственного капитала в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а также возможной активизации участия Банка России в финансово-экономическом развитии страны.

Литература

1. Годовой отчет Банка России за 2016 год. Утвержден Советом директоров Банка России 28.04.2017. М.: [б.и.], 2017. 373 с.
2. Национальный Банк Республики Казахстан. Консолидированная финансовая отчетность за год, закончившийся 31 декабря 2016 года. Режим доступа: http://www.nationalbank.kz/cont/NBRK_2016_RUS_FINAL%20.pdf (дата обращения: 02.05.2017).
3. Accounting – Financial statements of Narodowy Bank Polski. Financial statements of Narodowy Bank Polski as at 31 December 2016. Режим доступа: http://www.nbp.pl/homen.aspx?f=/en/statystyka/sprawozdanie.html (дата обращения: 04.05.2017).
4. Banco Central do Brasil. Balance Sheet. Financial Statements. December 31, 2016. Режим доступа: http://www.bcb.gov.br/ingles/inffina/Financial%20Statements%20122016.pdf (дата обращения: 04.05.2017).
5. European Central Bank. Annual Accounts. 2016. Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/annrep/ar2016annualaccounts_en.pdf?df02b4b982dd59d217bb58adac1150cd (дата обращения: 04.05.2017).
6. Quarterly Report on Federal Reserve Balance Sheet Developments. March 2017. Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/files/quarterly_balance_sheet_developments_report_201703.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
7. Годовой отчет Банка России за 2009 год. Утвержден Советом директоров Банка России 13.05.2010. М.: ПРАЙМ ТАСС, 2010. 280 с.
8. Годовой отчет Банка России за 2011 год. Утвержден Советом директоров Банка России 10.05.2012. М.: ПРАЙМ, 2012. 280 с.
9. Годовой отчет Банка России за 2013 год. Утвержден Советом директоров Банка России 25.04.2014. М.: ПРАЙМ, 2014. 283 с.
10. Годовой отчет Банка России за 2015 год. Утвержден Советом директоров Банка России 29.04.2016. М.: ПРАЙМ, 2016. 261 с.
11. Малышев П. Ю. Эффективность инвестиционных операций центральных банков на финансовых рынках: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2011. 28 с.
12. Дубинин С. К., Миклашевская Н. А. Переход к свободному курсообразованию в России в рамках стратегии, направленной на достижение ценовой стабильности // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 4. С. 11–29.
13. Наркевич С. С. Мировая практика управления валютными резервами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 40–51.
14. Глазьев С. Ю. Национальная валютно-финансовая система: дестабилизирующие усилия Запада и меры по их нейтрализации // Российский экономический журнал. 2015. № 4. С. 34–43.
15. Ершов М. В. 2016 год: возрастают риски финансовых обвалов в мире // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 24–26.
16. Осипова О. Г. Центральный банк как потенциальный кредитор экономики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 95–103.
17. Моисеев С. Р. Политэкономия финансовой репрессии // Вопросы экономики. 2002. № 12. С. 36–50.
18. Миркин Я. М. Центральный банк развития // Прямые инвестиции. 2013. № 4. С. 32–36.
19. Аганбегян А. Г. Новая модель экономического роста России // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 31–46.
20. Зуева М. О. Действия Центрального банка по обеспечению возможностей кредитования реального сектора экономики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 1. С. 56–59.
21. Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной на МФК-2016 (Санкт-Петербург, 30.06.2016) // Деньги и кредит. 2016. № 8. С. 3–10.
22. Горюнов Е. Л., Дробышевский С. М., Трунин П. В. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 53–85.
23. Головнин М. Ю., Бурлачков В. К., Тихонов А. О. Тенденции развития денежно-кредитной сферы и монетарная политика центральных банков ведущих стран // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 1. С. 8–21.
24. Макуха А. Ю., Рыбчинская И. В. Анализ влияния денежно-кредитной политики Банка России на реальные инвестиции в РФ // Сибирская финансовая школа. 2016. № 3. С. 96–102.

CONTRADICTIONS, PROBLEMS AND SPECIAL ASPECTS OF INVESTMENT ACTIVITY OF THE BANK OF RUSSIA

***Alexander M. Matrosov*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *matrosov_am@mail.ru*

Received 07.11.2017. Accepted 08.12.2017.

Keywords: Central Bank, investment activities, foreign assets of the Bank of Russia, the peculiarities of the Bank of Russia, Bank of Russia.

Abstract: Subject. The paper is devoted to the features of investment activities of the Bank of Russia. Purpose and tasks. The research features the content and the investment activity analysis of the Bank of Russia. Methodology. The methodological basis of the research is made by general scientific method and comparative analysis. Results. The carried-out comparative analysis has allowed the author to reveal contradictions and features of investment activities of the Bank of Russia as well as to designate its problems. The author has analyzed the structure of investments of the Bank of Russia and the central foreign banks, the dynamics of investments of the Bank of Russia in securities of foreign issuers and means of the Government of the Russian Federation and specific weight of assets of the central bank in the national banking system. Conclusions and Significance. The research conducted in this article allows one to claim that the Bank of Russia, as a subject of investment activities, displays a number of general and specific contradictions. The fundamental contradiction of investment activities proves to be that between profitability, liquidity and risk. The paper offers some approaches to rationalization of investment activities of the Bank of Russia and increase in its efficiency within preservation of a priority of the regulating functions over obtaining positive economic effect.

For citation: Matrosov A. M. Protivorechiia, problemy i osobennosti investitsionnoi deiatel'nosti Banka Rossii [Contradictions, Problems and Special Aspects of Investment Activity of the Bank of Russia]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 55–62.

References

1. *Godovoi otchet Banka Rossii za 2016 god* [The annual report of the Bank of Russia for 2016]. It is approved by the Board of directors of the Bank of Russia. 28.04.2017. Moscow, 2017, 373.
2. *Natsional'nyi Bank Respubliki Kazakhstan. Konsolidirovannaia finansovaia otchetnost' za god, zakonchivshiisia 31 dekabria 2016 goda* [National bank of the Republic of Kazakhstan. The consolidated financial statements in a year which has ended on December 31, 2016. Available at: http://www.nationalbank.kz/cont/NBRK_2016_RUS_FINAL%20.pdf (accessed 02.05.2017).
3. *Accounting – Financial statements of Narodowy Bank Polski. Financial statements of Narodowy Bank Polski as at 31 December 2016*. Available at: http://www.nbp.pl/homen.aspx?f=/en/statystyka/sprawozdanie.html (accessed 04.05.2017).
4. *Banco Central do Brasil. Balance Sheet. Financial Statements*. December 31, 2016 [Electronic resource]. Available at: http://www.bcb.gov.br/ingles/inffina/Financial%20Statements%20122016.pdf (accessed 04.05.2017).
5. *European Central Bank*. Annual Accounts. 2016. Available at: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/annrep/ar2016annualaccounts_en.pdf?df02b4b982dd59d217bb58adac1150cd (accessed 04.05.2017).
6. *Quarterly Report on Federal Reserve Balance Sheet Developments*. March 2017. Available at: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/files/quarterly_balance_sheet_developments_report_201703.pdf (accessed 05.05.2017).
7. *Godovoi otchet Banka Rossii za 2009 god* [The annual report of the Bank of Russia for 2009]. It is approved by the Board of directors of the Bank of Russia. 13.05.2010. Moscow: PRAIM TASS, 2010, 280.
8. *Godovoi otchet Banka Rossii za 2011 god* [The annual report of the Bank of Russia for 2011]. It is approved by the Board of directors of the Bank of Russia. 10.05.2012. Moscow: PRAIM, 2012, 280.
9. *Godovoi otchet Banka Rossii za 2013 god* [The annual report of the Bank of Russia for 2013]. It is approved by the Board of directors of the Bank of Russia. 25.04.2014. Moscow: PRAIM, 2014, 283.
10. *Godovoi otchet Banka Rossii za 2015 god* [The annual report of the Bank of Russia for 2015]. It is approved by the Board of directors of the Bank of Russia. 29.04.2016. Moscow: PRAIM, 2016, 261.
11. Malyshev P. Iu. *Effektivnost' investitsionnykh operatsii tsentral'nykh bankov na finansovykh rynkakh*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Efficiency of investment operations of the central banks in the financial markets. Cand. econ. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 28.
12. Dubinin S. K., Miklashevskaya N. A. Perekhod k svobodnomu kursoobrazovaniiu v Rossii v ramkakh strategii, napravlennoi na dostizhenie tsenovoi stabil'nosti [Transition to free exchange rate formation mechanism in Russia within the strategy directed to achievement of price stability]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 6: Ekonomika = Bulletin of the Moscow university. Series 6: Economics*, no. 4 (2015): 11–29.

13. Narkevich S. S. Mirovaia praktika upravleniia valiutnymi rezervami [World practice of management of currency reserves]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World economy and international relations*, 60, no. 2 (2016): 40–51.

14. Glaz'ev S. Iu. Natsional'naia valiutno-finansovaia sistema: destabiliziruiushchie usiliia Zapada i mery po ikh neitralizatsii [National monetary system: the destabilizing efforts of the West and a measure for their neutralization]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian economic magazine*, no. 4 (2015): 34–43.

15. Ershov M. V. 2016 god: vozrastaiut riski finansovykh obvalov v mire [2016: Risks of financial collapses increase in the world]. *Den'gi i kredit = Money and credit,* no. 2 (2016): 24–26.

16. Osipova O. G. Tsentral'nyi bank kak potentsial'nyi kreditor ekonomiki [Central bank as potential creditor of economy]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Economy and Management series,* no. 2 (2014): 95–103.

17. Moiseev S. R. Politekonomiia finansovoi repressii [Political economy of financial repression]. *Voprosy ekonomiki = Economy questions*, no. 12 (2002): 36–50.

18. Mirkin Ia. M. Tsentral'nyi bank razvitiia [Central bank of development]. *Priamye investitsii = Direct investments*, no 4 (2013): 32–36.

19. Aganbegian A. G. Novaia model' ekonomicheskogo rosta Rossii [New model of economic growth of Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative consultation,* no. 1 (2016): 31–46.

20. Zueva M. O. Deistviia Tsentral'nogo banka po obespecheniiu vozmozhnostei kreditovaniia real'nogo sektora ekonomiki [Actions of the Central bank for providing opportunities of crediting of the real sector of economy]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg state university*, no. 1 (2009): 56–59.

21. Vystuplenie Predsedatelia Banka Rossii E. S. Nabiullinoi na MFK-2016 (Sankt-Peterburg, 30.06.2016) [Statement by Bank of Russia Governor Elvira S. Nabiullina at the IFC-2016 (St. Petersburg, 30 July 2016)]. *Den'gi i kredit = Money and the credit*, no. 8 (2016): 3–10.

22. Goriunov E. L., Drobyshevsky S. M., Trunin P. V. Denezhno-kreditnaia politika Banka Rossii: strategiia i taktika [Monetary policy of the Bank of Russia: strategy and tactics]. *Voprosy ekonomiki = Economy questions*, no. 4 (2015): 53–85.

23. Golovnin M. Iu., Burlachkov V. K., Tikhonov A. O. Tendentsii razvitiia denezhno-kreditnoi sfery i monetarnaia politika tsentral'nykh bankov vedushchikh stran [Tendencies of development of the monetary and credit sphere and monetary policy of the central banks of the leading countries]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN = Bulletin of Institute of economy of RAS*, no. 1 (2017): 8–21.

24. Makukha A. Iu., Rybchinskaya I. V. Analiz vliianiia denezhno-kreditnoi politiki Banka Rossii na real'nye investitsii v RF [Analysis of influence of monetary policy of the Bank of Russia on real investments into the Russian Federation]. *Sibirskaia finansovaia shkola = Siberian financial school*, no. 3 (2016): 96–102.

УДК 338.1:332.144

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ОГИБАЮЩИХ КРИВЫХ

Анастасия В. Мядзелец [1, @1, *], ***Александр К. Черкашин*** [1, @2, *]

[1] *Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1*
[@1] *anastasia@irigs.irk.ru*
[@2] *akcherk@irnok.net*

Поступила в редакцию 03.11.2017. Принята к печати 04.12.2017.

Ключевые слова: региональный анализ, инвестиционные циклы, математическое моделирование, огибающие кривые, географическая среда хозяйственной деятельности, экономический кризис.

Аннотация: В статье исследуются и моделируются особенности инвестиционных циклов в регионах Российской Федерации по статистическим данным 1999–2015 гг. В качестве количественных характеристик инвестиционного процесса используются плотность инвестиций в расчете на кв. км территории и показатель интенсивности ее роста. Кривые и функции этих циклов ограничиваются огибающими кривыми и функциями, отображающими особенности географической среды хозяйствования в регионе. Уточненные уравнения инвестиционных циклов хорошо описывают наблюдаемые закономерности изменения интенсивности роста инвестиций от начального до кризисного состояния. На основе уравнений выделены устойчивые региональные показатели и огибающие тренды, что позволяет характеризовать экономику регионов относительными временными параметрами – условным экономическим возрастом и возрастом освоенности территории. Эти параметры связаны с уровнем ресурсной специализации региона и потенциалом развития его экономики. По результатам расчетов рассматриваемый инвестиционный цикл в России стал следствием экономического кризиса 1998 г., после которого финансово-экономическая система страны была коренным образом преобразована. Возникший инновационно-инвестиционный цикл реализовался на фоне высоких мировых цен на нефтепродукты, мирового финансово-экономического кризиса и введенных санкций, что привело к перелому положительных тенденций, постепенному снижению темпов роста инвестиций и указывает на возможность возникновения в ближайшее годы в России нового экономического кризиса.

Для цитирования: Мядзелец А. В., Черкашин А. К. Количественный анализ инвестиционных процессов в регионах с использованием метода огибающих кривых // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 63–69.

Среди теоретических и методических аспектов экономико-географических исследований важное место занимают задачи системного анализа и прогнозирования, решение которых основывается на возможностях математического моделирования [1–2]. С этих позиций интересны работы по прогнозированию научно-технического прогресса (НТП) [3–5], где давно используется метод огибающих кривых. Предметами прогнозирования НТП служат нововведения, жизненный цикл которых включает стадии исследования, производства и потребления (эксплуатации). Этот воспроизводственный цикл связан с системой цикличности, включающей помимо НТП-цикла также проектный цикл, инвестиционный цикл и экономический цикл, что рассматривается в экономической теории «длинных волн» Н. Д. Кондратьева, возникающих после внедрения крупного изобретения – инновации.

Темпы развития экономики определяются направленностью и интенсивностью инвестиционных процессов, т. е. многосторонней деятельностью участников общественного воспроизводства по наращиванию капитала страны, по совершенствованию ее экономической системы. Инвестиционный процесс обладает всеми стадиями воспроизводственного циклического процесса (производство, распределение, обмен, потребление), но оценивается с позиции движения инвестиционных благ. Инвестиции – рискованное размещение разного рода капитала с целью получения прибыли в воспроизводственном процессе, ориентированном на удовлетворение спроса и поддержку нововведений.

Отдельные регионы находятся на разных стадиях организации воспроизводственного инвестиционного процесса. Их дифференциация по уровню социально-экономического развития во многом определена различием объемов внутрирегиональных инвестиций, величина которых зависит от инвестиционного климата, складывающегося из факторов географического положения, природно-климатического и ресурсного обеспечения, а также связана со степенью развития местной инфраструктуры и совершенством территориального управления. Вследствие нерав-

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Инновационное развитие, территориальная организация и рост качества жизни населения в Сибирских и Арктических регионах России», № 16-02-00570(а).***

номерности развития регионы образуют последовательность стадий развития, что является основанием предсказания их будущего с учетом местных условий. В этом отношении необходимо базироваться на эволюционной парадигме инвестиционной деятельности [6], когда принимается во внимание история инвестирования и то, что разные регионы находятся на разных эволюционных этапах развития, и их экономика поэтапно совершенствуется, переходит в иное качество. Такие вопросы изучаются в относительно новом направлении экономической теории – эволюционной экономике [7], в рамках которой экономические процессы рассматриваются как спонтанные, открытые и необратимые, порожденные взаимодействием внешних и внутренних факторов и проявляются в изменении структуры экономики и действующих в ней агентов [8]. Особое внимание уделяется процессам инноваций, конкуренции и информатизации.

Задача данного исследования состоит в разработке методов количественного анализа региональных инвестиционных процессов на основе статистических данных и математических соотношений дифференциальной геометрии – соприкасающихся функций и огибающих кривых.

Математические модели и методы. Огибающая линия семейства кривых на плоскости касается каждой из кривых этого семейства в единственной характеристической точке [9]. В этой точке огибающая и кривая имеют общую касательную линию. Кривая относительно огибающей является соприкасающейся, или прикрепленной в данной точке кривой, описываемой соответствующей дифференцируемой функцией $y(x,\tau)$, заданной в неявном виде: $F(x,y,\tau)=0$, где τ – параметр семейства функций $y(x,\tau)$, прикрепленных при $\tau=\tau_0$ к огибающей в характеристических точках $x_0(\tau_0)$, $y_0(x_0,\tau_0)$. Независимые переменные, параметры и функции определены на ограниченном пространстве значений, что необходимо учитывать при решении конкретных задач. Функция огибающей $\Phi=\Phi(x,y)$ задает многообразие связей переменных x и y, к каждой точке (x_0,y_0) которой прикреплена функция $y(x,\tau_0)$, где $\tau_0=\tau(x_0,y_0)$. Все эти функции гомотопически эквивалентны, переходят друг в друга при изменении параметра $\tau_0=\tau(x_0,y_0)$, т. е. скользят по поверхности $\Phi(x,y)=0$, перемещаясь от точки к точке (x_0,y_0). Если для функции $F(x,y,\tau_0)=0$ линии на плоскости (x,y) выполняется условие

$$\left|\frac{\partial F}{\partial x}\right|+\left|\frac{\partial F}{\partial y}\right|\neq 0,$$

то в некоторой окрестности точки (x_0,y_0) равенство $F(x,y,\tau_0)=0$ задает простую кривую, т. е. похожую по свойствам на окружность или часть окружности. Это позволяет, зная формулу огибающей $\Phi=\Phi(x,y)$, генерировать (прогнозировать) кривую $y(x,\tau)$.

Огибающая на плоскости задается системой соотношений

$$F=0,\frac{\partial F}{\partial \tau}=0 \text{ [9].}$$

Например, для $F(x,y,\tau)=y^2+(x-\tau)^2-R^2=0$ семейство функций $y^2+(x-\tau)^2=R^2$ соответствует окружностям радиуса R, центр которых смещен по оси x на величину τ. Функция огибающей $\Phi(x,y)=0$ находится из условий

$$F=0,\frac{\partial F}{\partial \tau}=2(x-\tau)=0,$$

или $\tau=x$, откуда $\Phi(x,y)=y^2-R^2=0$, т. е. огибающими окружностей будут две параллельные линии $y=\pm R$. При

$$\left|\frac{\partial F}{\partial x}\right|+\left|\frac{\partial F}{\partial y}\right|=|2(x-\tau|+|2y|\neq 0,$$

или при $x\neq\tau, y\neq 0$ (не центр окружности), значение $\tau=x_0$ при $y=0$ (центр окружности) однозначно задает окружность определенного вида с координатами точек касания огибающих $x_0=\tau$, $y_0=\pm R$. Перемещая точку x_0 по оси x, переходим к гомотопически эквивалентным окружностям разного положения. Выделив на многообразии $y=R$ или $y=-R$ точку (x_0,y_0), также однозначно определяем конкретную окружность с центром $x=x_0, y=0$ и радиусом $R=y_0$.

Последний результат интересен с географических позиций. Функцию огибающей $\Phi=\Phi(x,y)=0$ имеет смысл трактовать как функцию взаимодействия факторов, характеризующих особенности географической среды, понимаемой в широком смысле как единство природной и социально-экономической среды хозяйствования. Ее значение в точках касания (x_0,y_0) определяет конкретные природные и социально-экономические условия местоположения, а следовательно – проявление конкретного вида функции зависимости $y=y(x,\tau_0)$, или $F(x,y,\tau_0)=0$, формирующихся в этих условиях $\tau_0=\tau(x_0,y_0)$. Выявив вид функции $y=y(x,\tau_0)$ в разных условиях τ_0, появляется возможность восстановить функцию огибающей $\Phi(x,y)=0$.

Объекты и задачи исследования. Исследуются изменения объема внутренних инвестиций по субъектам Российской Федерации во времени с учетом доли сырьевого сектора в местной экономике. Инвестиции исчисляются в расчете на единицу площади региона. Такой показатель характеризует плотность инвестиций и отражает инвестиционную освоенность территории, что позволяет проводить сравнительный количественный анализ данных по регионам. Методика анализа основана на математических моделях, описывающих динамические тренды развития экономики и инвестиционную цикличность с учетом ограничений, задаваемых огибающими функциями и соответствующими линиями и поверхностями. Используются социально-экономические показатели из отчетов Госкомстата Российской Федерации за 2000–2015 гг., собранные в геоинформационную базу данных. Конкретная задача исследования состоит в характеристике инвестиционного процесса по регионам, в картографировании и краткосрочном прогнозировании динамики инвестиций.

Выявление огибающих кривых зависимостей. Исследовалась зависимость изменения плотности инвестиций $y(t,\tau)$ (млн руб/км^2/год в текущих ценах) от времени t и от уровня развития τ экономики региона. В первом приближении зависимость аппроксимируется экспоненциальной функцией

$$y(t,\tau)=y_0\exp\left[\alpha_s(t-\tau_s)\right], \quad (1)$$

где y_0 и α_s – надрегиональные константы. Отсюда следует возможность расчета τ_s для каждого года

$$\tau_s=-(\ln y-\ln y_0)\div\alpha+t.$$

Региональная величина τ_s имеет устойчивое значение, которое меньше для развитых экономик, поэтому реальное (экономическое) время (возраст) влияния на инвестиционный процесс $t_s=t-\tau_s$ в этом случае больше при одном и том же номинальном времени t. Согласно последней формуле, для того, чтобы уменьшить τ_s, необходимо увеличить объем инвестиций y. Расчеты проводились при значениях $\ln y_0=3{,}2, \alpha=0{,}21$/год. Величина α отражает относительную скорость (интенсивность) роста плотности инвестиций и учитывает показатели инфляции. Она подбирается близкой к средним значениям по регионам и периодам, а $\ln y_0$ находится так, чтобы максимальное значение τ_s было близко к текущему 2017 г.

Расчеты демонстрируют относительное постоянство значения τ_s во времени, например по Кемеровской области τ_s=1990,4±1,7 лет. Это позволяет дифференцировать и картографировать регионы по показателю $t_s=t-\tau_s$, отражающему экономический возраст (ЭВ) региона, его потенциал экономического развития (рис. 1). Наивысшие сравнительные значения t_s для субъектов Российской Федерации имеют города Москва (t_s≈53 года при t=2017 г.) и Санкт-Петербург (51 год), а наименьшие – северные территории, например, Чукотский АО (4 года), Камчатский край и Республика Якутия (10 лет). ЭВ по показателю плотности внутренних инвестиций Кемеровской области составляет порядка 27 лет, что сопоставимо с ЭВ многих регионов центральной России и превышает ЭВ иных сибирских территорий (Красноярский край – 13 лет, Иркутская область – 15 лет, Республика Бурятия – 13 лет и Республика Тыва – 7 лет).

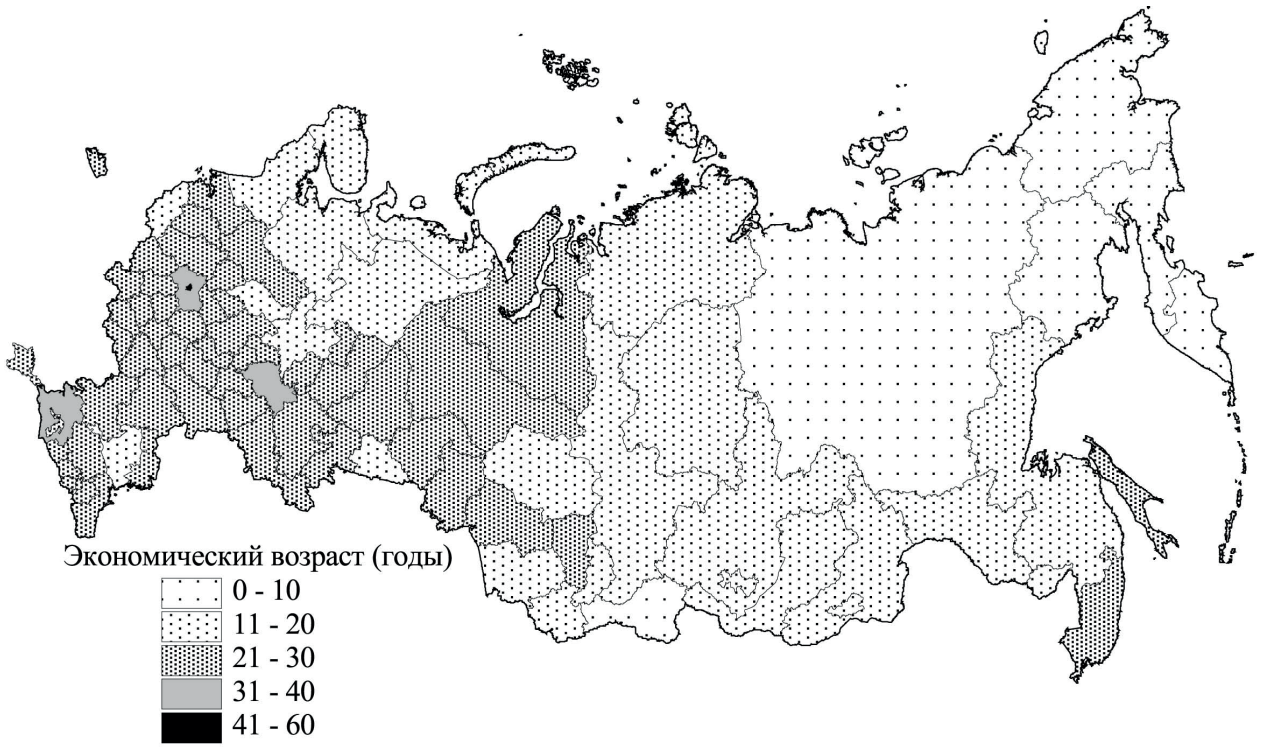

Рис. 1. ***Пространственная изменчивость потенциала экономического развития, выраженная в показателях экономического возраста регионов (5 градаций интервала от 0 до 60 лет)***
Fig. 1. ***Spatial variation of economic development potential in indices of economic age of regions (5 gradations of interval from 0 to 60 years)***

В восточных регионах России размеры территорий и их ресурсный потенциал в основном не соответствуют объемам инвестиций в их экономику. Аналогичная ситуация по известным геоисторическим причинам сложилась в Республике Крым (ЭВ 21 год) в 2014–2015 гг. На карте изменения ЭВ выделяются две основные географические группы северных, восточно-сибирских и дальневосточных регионов с ЭВ от 6 до 20 лет и западно-сибирские и европейские регионы России с ЭВ от 21 до 35 лет. Из этого деления по разным причинам выпадают некоторые территории, в частности, Сахалинская область – один из лидеров России по добыче нефти и газа, рыбы и морепродуктов; ее преимущественно сырьевая экономика привлекает значительные инвестиции.

Появляется возможность сравнить значения ЭВ с долей ресурсных, добывающих (X) и перерабатывающих (Y) отраслей по регионам (рис. 2). Прослеживается две основные тенденции: снижение X по мере роста ЭВ t_s, т. е. закономерный переход от добычи сырья к его глубокой переработке, и повышение X с увеличением ЭВ; последнее характерно для ресурсных экономик. В основном линейном тренде *б* (рис. 2) $X\approx 3{,}74(t_s-33{,}64)=3{,}74(t_s-t_{0s})=9{,}0, R=0{,}99$ наивысшие значения X показывают Сахалинская область (65,7 %) и Ханты-Мансийский АО (66,9 %). Вблизи этого тренда также находятся Республика Коми, Тюменская область с автономными округами, Архангельская, Иркутская, Сахалинская, Томская области, Красноярский и Камчатский края. В этих регионах инвестиции в достаточном объеме направлены на ресурсные производства. Эта линия – граница между экстенсивным и интенсивным типами экономического роста. Слева от прямой данного тренда находятся слабо освоенные северные регионы

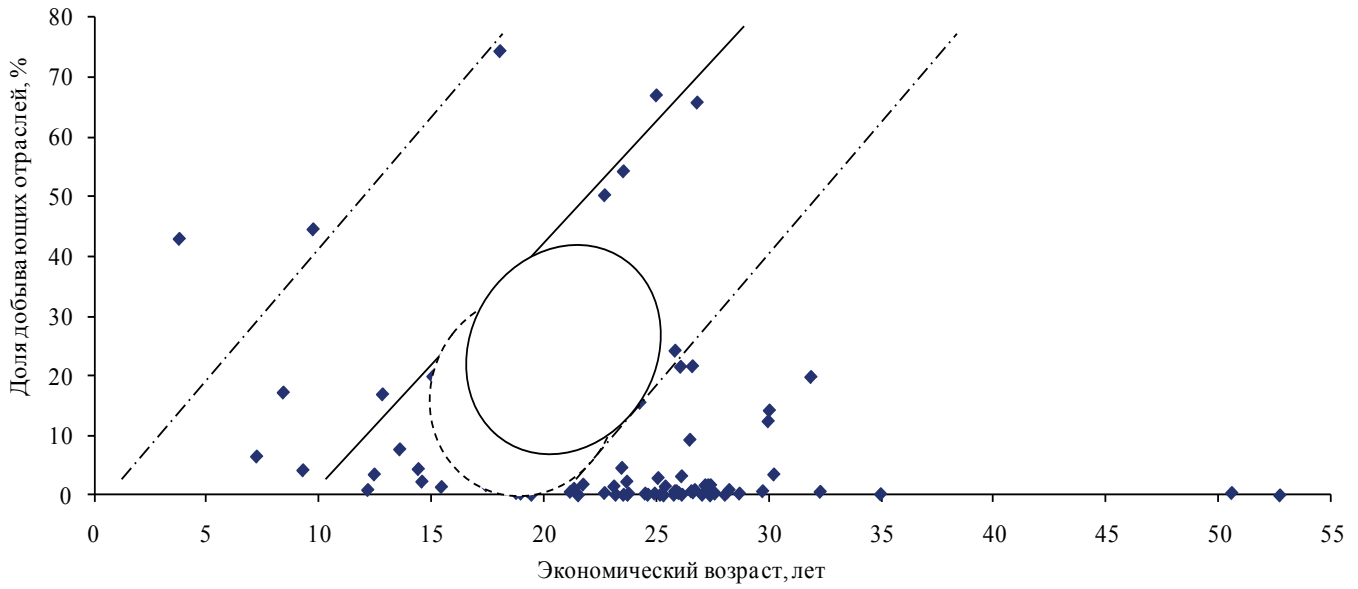

Рис. 2. ***Зависимость доли добывающих отраслей в ВРП от экономического возраста регионов. Точки соответствуют данным по регионам, линии выделяют инвестиционные циклы I–II и экономические тренды а-в, огибающие циклы***
Fig. 2. ***Dependence of the portion of extractive industries in GRP from the economic age of regions. Points illustrate regional statistic data, lines show the investment cycles I–II and economic trends a-в enveloping the cycles***

России с недостаточной финансовой поддержкой сырьевого производства: республики Саха (Якутия) и Тыва, Магаданская область, Ненецкий и Чукотский автономные округа. Справа на графике расположены регионы, стремящиеся развиваться по несырьевому сценарию. Линию основного тренда без изменения наклона можно переносить вправо и влево, меняя значение t_{0s}, которое характеризует освоенность территории. Развивающиеся регионы имеют дополнительные инвестиционные ресурсы для повышения инфраструктурной освоенности, т. е. создания новой географической среды. Например, линия тренда в X=3,52$(t_s$–20,1$)$, к которой принадлежит экономика Кемеровской области, имеет показатель освоенности t_{0s}=20,1. Понятно, что при X=0 (нересурсная экономика) $t_{0s}=t_s$, т. е. показатели возраста экономики и освоения совпадают.

На графике рис. 2 точки проявляют своеобразные ресурсно-инвестиционные циклы *(I–II),* касающиеся линий трендов *б* и *в*. Разные регионы отражают различные стадии этих циклов. На первой стадии идет увеличение объемов инвестиций в регион из внешних источников или из полученных за счет доходов X ресурсопользования для инфраструктурного и производственного освоения территории, что способствует накоплению капитала, росту мощностей перерабатывающей промышленности. В этом отношении интерес представляет экономика Оренбургской области, сочетающая разные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Истощение природных ресурсов, недостаток и отток финансовых ресурсов, изменение конъюнктуры внешних и внутренних рынков в совокупности со снижением объемов производства ресурсных отраслей и регионального дохода возвращает экономику к сырьевому типу на более низком уровне, позволяющем выживать региону в сложное время. Подобное было характерно для Иркутской области, потерявшей за последние десятилетия по разным причинам ряд перерабатывающих высокотехнологичных производств. Такие устойчивые циклы возникают в уравнениях системы с положительной и отрицательной обратной связью, моделирующих конкурентные отношения добывающих и перерабатывающих отраслей.

При фиксированном региональном значении τ_s появляется возможность рассчитать изменение коэффициента α_s по годам и регионам: $\alpha_s=(\ln y-\ln y_0)\div(t-\tau_s)$ (за y_0 здесь принимается плотность инвестиций в конкретном регионе в 1999 г.). Величина интенсивности роста инвестиций α_s в большинстве случаев линейно увеличивается до момента наступления мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., а затем постепенно снижается (рис. 3).

Используемое выше уравнение (1) отражает первую фазу (подъема) инвестиционного цикла при реализации крупного народно-хозяйственного проекта. Для описания всего цикла предлагается общее соотношение

$$y(t,\tau)=a\exp(\beta\tau)\exp[\alpha(t-\tau)]\exp\{-\exp[\alpha(t-\tau)]\}, \quad (2)$$

где α и β – постоянные коэффициенты интенсивности изменений. Эта формула следует из уравнения Гомпертца, применяемого в теории надежности, и здесь используется для отражения роста суммарных инвестиций в реализацию проектов. В ее правой части первый сомножитель $\exp(\beta\tau)$ отражает повышение при $\beta>0$ эффективности всей экономики при увеличении значения τ. Второй – $E(t,\tau)=\exp[\alpha(t-\tau)]$ – определяет интегральный риск (опасность) реализации проекта (при $\alpha>0$ и при большем τ инвестиционные вложения менее рискованны), третий – $P^*(t,\tau)=\exp\{-\exp[\alpha(t-\tau)]\}=\exp\{-E(t,\tau)]$ – это функция снижения надежности инвестиций со временем. Такая функция есть следствие реализации уравнения логистического динамического потока [10] по показателю уровня экономического развития τ с потерями ($\beta<0$) или приоб-

ретениями (β>0), описываемого в данном случае уравнением инвестиционного процесса

$$\frac{\partial y}{\partial t}+\frac{\partial y}{\partial \tau}=\beta y(t,\tau)\ . \quad (3)$$

Семейство функций (1) инвестиционного цикла ограничены (огибаются) снизу осью абсцисс $y(t,\tau)=0$, а сверху – кривой $f(t)=A\exp(\beta t)$, отражающей общую тенденцию территориального развития России. По результатам анализа данных в России коэффициент $\beta\approx0{,}185$, что соответствует 18,5 % годового прироста внутренних инвестиций.

Региональный параметр $\tau=-\ln[(\alpha-\beta)\div\alpha]\div\alpha+t_0$ определяется характеристиками экономического развития α и β и моментом t_0 касания функцией $y(t,\tau)$ огибающей: $y_0=y(t_0,\tau)$. Значение τ однозначно определяется набором значений точки касания (t_0,y_0), и в любом случае при $t=\tau$ функция $y=y(t,\tau)$ достигает максимума. Иными словами τ – это модальное значение функции $y=y(t,\tau)$, т. е. норма существования регионального инвестиционного процесса, характеристика производственной среды региона. По этой причине в модели (2) при β>0 большее значение τ соответствует лучшим экономическим условиям: $y_m=a\exp(\beta\tau)\div e$.

Согласно (2) значение интенсивности роста инвестиций изменяется со временем следующим образом:

$$\alpha_s=\frac{1}{y(t,\tau)}\frac{dy}{dt}=\alpha-\alpha\exp[\alpha(t-\tau)]\ , \quad (4)$$

т. е. при $t=\tau$ будет $\alpha_s=0$, и величина инвестиций достигает максимума y_m и далее пойдет на спад, что соответствует завершению инвестиционного цикла. Как следует из (4), при α>0 относительная скорость роста инвестиций α до момента $t=\tau$ будет уменьшаться. Однако в начальный период, что видно на рис. 3, имеет место линейный рост значения α_s, что в модели (2) не отражается. Для того чтобы учесть такую особенность наблюдаемых тенденций, в правую часть уравнения (4) вводится дополнительное слагаемое $2\gamma(t-\tau)$ с положительным коэффициентом роста инвестиций γ , а в уравнении (2) появляется сомножитель $\exp[\gamma(t-\tau)^2]$. В новом виде уравнение (2) также удовлетворяет уравнению логистического процесса (3) и имеет огибающую, функция которой пропорциональна $f(t)=A\exp(\beta t)$.

Дополненное уравнение (4) хорошо описывает изменение параметра α_s (см. рис. 3), максимальное значение которого по разным регионам достигается в разное время после кризисного 2008 г., и спустя 6–7 лет имеет значение $\alpha_s=0$, и далее идет резкое снижение инвестиций ($\alpha_s<0$). Такой количественный прогноз указывает на возможность нового экономического кризиса, который ожидается в регионах Российской Федерации в 2018–2020 гг.

Обсуждение результатов и выводы. Рассматриваемый период 1999–2015 гг. инвестиционного цикла в России стал результатом экономического кризиса, последовавшего за дефолтом августа 1998 г., после которого пришлось преобразовывать финансово-экономическую систему страны. Как следствие, сформировалась экономика, учитывающая мировые законы социально-экономического устойчивого развития, в частности, законы циклических изменений. Инновацией стало вынужденное признание объективности этого очевидного факта, что получило государственную и общественную поддержку и воплощение в росте инвестиционных потоков с достаточно низких стартовых позиций (см. рис. 3). Внутренняя и внешняя политика государства на фоне мирового финансово-экономического кризиса и введенных санкций привела к перелому

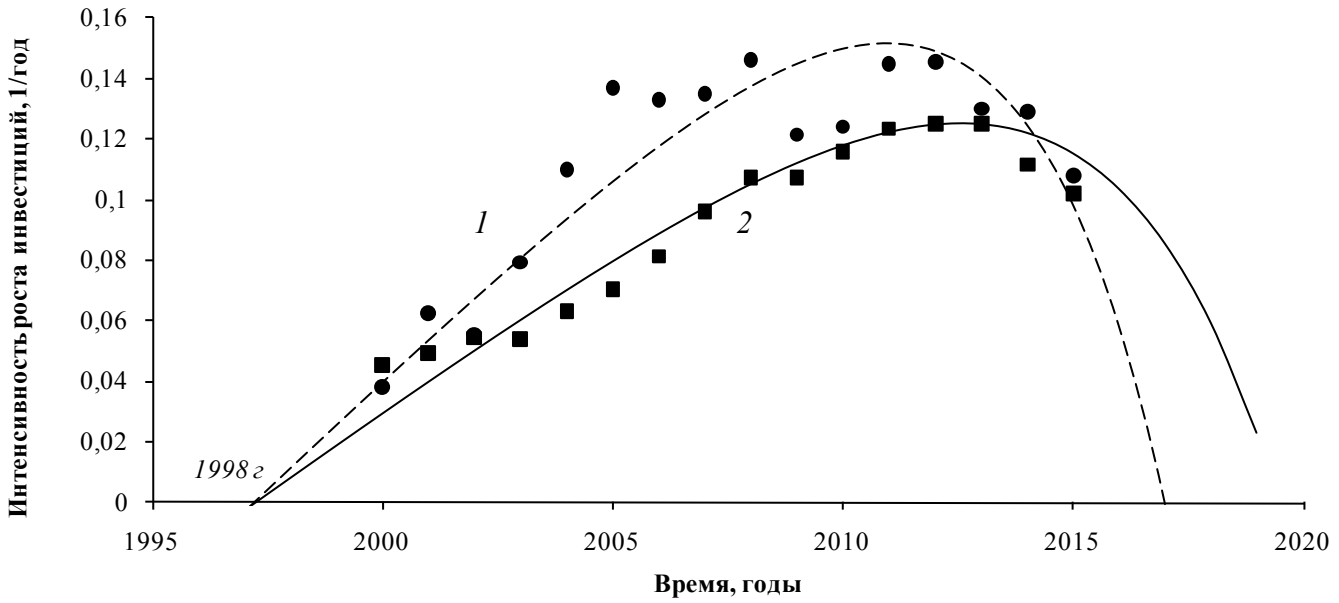

Рис. 3. ***Изменение интенсивности роста инвестиций α_s со временем t. Точки соответствуют Кемеровской области (1) и Краснодарскому краю (2). Ряды точек аппроксимируются линиями, рассчитанными по модели при значениях коэффициентов α=0,29, γ=0,0073 (1), α=0,25, γ=0,0055 (2)***

Fig. 3. ***Changing of investment growth intensity α_s in the course of time t. Points corresponds to Kemerovo Oblast (1) and Krasnodarsk Krai (2). Point rows are approximated by the lines calculated using the model with the coefficients α=0,29, γ=0,0073 (1), α=0,25, γ=0,0055 (2)***

положительных тенденций и постепенному снижению темпов роста объемов инвестиций, что численно указывает на возможность нового экономического кризиса в ближайшие годы в России. Преодоление этой тенденции вновь требует качественного преобразования сложившейся финансово-экономической системы с началом нового инвестиционного цикла с более высокими количественными показателями. Возможно, новый цикл уже стартовал после геополитических событий 2014 г. и связан с существенной трансформацией основ мировой политики и условий развития российской экономики.

Огибающие функции отражают многообразие связей природных и социально-экономических факторов и условий, влияющих на процессы, и в этом смысле характеризуют географическую среду их проявления. Огибающие имеют устойчивые параметры и задают пределы роста экономики страны. В частности, ориентируясь на значение β, возможные относительные темпы прироста инвестиций можно оценить в 18,5 % в годовом исчислении, что немного, если принимать во внимание темпы инфляции и высокую ставку рефинансирования и соответственно высокий банковский процент на кредиты.

В рамках данного подхода существование устойчивых региональных показателей и связей-трендов позволяют характеризовать экономику регионов временными параметрами, такими как условный экономический возраст t_s или возраст освоенности территории t_{s0} . Эти параметры связаны с уровнем ресурсной специализации региона и инвестиционным потенциалом развития его экономики и могут использоваться для решения разных задач экономического анализа. Существующая ресурсно-средовая детерминированность длительное время обеспечивает устойчивое существование региона, но не его устойчивое развитие, для которого требуются постоянные инвестиции из внешних и внутренних источников и соответствующая благоприятная инвестиционная среда, не элиминирующая доходы, что обеспечивается высоким значением экономического возраста местного производства. Этот возраст в пределе соответствует условному возрасту освоенности и инфраструктурной обустроенности территории.

Предлагаемое семейство уравнений кривых инвестиционного цикла и огибающих их кривых требует дальнейшего уточнения. Теоретической основой поиска решения такой задачи является обобщенное дифференциальное уравнение открытого логистического потока (3), регламентирующее вид семейства уравнений. Эмпирической базой оценки коэффициентов и выявления устойчивых трендов становятся новые данные, позволяющие уточнять индивидуальные параметры региональных экономических систем и проверять сформулированные гипотезы.

Литература

1. Черкашин А. К. Математические основания синтеза знаний междисциплинарных исследований социально-экономических явлений // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 108–124.
2. Черкашин А. К., Мядзелец А. В. Характеризация развития региональной экономки с учетом макроэкономических факторов и условий // Экономика и математические методы. 2017. Т. 53. № 4. С. 13–25.
3. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М.: Прогресс, 1970. 568 с.
4. Ямпольский С. М., Лисичкин В. А. Прогнозирование научно-технического прогресса. Методологические аспекты. М.: Экономика, 1974. 208 с.
5. Зыков Ю. А. Экономическое прогнозирование научно-технического прогресса. М.: Наука, 1975. 170 с.
6. Инвестиции / под ред. Л. И. Юзвович, С. А. Дегтярева, Е. Г. Князевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 543 с.
7. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 536 с.
8. Автономов В. С., Ананьин О. И., Афонцев С. А., Гловели Г. Д., Капелюшников Р. И., Макашева Н. А. История экономических учений. М.: ИНФРА-М, 2002. 784 с.
9. Залгаллер В. А. Теория огибающих. М.: Наука, 1975. 104 с.
10. Черкашин А. К., Красноштанова Н. Е. Моделирование оценки риска хозяйственной деятельности в районах нового нефтегазового освоения // Проблемы анализа риска. 2015. Т. 12. № 6. С. 44–51.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF INVESTMENT PROCESSES IN REGIONS USING THE METHOD OF ENVELOPES

Anastasia V. Myadzelets[1, @1, *], Alexandr K. Cherkashin[1, @2, *]

[1] Sochava Institute of Geography, Siberian branch of the Russian Academy of Science, 1, Ulan-batorskaya St., Irkutsk, 664033
[@1] anastasia@irigs.irk.ru
[@2] akcherk@irnok.net

Received 03.11.2017. Accepted 04.12.2017.

Keywords: regional analysis, investment cycles, mathematical modeling, envelopes, geographical environment of economic activity, economic crisis.

Abstract: This article takes a look at modeling of features of investment cycles in the regions of the Russian Federation based on statistic data for 1999–2015. As characteristics of investment process the investment density per sq. miles of territory and the intensity of its growth are used. Curves and functions of these cycles are limited with envelope curves and functions that display geographical environment in the region. Refined equations of investment cycles provide a sufficient description of the patterns of change in the intensity of investment growth from inception to crisis. Based on the equations, sustainable regional indicators and enveloped trends are highlighted. It characterizes the regional economy with such relative temporal indices as conditional economic age and the age of development of the territory. These indices are associated with the level of the resource consumption specialization of the region and with the development potential of its economy. According to the result of the calculation, this investment cycle in Russia was caused by the 1998 economic crisis, which radically transformed the financial and economic system of the country. The resultant innovative investment cycle was released against the backdrop of high world prices for oil, the world financial and economic crisis and sank, leading to fracture of positive trends, the gradual slowdown investments and indicates the possibility of new economic crisis in Russia in the coming years.

For citation: Myadzelets A. V., Cherkashin A. K. Kolichestvennyi analiz investitsionnykh protsessov v regionakh s ispol'zovaniem metoda ogibaiushchikh krivykh [Quantitative Analysis of Investment Processes in Regions Using the Method of Envelopes]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 63–69.

References

1. Cherkashin A. K. Matematicheskie osnovaniia sinteza znanii mezhdistsiplinarnykh issledovanii sotsial'no-ekonomicheskikh iavlenii [Mathematical foundations of knowledge synthesis of interdisciplinary research of socio-economic phenomena]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Economic theory Journal*, no. 3 (2017): 108–124.
2. Cherkashin A. K., Myadzelets A. V. Kharakterizatsiia razvitiia regional'noi ekonomki s uchetom makroekonomicheskikh faktorov i uslovii [Characterization of regional economic development in responce to macroeconomic factors and conditions]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*. no. 4 (2017): 13–25.
3. Yanch E. *Prognozirovanie nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Forecasting of scientific and technical progress]. Moscow: Progress, 1970, 568.
4. Yampolsky S. M., Lisichkin V. A. *Prognozirovanie nauchno-tekhnicheskogo progressa. Metodologicheskie aspekty* [Forecasting of scientific and technical progress. Methodological aspects]. Moscow: Ekonomika, 1974, 208.
5. Zykov Yu. A. *Ekonomicheskoe prognozirovanie nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Economic forecasting of scientific and technical progress]. Moscow: Nauka, 1975, 170.
6. *Investitsii* [Investments]. Ed. Yuzvovich L. I., Degtyarev S. A., Knyazeva Ye. G. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016, 543.
7. Nelson R., Winter S. *Evoliutsionnaia teoriia ekonomicheskikh izmenenii* [Evolutionary theory of economic changes]. Moscow: Delo, 2002, 536.
8. Avtonomov V. S., Anan'in O. I., Afontsev S. A., Gloveli G. D., Kapeliushnikov R. I., Makasheva N. A. I*storiia ekonomicheskikh uchenii* [History of economic doctrines]. Moscow: INFRA-M, 2002, 784.
9. Zalgaller V. A. *Teoriia ogibaiushchikh* [Theory of envelops]. Moscow: Nauka, 1975, 104.
10. Cherkashin A. K., Krasnoshtanova N. E. Modelirovanie otsenki riska khoziaistvennoi deiatel'nosti v raionakh novogo neftegazovogo osvoeniia [Modeling of assessment of risk of economic activity in areas of new oil and gas development]. *Problemy analiza riska = Problems of risk analysis*, no. 6 (2015): 44–51.

**** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project «Innovative Development, Territorial Organization and Growth of Life Quality of the Population in the Siberian and Arctic Regions of Russia», No. 16-02-00570(a).***

УДК 33:314.484

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОСТА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ

***Юлия С. Незнакина*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *lyme_life@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.10.2017. Принята к печати 14.12.2017.

Ключевые слова: уровень жизни, потребности населения, импортозамещение, продукты питания, «зеленая» революция, продовольственные карточки, сельское хозяйство.

Аннотация: В результате исследования методик определения уровня жизни выявлен ключевой показатель – удовлетворенность потребности населения в продуктах питания. Ограниченные возможности удовлетворения населения в продуктах питания (неэффективное использование ресурсов, неблагоприятные природно-климатические условия, высокие издержки обращения в отрасли) обусловили необходимость поиска их решения. В статье рассмотрены основные направления, способствующие росту удовлетворения населения в продуктах питания. Данные направления выявлены в результате исследования сложившейся ситуации на рынке продовольственных товаров. В современных экономических условиях полностью обеспечить население продуктами питания в соответствии с физиологическими нормами не удается. В ходе исследования были выявлены основные направления роста удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, заключающихся в использовании результатов «зеленой» революции в сельском хозяйстве, проведению политики импортозамещения, вводе продовольственных карточек для бедного населения, повышении реальных доходов населения, а также в производстве сбалансированных продуктов питания.

Для цитирования: Незнакина Ю. С. Основные направления роста удовлетворения потребностей населения в продуктах питания // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 70–75.

Проблема уровня жизни населения в нашей стране всегда была актуальной. Согласно популярному рейтингу стран мира по уровню жизни Prosperity Index, который составлен исследователями института The Legatum Institute, на 2016 г. из 149 стран мира РФ занимает только 95 место (для сравнения, в 2015 г. – 58-е место; 2014 – 68-е место; 2013 – 61-е) [1]. Данный рейтинг включает в себя не только показатели ВВП и ВВП на душу населения, но также степень удовлетворенности основными параметрами жизни: безопасность, образование, здоровье, экономика и другие.

Уровень жизни населения подразумевает определенный набор критериев человеческих потребностей, качество удовлетворения которых и определяет его уровень. В настоящее время в научной теории выделяют следующий набор основных потребностей: наличие жилья, полноценное питание и доступ к чистой воде, возможность получить минимальное образование, возможность поддерживать свое здоровье [2, с. 14].

Совокупность этих показателей формирует определенные методики, представленные в таблице 1.

Таблица 1. **Методики определения уровня жизни населения**
Table 1. **Methods for determining the standard of life of the population**

Наименование методики	Основные критерии, используемые в методике
Программа развития ООН «Оценка индекса развития человеческого потенциала»	Продолжительность жизни населения, уровень образования, величина ВВП на душу населения
Методика американской некоммерческой организации «Комитет по демографическому признаку»	Стоимость питания, связь, образование, жилищные условия, образование, уровень шума, уличное движение, чистота воздуха, общественная безопасность
Методика ЮНЕСКО	Здоровье, образование, рациональное питание, стабильность
Методика ОЭСР	Здоровье, образование, занятость и качество трудовой жизни населения, досуг и отдых, состояние потребительского рынка товаров и услуг
Методика, разработанная Российским институтом комплексных исследований	Благосостояние, доступность и качество образования, доступность медицинской помощи

В ходе исследования перечисленных методик, по нашему мнению, можно выделить основные компоненты качества жизни населения: организация общества; среда обитания; удовлетворение потребности в голоде; социальная сфера (образование, культура, здравоохранение); инфраструктура.

Таким образом, при определении уровня жизни населения, был выявлен критерий, который, по нашему мнению, является одним из основных – это полноценное питание, или удовлетворение потребности в голоде.

Проблема роста удовлетворения потребностей населения в продовольственных продуктах на протяжении всех этапов развития экономики занимала главенствующую позицию. Степень удовлетворения первичной физиологической потребности человека в получении качественных продуктов питания обусловливает его возможность полноценно существовать в экономических взаимоотношениях, тем самым формируя показатель качества жизни населения страны. Несмотря на то, что регионы РФ в основном обеспечены собственными потребительскими продуктами, существует ряд организационных, экономических и правовых факторов как регионального, так и федерального уровней, не позволяющих обеспечить условия эффективного функционирования и развития продовольственного рынка.

В настоящее время проблема роста удовлетворения потребностей населения в продуктах питания широко обсуждается. Среди основных ограничений, препятствующих эффективному функционированию и развитию продовольственного рынка, выявляются следующие:

1) отсутствие отдельного института регулирования продовольственного рынка;

2) неразвитая инфраструктура регулирования продовольственного рынка;

3) высокие издержки обращения, обусловленные наличием в торговой сети большого числа посредников;

4) низкий уровень оплаты труда работников сельского хозяйства;

5) неудовлетворенная обеспеченность населения продуктами питания.

Однако, несмотря на большое количество исследований, посвященных вышеперечисленным проблемам, проблемы развития продовольственного рынка с учетом специфики среды того или иного региона рассмотрены недостаточно. Информация относительно степени удовлетворенности населения продуктами питания требует дополнительных обоснований и исследований. Рост импорта долгое время мешал отечественному рынку полноценно развиваться, что негативно отражалось на продовольственной безопасности страны.

Мировая продовольственная проблема заключается в том, что до настоящего времени полностью обеспечить население жизненно важными продуктами питания в соответствии с физиологическими нормами не удается. Это объясняется неэффективным использованием ресурсов, недостаточным уровнем развития материально-технической базы, ограниченным числом земельных ресурсов, неблагоприятными природно-климатическими условиями, ограниченными возможностями ввоза импортируемых продуктов. Страны, которые больше всего страдают от этих проблем – это в основном развивающиеся страны. Одним из основных направлений решения проблемы продовольственного обеспечения в этих странах является повышение качества сельскохозяйственного и агропромышленного комплексов. В ходе исследования различных вариантов развития этих направлений, по-нашему мнению, является так называемая «зеленая революция». Она включает в себя внедрение передовых методов агротехники на основе применения высокоурожайных культур зерновых и удобрений, т. е. распространение достижений научно-технической революции (НТР). В нашей стране наблюдается положительная динамика роста количества продовольственных товаров, что обусловлено аналогичной тенденцией в отношении роста реальных доходов населения. Такая обстановка позволяет говорить о том, что в настоящее время пищевая и перерабатывающая промышленность России является развитой на достаточно высоком уровне. Данная отрасль является стратегической для нашей страны, она обеспечивает население страны необходимыми по количеству и качеству продуктами питания. Также следует отметить, что в последние годы качество отечественных продуктов питания растет, большинство российских продуктов превосходят импортные. По этой причине, а также в связи со случаями ввоза и реализации некачественных и фальсификационных товаров, спрос на импортное продовольствие падает. Об этом свидетельствует статистика, представленная в таблице 2.

Таблица 2. **Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в период 2013–2016 гг. (%) (составлено по [3])**

Table 2. **Import share of individual products in their commodity resources in 2013–2016 (%) (based on [3])**

Наименование товара	2013	2014	2015	2016
Мясо и птица, включая субпродукты	26,2	19,6	13,4	11,0
Говядина, включая субпродукты	59,0	57,3	48,1	40,2
Свинина, включая субпродукты	31,0	16,6	12,5	9,5
Мясо птицы, включая субпродукты	12,8	10,0	5,5	5,0
Консервы мясные	20,0	13,7	9,0	9,1
Изделия колбасные	3,2	2,2	1,0	1,4
Масла животные	35,9	34,3	25,5	26,3
Сыры	48,0	37,3	23,3	22,8
Кондитерские изделия	12,0	9,3	5,9	5,9

Таким образом, по всем представленным товарам наблюдается ежегодное сокращение импорта. Для благоприятного развития необходимо при сокращении импортируемых товаров увеличить рост отечественной продукции, или так называемых импортозамещающих товаров. Иначе может возникнуть недостаток потребления пищи населением совместно с монополизацией отечественного

производства. Согласно статистике, на деле произошел значительный рост товарооборота российских производителей [4]. Это свидетельствует о том, что отечественные товары закрепляют свои позиции и способны в скором времени полностью обеспечить потребительские запросы населения страны.

Несмотря на то, что происходит укрепление позиций отечественного производителя, возможность отрицательных явлений в отношении удовлетворенности населения продуктами питания может возрастать. По данным службы Федеральной службы государственной статистики было установлено, что в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц на продукты питания и безалкогольные напитки в 2016 г. приходится 5193 руб., что составляет 30,5 % от общего числа расходов. Это наибольшая часть в структуре расходов по сравнению с другими статьями (одежда и обувь, жилищные услуги, предметы домашнего обихода и др.). Рассмотрим статистику доходов и расходов домашних хозяйств на потребление. В таблице 3 представлен состав потребительских расходов участника одного домашнего хозяйства в РФ.

Таблица 3. **Состав потребительских расходов домашних хозяйств в РФ в период 2010–2016 гг. (в среднем на члена домашнего хозяйства в рублях в месяц)**
Table 3. **The composition of consumer expenditure of households in Russia in the period of 2010–2016 (average household member in rubles per month)**

Расходы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего потребительских расходов	10121,5	11285,5	12623,9	13706,7	14629,6	14712,7	16085,7
Расходы на продукты питания и безалкогольные напитки	2999,2	3324,5	3551,9	3794,0	4171,2	4719,1	5193,0
Удельный вес расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре потребительских расходов, (%)	29,6	29,5	28,1	27,7	28,5	32,1	32,3

В ходе исследования официальной статистики нами было установлено, что большую часть денежных средств населения РФ тратит на следующие продукты питания:

1) в период 2003–2016 гг. уровень потребления мяса составил 9,9 % от общих затрат на продукты питания и безалкогольные напитки;

2) хлебобулочные изделия и крупы составили 4,94 %;

3) затраты на молочные изделия, сыры и яйца составили 4,33 %.

Следует отметить, что если участники какого-либо домашнего хозяйства тратят на продукты питания большую часть своих доходов, то это не положительная, а отрицательная тенденция. Если расходы на питание значительны, то на удовлетворение оставшихся потребностей (здравоохранение, транспорт, организация отдыха и культурные мероприятия и др.) у индивида остается совсем незначительная часть от общего количества доходов.

В ходе анализа статистики нами было также выявлено, что, чем меньше доход у домашнего хозяйства, тем большую долю расходов составляют расходы на продукты питания и безалкогольные напитки. В подтверждение этому рассмотрим таблицу 4.

Таблица 4. **Структура потребительских расходов по 10 % группам (децильным) населения в период 2010–2016 гг. (%) (составлено по [5])**
Table 4. **The structure of consumption expenditure according to 10% group (decile) of the population in 2010–2016 (%) (based on [5])**

Год	Децильная группа населения (в порядке возрастания дохода)									
	1я	2я	3я	4я	5я	6я	7я	8я	9я	10я
2010	46,2	43,6	41,8	40,0	39,1	35,8	31,3	27,6	25,3	18,5
2011	44,8	43,3	41,7	40,3	37,8	35,8	31,3	28,3	25,3	17,7
2012	44,6	42,7	40,8	39,5	36,8	34,4	30,9	27,6	24,3	16,0
2013	43,9	42,5	40,8	38,6	37,0	34,3	30,3	26,3	22,8	15,8
2014	44,9	42,5	40,6	38,6	37,1	35,5	31,6	28,6	24,9	15,8
2015	46,0	44,4	42,7	41,5	39,6	36,8	33,7	30,8	28,2	20,4
2016	49,2	45,7	45,1	42,7	40,9	38,2	35,5	32,7	28,9	19,9

В Кемеровской области происходит аналогичная тенденция: большую часть потребительских расходов (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, в руб.) составляет категория продуктов питания и безалкогольных напитков (таблица 5).

В целом потребительские расходы на продукты питания и безалкогольные напитки в Кузбассе больше, чем средний аналогичный показатель в РФ. Таким образом, необходим ряд мероприятий, способствующих снижению доли затрат на продукты питания и повышению удельного веса затрат на удовлетворение других категорий потребностей. По данным «Основных итогов выборочного обследования домашних хозяйств в 2016 г.» [7], можно сделать вывод, что большую часть в структуре потребления продуктов питания в Кемеровской области занимают следующие продукты:

Таблица 5. **Структура потребительских расходов домашних хозяйств в Кемеровской области в период 2010–2016 гг. (составлено по [6])**
Table 5. **The structure of consumer expenditures of households in Kemerovo region in 2010 – 2016 (based on [6])**

Расходы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего потребительских расходов (руб.)	7796,2	8761,8	9973,3	10328,0	10689,5	11925,7	12071,5
Удельный вес расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре потребительских расходов (%)	32,8	33,5	31,9	31,4	33,7	33,9	36,2

1) молоко и молокопродукты: в среднем их количество составляет 260,7 кг на человека в год;

2) также на одного человека в год приходится 243 шт. яиц;

3) хлеба и хлебопродуктов – 92 кг;

4) потребление мяса и мясопродуктов составляет 90 кг в год на одного члена домашнего хозяйства.

В настоящее время основной задачей пищевой промышленности Кузбасса является создание и внедрение пищевых технологий, которые позволяют производить глубокую переработку сырья, создание продуктов здорового питания, продление сроков хранения пищевых продуктов, использование мелкопорционной упаковки. Остро ставится вопрос об обеспеченности населения витаминами, микроэлементами. Для выполнения намеченных задач планируется вложить инвестиции в модернизацию, техническое перевооружение, внедрение новых технологий пищевой промышленности на сумму около 500 млн руб.

Для того чтобы улучшить потребление продуктов питания, в России планируется ввести для семей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, специальные продовольственные карточки.

С 2015 г. в Минпромторге обсуждается проект использования продовольственных карточек для бедного населения России.

В предпринимательском сообществе эта идея обсуждается около десяти лет. Имеется опыт США, где с 1961 г. существует программа ежемесячной выдачи $126 на питание малоимущим гражданам. Ее получали в 2016 г. 44 млн человек. Участвовать в программе может одинокий американец с чистым доходом ниже $990. Семья из 4 человек помощь получает в том случае, если суммарный доход меньше $2025.

Предстоит решение задачи по трансплантации этого института, неплохо функционирующего в США, в Российскую практику.

Потребность во введении таких карточек связана с адресной поддержкой бедной части населения. Особо важно накормить ту часть населения (около 10 %), которая по количеству потребляемых ежесуточных калорий живет на уровне голода по оценке Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХ и ГС [8].

По словам министра Минпромторга Д. Мантурова, адресные продовольственные субсидии не только помогут малоимущим гражданам покупать недоступные товары (например, охлажденное мясо, свежую рыбу, овощи), но и обезопасят государство он нецелевого использования средств [9].

На финансовое обеспечение выпуска продовольственных карточек на основе карты национальной платежной системы «Мир» будет выделено 240 тыс. руб. на три года. Получателями товаров могут стать 15 млн чел., ежемесячная выплата составит 1400 руб. в определенных торговых точках. Деньги, перечисленные на карту, нельзя будет обналичить или копить. Если их не используют на покупку продуктов отечественного производства в течение месяца, то они «сгорят». Кроме продовольственных товаров сельское население сможет приобрести саженцы, семена и корма для сельскохозяйственных животных.

В какой мере целевые средства, направленные на потребление для малоимущих будут активизировать спрос и влиять на экономический рост?

По предварительным расчетам Минпромторга, на вложенный рубль можно будет получить два рубля прироста ВВП [10]. Появится возможность стабильной реализации продовольствия, создаваемого фермерами, что будет содействовать поддержке малого бизнеса. Это позволит содействовать улучшению здоровья категории малоимущих. Можно получить самый значительный социальный эффект: стабильное обеспечение продовольствием малоимущих.

Таким образом, в ходе исследования нами были выявлены основные направления роста удовлетворения потребностей населения в продуктах питания:

1) решение мировой проблемы нехватки продовольствия – это так называемая «зеленая революция», которая подразумевает использование инновационных технологий в агропромышленном и сельскохозяйственном комплексах;

2) результатом применения технологий «зеленой революции» может стать решение проблемы импортозамещения. В течение последних лет доля импортируемых товаров в

нашей стране сокращается. На смену импортным товарам приходят отечественные товары-импортозаменители;

3) для современной России характерна высокая доля затрат населения на продукты питания – это отрицательная тенденция, которая не позволяет качественно удовлетворить остальные потребности. При чем характерна тенденция, что, чем ниже доход населения, тем выше доля затрат на продукты питания. Вследствие этого необходимо повышение доли реальных доходов населения на фоне стабильных цен на продукты питания;

4) необходимо целесообразно использовать продовольственные карточки;

5) в Кемеровской области показатель доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки больше, чем средний показатель по РФ. Это свидетельствует о необходимости повышения уровня доступности продуктов питания. С этой целью в Кузбассе пищевой промышленности отведена стратегическая роль, большое внимание уделено здоровому и сбалансированному питанию, использованию инновационных технологий в различных сферах производства пищевой промышленности.

Литература

1. The Legatum Prosperity Index 2017. Режим доступа: http://www.prosperity.com/rankings (дата обращения: 06.10.2017).
2. Соловьева Л. В. Сфера услуг как социоэкономический фактор развития общества // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2005. № 5. С. 14–16.
3. Показатели, характеризующие импортозамещение в России. Торговля. Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/ (дата обращения: 06.10.2017).
4. Показатели, характеризующие импортозамещение в России. Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/# (дата обращения: 06.10.2017).
5. Уровень жизни. Доходы, расходы и условия проживания домашних хозяйств. Структура потребительских расходов по 10-процентным группам населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 06.10.2017).
6. Уровень жизни. Доходы, расходы и условия проживания домашних хозяйств. Структура потребительских расходов домашних хозяйств в Кемеровской области // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 06.10.2017).
7. Основные итоги выборочных обследований домашних хозяйств в 2016 г. Кемеровский сайт статистики. Режим доступа: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ kemerovostat/resources/c3076f804f777d9f91cdd38250d62a05/основные+итоги+годовые+2016г..pdf (дата обращения: 06.10.2017).
8. Лабыкин А. Продкарточный домик // Эксперт. 2017. № 8. С. 7.
9. Егорова Н. Перейти в средний класс // Российская газета. 16.02.2017. С. 5.
10. Карта бедных // Эксперт. 2017. № 8. С. 22.

THE BASIC DIRECTIONS OF SATISFACTION GROWTH IN FOOD DEMANDS

***Yulia S. Neznakina*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *lyme_life@mail.ru*

Received 18.10.2017. Accepted 14.12.2017.

Keywords: the standard of life, the needs of the population, import substitution, food, «green revolution», food stamps, agriculture.

Abstract: The study of methods aimed at determining the standard of life has revealed the key performance indicator, i. e. satisfaction of needs of the population in food. The limited possibilities of satisfaction of the population in food products (inefficient use of resources, unfavorable climatic conditions, high costs of treatment in the industry) has necessitated the search for their solutions. The article describes the main directions for increasing satisfaction of the population in food products. These directions are identified through research of the current situation on the market of food products. In the current economic conditions it is impossible to fully provide the population with food in accordance with physiological norms. The study identified the main directions of growth satisfaction of the needs of population in food products, which consists in: implementation of the results of the «green revolution» in agriculture, policy of import substitution, issuing ration cards for the poor, increase of real incomes of population, as well as in the production of balanced food.

For citation: Neznakina Yu. S. Osnovnye napravleniia rosta udovletvoreniia potrebnostei naseleniia v produktakh pitaniia [The Basic Directions of Satisfaction Growth in Food Demands]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 70–75.

References

1. T*he Legatum Prosperity Index* 2017. Available at: http://www.prosperity.com/rankings (accessed 06.10.2017).

2. Solov'eva L. V. Sfera uslug kak sotsioekonomicheskii faktor razvitiia obshchestva [Services as a socio-economic factor of the development of society]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii = Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperatives*, no. 5 (2015):14–16.

3. *Pokazateli, kharakterizuiushchie importozameshchenie v Rossii. Torgovlia. Dolia importa otdel'nykh tovarov v ikh tovarnykh resursakh* [Indicators characterizing import substitution in Russia. Trade. The share of imports of individual goods in their commodity resources]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/ (accessed 06.10.2017).

4. *Pokazateli, kharakterizuiushchie importozameshchenie v Rossii. Proizvodstvo osnovnykh vidov importozameshchaiushchikh pishchevykh produktov v Rossiiskoi Federatsii* [Indicators characterizing import substitution in Russia. Production of the main types of import-substituting food products in the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/# (accessed 06.10.2017).

5. *Uroven' zhizni. Dokhody, raskhody i usloviia prozhivaniia domashnikh khoziaistv. Struktura potrebitel'skikh raskhodov po 10-protsentnym gruppam naseleniia* [Standard of living. Income, expenses and living conditions of households. The structure of consumer spending by 10 percent of the population]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed 06.10.2017).

6. *Uroven' zhizni. Dokhody, raskhody i usloviia prozhivaniia domashnikh khoziaistv. Struktura potrebitel'skikh raskhodov domashnikh khoziaistv v Kemerovskoi oblasti* [Standard of living. Income, expenses and living conditions of households. Structure of consumer spending of households in the Kemerovo Region]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed 06.10.2017).

7. *Osnovnye itogi vyborochnykh obsledovanii domashnikh khoziaistv v 2016 g. Kemerovskii sait statistiki* [The main results of sample household surveys in 2016. Kemerovo statistics site]. Available at: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/resources/c3076f804f777d9f91cdd38250d62a05/osnovnye+itogi+godovye+2016g..pdf (accessed 06.10.2017).

8. Labykin A. Prodkartochnyi domik [Grocery house of cards]. *Ekspert = Expert*, no. 8 (2017): 7.

9. Egorova N. Pereiti v srednii klass [Go to the middle class]. Rossiiskaia gazeta = Russian newspaper, (16.02.2017): 5.

10. Karta bednykh [Map of the poor]. *Ekspert = Expert*, no. 8 (2017): 22.

УДК 33:631.162

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Рашида Т. Унщикова[1, @1], Егор А. Кириенко[1, @2]

[1] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@1] unshch9@rambler.ru
[@2] egor.kirienko2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2017. Принята к печати 28.11.2017.

Ключевые слова: интегрированная отчетность, консолидированный отчет, бизнес-модель, внешняя среда организации, МСФО, финансовый учет.

Аннотация. В настоящее время во многих развитых государствах интегрированная отчетность выступает как индикатор оценки ценности и успеха развития компании на различных типах рынков. Данный вид отчетности призван сформировать бизнес-модель, повысить эффективность менеджмента и дать наиболее объективную оценку рискам и возможностям компании. Особое внимание в интегрированных отчетах уделяется представлению результатов деятельности по производственным и финансовым показателям. Тем не менее, на данный момент большинство российских компаний в связи с мелкими масштабами их деятельности и слабыми компетенциями в сфере учета оказались не готовы к освещению информации в таком виде. Наиболее подготовленной отраслью для формирования интегрированных отчетов является энергетика, относящаяся к естественным монополиям. В соответствии с этим, авторы проводят сравнительный анализ методов освещения информации по основным элементам интегрированной отчетности с целью выявления потенциальных возможностей компаний, разрабатывающих отчеты по принципам МСФО или стандартам РПБУ.

Для цитирования: Унщикова Р. Т., Кириенко Е. А. Основные подходы к формированию информации в интегрированной отчетности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 76–81.

В настоящее время интегрированная отчетность выступает одним из приоритетных направлений развития систем финансового и управленческого учета. Предназначенный для эффективного и успешного ведения бизнеса данный вид отчетности призван обеспечить модернизированный подход к сбору и оформлению информации, столь важной для деятельности организации [1]. И действительно, главное отличие интегрированных отчетов от других отчетных форм состоит в их универсальном, но при этом лаконичном подходе к учету факторов, воздействующих на экономические процессы.

Следует отметить, что в качестве одного из преимуществ интегрированной отчетности (ИО) рассматривается ее ориентированность на широкий круг лиц, заинтересованных в росте капитализации бизнеса [2]. Тем не менее, перспектива окончательного перехода России на данный вид отчетности до сих пор не находит однозначной оценки в обществе. Так, на данном этапе большинство потенциальных пользователей объективно не понимает преимуществ интегрированного отчета, считая, что обособленность бухгалтерской отчетности от управленческой, присущая для отчетов, разработанных в соответствии с российскими положениями по бухгалтерскому учету (РПБУ), способствует осуществлению более глубокого и детального финансового анализа [3].

Обобщая данные мнения, можно прийти к выводу, что работники финансовых структур российских компаний на сегодняшний день оказались не готовы к актуальным западным нововведениям в сфере учета и аудита.

Тем не менее по состоянию на сентябрь 2017 г. в Национальном регистре нефинансовых отчетов Российской Федерации было зарегистрировано 130 интегрированных отчетов, распределенных по различным видам экономической деятельности (их структура распределения представлена на рис.) [5].

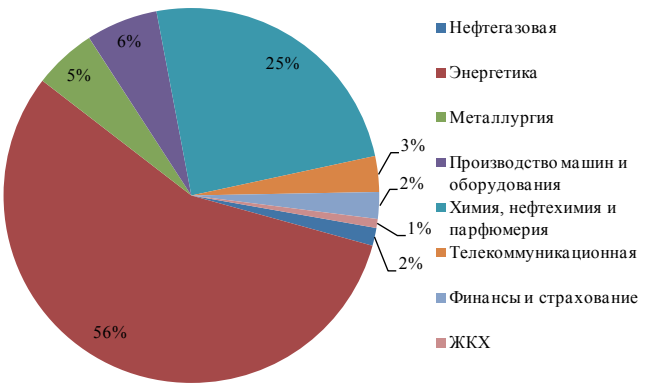

Рис. ***Структура распределения интегрированных отчетов по отраслям***
Fig. ***Distribution structure of integrated reports according to economic sectors***

Как можно заметить, наибольшую долю в структуре распределения данных отчетов занимает энергетика – 73 отчета (56,2 %), наименьшую – жилищно-коммунальное хозяйство – 1 отчет (0,8 %). Поскольку предприятия энергетического комплекса представлены в основном естественными монополиями и крупнейшими государственными корпорациями, то данное соотношение закономерно, что, в свою очередь, обусловлено рядом факторов:

1) необходимостью разработки комплексной стратегии развития компаний ввиду широкого диапазона филиалов и представительств, а также разнообразия целей, преследуемых данными подразделениями;

2) большим географическим охватом *(«Росэнергоатом» является оператором ряда российских атомных электростанций, расположенных в различных российских регионах – Мурманской, Свердловской, Ленинградской областях и т. д.)*;

3) осуществлением деятельности по самым разным направлениям (*например, «Атомэнергопроект» осуществляет комплексную деятельность по проектированию, сооружению, сопровождению и экологии)*;

4) высокими рисками, связанными с деятельностью корпораций и требующими комплексного анализа для оценки своих позиций в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах.

Отметим, что интегрированные отчеты призваны освещать информацию о деятельности компании с позиции следующих элементов: *обзор организации и ее внешней среды, управление, бизнес-модель, риски и возможности, стратегия и распределение ресурсов, результаты деятельности и перспективы на будущее* [6]. Исходя из названий данных элементов, становится очевидным, что зарубежный подход к составлению отчетов такого типа рассчитан на крупные компании, осуществляющие в течение длительного периода времени стабильную деятельность.

Поскольку некоторые элементы интегрированной отчетности могут быть характерными как для отчетов, составленных по принципам Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО), так и для отчетов, разработанных в соответствии с РПБУ, в рамках данной статьи представляется актуальным проведение сравнительного анализа методов раскрытия информации в различных базах ведения учета (табл.).

Таблица. **Сравнительный анализ элементов интегрированной отчетности, отчетности, составленной по МСФО и по российским стандартам**
Table. **Comparative analysis of the integrated reporting elements, the reporting made under IFRS and under the Russian GAAP standards**

Элемент	Интегрированная отчетность	Отчетность, составленная по международным стандартам	Отчетность, составленная по российским стандартам
1. Обзор организации и внешняя среда	Описание структуры компании, ее основных событий за отчетный период, обзор макроэкономических тенденций, повлиявших на результаты операционной деятельности и отрасли в целом. Анализируется конкурентная среда	Более широко обозначена сущность компании, описываются основные виды деятельности и хозяйственной деятельности компании	Описываются основные виды хозяйственной деятельности компании
2. Управление	Подробное описание системы управления, членов Совета директоров и их деятельности в отчетном периоде. Описание мотивационных факторов, влияющих на эффективность работы персонала	Представлены способ ведения деятельности группы компаний, функции Совета директоров и Правления, конкретизируется сегментная информация	Представлены состав Совета директоров и Правления компании, информация об операциях со связанными сторонами. Управленческая деятельность практически не описывается
3. Бизнес-модель	Обзор ключевых показателей и факторов создания стоимости компании, реализация миссии и стратегических целей компании. Оценка ценности компании для различных заинтересованных сторон	Представлена оценка стоимости финансовых инструментов группы компаний, необходимых для построения бизнес-модели	Не сформулирована
4. Риски и возможности	Описание стратегических рисков компании и системы управления рисками. Анализ различных рисков и предложение мероприятий по их минимизации в приложении к отчетности.	Рассматриваются, но экономически не оцениваются операционные риски группы компаний, описываются результаты судебных разбирательств, конкретизируются, но не оцениваются финансовые риски	Присутствует отдельный пункт о рисках компании в Пояснениях к бухгалтерскому балансу, но риски не прописаны (ссылка на сайт компании)

5. Стратегия и распределение ресурсов	Сопряженность системы показателей эффективности компании с ее стратегией. Формирование стратегических приоритетов	Конечная стратегия группы компаний не сформулирована. Распределение ресурсов представлено в разделе «Сегментная информация»	Не сформулирована стратегия и отсутствует обоснование ресурсному распределению
6. Результаты деятельности	Итоги деятельности оцениваются как результаты реализации стратегии за отчетный период. Рассматриваются ключевые производственные и финансовые показатели деятельности компании в целом, в региональном разрезе, а также с учетом продаж на внешнем рынке. Финансовые показатели деятельности представлены в консолидированной финансовой отчетности	Основные показатели финансовой деятельности группы компаний представлены в консолидированном бухгалтерском балансе, отчетах о совокупном доходе, движении денежных средств, изменениях в капитале, а также в разделе «Сегментная информация»	Основные показатели, характеризующие результаты деятельности компании, приведены в отчете о финансовых результатах и пояснениях к бухгалтерскому балансу
7. Перспективы на будущее	Разработка и актуализация стратегии компании, этапы долгосрочного планирования. Могут описываться события после отчетной даты	Описываются события, произошедшие после отчетной даты, но не анализируются их последствия	Не сформулированы

Проведенный анализ методов раскрытия информации по основным элементам интегрированной отчетности позволяет прийти к выводу, что, действительно, обзор организации и ее внешней среды наиболее полно представлены в интегрированных отчетах. Так, его разработчики дают подробное описание событий в деятельности компании за каждый месяц отчетного периода, а также объясняют ее результаты с точки зрения макроэкономических факторов, а для того, чтобы пользователи могли понять, какое место на рынке занимает данная компания, представляют обзор отрасли и конкурентный анализ. В МСФО обзор организации сводится к описанию ее текущей деятельности, в том числе и перечисления ее видов хозяйственной деятельности, в то время как в РПБУ характеристика организации рассматривается в наименьшей степени, и описывается лишь основной вид хозяйственной деятельности. Как и в МСФО, так и в РПБУ раскрывается сегментация группы компаний в различных отраслях.

Интегрированные отчеты направлены на то, чтобы показать, насколько важна роль управленческого персонала в формировании стоимости компании. Современная тенденция к прозрачности отчетности и ведения бизнеса привела к тому, что члены Совета директоров прямо со страниц отчета от первого лица рассказывают о проделанной за отчетный период работе и о планах компании на будущее. Кроме того, пользователям отчетности предоставляется возможность ознакомиться с информацией о финансово-имущественном положении представителей системы управления компании. Особое место в управленческом блоке отводится выявлению мотивационных факторов, от которых зависит эффективность деятельности персонала, а, соответственно, и будущие финансовые результаты компании.

В МСФО элемент управления рассматривается в разделе «Сегментная информация», в котором описаны деятельность и основные функции Совета директоров в различных сегментах деятельности. Следует отметить, что согласно РПБУ, объем сведений о менеджменте компании в интегрированной отчетности крайне ограничен. Так, в сокращенном варианте рассматривается состав Совета директоров (основные лица) и Правления компании, а реализация их функций на практике также приводится в разделе «Сегментная информация».

Отличительной особенностью интегрированных отчетов является обоснование бизнес-модели компании как ее главного руководства по формированию стратегии ведения коммерческой деятельности. Зачастую для того чтобы представить ее в доступном для пользователя варианте, эксперты анализируют факторы создания стоимости компании, а затем на основании выявленных тенденций рассчитывают ключевые показатели *(например, стоимость компании растет за счет низкой стоимости запасов, что позволяет прийти к выводу об увеличении их объема до 150 %)* [7]. Описанию бизнес-модели в МСФО отводится минимальное значение, но в соответствии с ней, разработчики отчета осуществляют классификацию финансовых инструментов, оценивающихся по справедливой или амортизационной стоимости (*стандарт IFRS 9*). В РПБУ упоминание о бизнес-модели компании отсутствует полностью.

Интегрированная отчетность устроена таким образом, что отдельный раздел посвящен описанию системы управления рисками [8]. Для естественных монополий характерно описание внутренних рисков в соответствии с каждым видом их деятельности, а с учетом многочисленных санкций в отношении РФ большинство российских корпораций начали объяснять потенциальные потери, вызванные внутренними факторами. Тем не менее, данные кор-

порации не отрицают и возможности минимизации рисков посредством проведения мониторинга ситуации. Для МСФО характерно описание различных видов операционных и финансовых рисков и их конкретизация, но при этом совершенно не предоставляется их количественная оценка. Как показывает практика, в отчетах, составленных в соответствии с МСФО, рассматриваются судебные разбирательства в отношении к группе компаний и их влияние на ее дальнейшую деятельность. В соответствии с РПБУ, риски хозяйственной деятельности компании практически не рассматриваются, хотя в некоторых отчетах и выделяется соответствующий пункт. В нем описывается стандартный механизм управления и мониторинга рисков. Для конкретизации текущего положения компании наиболее крупные холдинги могут указывать ссылку на официальный сайт.

Более адаптированная под современные реалии ведения бизнеса интегрированная отчетность рассматривает связь достижения стратегических целей с реализацией миссии компании. Большинство российских компаний, составляющих интегрированные отчеты, стремятся отразить результаты реализации своих стратегий в текущем периоде. В отчетности по МСФО стратегия компании в основном не сформулирована, а распределение ресурсов отражается по сегментам деятельности. В РПБУ полностью отсутствует стратегическое видение компании и обоснование распределяемым ресурсам.

Информация о результатах деятельности компании (группы) присутствует во всех типах отчетов, но с дифференцированными целями. Так, интегрированные отчеты рассматривают консолидированную финансовую отчетность в приложениях без соблюдения порядка нумерации разделов активов и пассивов, характерной для правил РПБУ. Несмотря на то, что натуральные показатели деятельности также можно встретить и в пояснениях к бухгалтерскому балансу, разработчики интегрированных отчетов стремятся анализировать данные показатели в различных разрезах (обобщенный итог, деятельность компании в различных регионах, продажи на внешнем рынке и т. д.). Поскольку интегрированные отчеты признают важность как финансовой, так и управленческой информации для деятельности компании, такая группировка является обоснованной. Отчеты, составленные по принципам МСФО, представляют показатели деятельности группы компаний в консолидированном бухгалтерском балансе. Более детализированная финансовая информация показана в отчетах о совокупном доходе, движении денежных средств и изменениях в капитале, а поскольку деятельность группы сосредоточена на различных сегментах, то финансовые показатели деятельности могут быть представлены в сегментном разрезе. Поскольку отчетность, составленная по правилам РПБУ, является финансовой, то показатели деятельности компании отражаются в бухгалтерском балансе и приложениях к нему.

Последний элемент интегрированной отчетности – «Перспективы на будущее» – носит более свободный характер, чем остальные элементы. Так, при помощи долгосрочной программы развития компания конкретизирует цели, которые стремится достичь за определенный период времени *(восполнение запасов, рост добычи и т. д.)*. При этом большую роль играет обоснование ресурсов, которые владельцы компании собираются использовать с целью достижения лучших результатов деятельности. Для отчетов, составленных по принципам интегрированной отчетности и МСФО, характерно описание событий после отчетной даты. Тем не менее МСФО не регламентируют описание анализа их последствий. В соответствии с РПБУ, планы компании и будущие перспективы ее деятельности не прописываются.

Итоги проведенного анализа позволяют отметить, что большинство элементов интегрированной отчетности носят трудоемкий характер, требующий полного контроля за использованием всех видов капитала, оказывающих воздействие на стоимость компании, а также формирования прозрачной информации о ее деятельности, что в настоящий момент затруднительно для отечественных организаций, большая доля которых относится к мелкому и среднему бизнесу [9]. Несмотря на то, что действующие на российском рынке компании крупного бизнеса относятся к сырьевому сектору экономики и владеют свыше 65 % производственных мощностей, принадлежащих государству, их количество в настоящий момент недостаточно высоко в сравнении с крупными корпорациями США.

Таким образом, развитые государства, высокая доля ВВП которых приходится на общеизвестные холдинги с мировым именем, оказались более приспособленными к интегрированной форме ведения отчетности, чем Россия. Большинству российских компаний на первом этапе необходимо стабилизировать финансовые показатели деятельности (достижение прибыли как результата на протяжении трех лет, формирование собственного оборотного капитала, своевременное погашение кредиторской задолженности и обязательств), а затем применять креативный и нестандартный подход к определению миссии, бизнес-модели и перспектив деятельности.

Несмотря на то, что отчеты, составленные по правилам РПБУ, считаются перегруженными сложной финансовой информацией, а интегрированная отчетность должна включать в себя только самые актуальные сведения о деятельности компании, большинство российских разработчиков на данный момент не обладают профессиональными навыками ее составления, что также влияет на низкую популярность интегрированных отчетов в России [10]. Для перехода российских компаний на составление таких отчетов необходима выработка баланса, позволяющего в полной мере учитывать интересы всех пользователей информации – текущих и потенциальных клиентов, контролирующих органов власти, сотрудников компании, что в данный момент трудно осуществить.

Литература

1. Глушко Д. А. Интегрированная отчетность и перспективы ее внедрения в Российской Федерации // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 1. С. 126–130.

2. Интегрированная отчетность: а вы готовы? Режим доступа: www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-integrated-reporting-rus/$FILE/EY-integrated-reporting-rus.pdf (дата обращения: 20.09.2017)

3. Кондрашова О. Р. Интеграция финансового и управленческого учета при формировании информации по сегментам в кооперативных организациях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 457.

4. Шамонин Н. Н. Интегрированная отчетность и ее аудит – современное состояние и направления развития // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 41(335). С. 41–49.

5. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов. Режим доступа: http://rspp.ru/simplepage/157 (дата обращения: 24.09.2017)

6. Международный стандарт <ИО> Режим доступа: integratedreporting.org/wp-content/uploads/2015/03/13-12-08-THE-INTERNATIONAL-IR-FRAMEWORK.docx_en-US_ru-RU.pdf (дата обращения: 22.09.2017)

7. Рудакова Т. А., Трубченкова Е. И. Интегрированная отчетность как информационный источник группы взаимосвязанных организаций // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017. № 3. С. 59–64.

8. Гусева Е. С. Особенности развития интегрированной отчетности в условиях глобализации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 5(180). С. 15–18.

9. Дружиловская Т. Ю. Проблемы интегрированной отчетности в публикациях современных ученых // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 11(353). С. 55–64.

10. Хакимзянова Л. Х. Интегрированная отчетность: сущность и проблемы внедрения в России // Альманах современной науки и образования. 2016. № 8(110). С. 109–114.

MAIN APPROACHES TO INFORMATION PRESENTATION IN INTEGRATED REPORTING

Rashida T. Unshchikova[1, @1], Egor A. Kirienko[1, @2]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] unshch9@rambler.ru
[@2] egor.kirienko2011@yandex.ru

Received 12.10.2017. Accepted 28.11.2017.

Keywords: integrated reporting, consolidated report, business model, organization's external environment, IFRS, financial accounting.

Abstract: In many developed countries integrated reporting currently acts as an indicator of the value and success of the company's development in different types of markets. This type of reporting is designed to form a business model, improve management effectiveness and give the most objective assessment of the company's risks and opportunities. In integrated reports particular attention is given to the presentation of performance results for production and financial indicators. Nevertheless, most Russian companies due to the small scale of their activities and weak competencies in the sphere of accounting are not ready to provide information in this format at the moment. The most prepared industry for the formation of integrated reports is the energy sector, related to natural monopolies. Accordingly, the authors carry out a comparative analysis of methods of information coverage on the main elements of integrated reporting in order to identify the potential opportunities of companies that develop reports on the principles of international financial reporting standards (IFRS) or the Russian standards of the Generally Accepted Accounting Practices (GAAP).

For citation: Unshchikova R. T., Kirienko E. A. Osnovnye podkhody k formirovaniiu informatsii v integrirovannoi otchetnosti [Main Approaches to Information Presentation in Integrated Reporting]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 3 (2017): 76–81.

References

1. Glushko D. A. Integrirovannaia otchetnost' i perspektivy ee vnedreniia v Rossiiskoi Federatsii [The Integrated Reporting and the Prospects of its Implementation in the Russian Federation]. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit,* no. 1 (2016): 126–130.

2. *Integrirovannaia otchetnost': a vy gotovy?* [Integrated reporting: are you ready?]. Available at: www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-integrated-reporting-rus/$FILE/EY-integrated-reporting-rus.pdf (accessed 20.09.2017)

3. Kondrashova O. R. Integratsiia finansovogo i upravlencheskogo ucheta pri formirovanii informatsii po segmentam v kooperativnykh organizatsiiakh [Integration of financial and managerial accounting for the information presentation by segment in cooperative organizations]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 5 (2013): 457.

4. Shamonin N. N. Integrirovannaia otchetnost' i ee audit – sovremennoe sostoianie i napravleniia razvitiia [Integrated reporting and its audit: the current state and development trends]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*, no. 41(335) (2014): 41–49.

5. *Natsional'nyi Registr i Biblioteka korporativnykh nefinansovykh otchetov* [National Register and Corporate Non-Financial Reports Library]. Available at: http://rspp.ru/simplepage/157 (accessed 24.09.2017)

6. *Mezhdunarodnyi standart <IO>* [International Standard <IR>]. Available at: integratedreporting.org/wp-content/uploads/2015/03/13-12-08-THE-INTERNATIONAL-IR-FRAMEWORK.docx_en-US_ru-RU.pdf (accessed 22.09.2017)

7. Rudakova T. A., Trubchenkova E. I. Integrirovannaia otchetnost' kak informatsionnyi istochnik gruppy vzaimosviazannykh organizatsii [Integrated reporting as a information source of the group of interchanged organizations]. *Ekonomika. Professiia. Biznes = Economy. Profession. Business*, no. 3 (2017): 59–64.

8. Guseva E. S. Osobennosti razvitiia integrirovannoi otchetnosti v usloviiakh globalizatsii [Development of integrated reporting in the context of globalization]. Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. *Ekonomicheskie nauki= Scientific and technical lists of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*, no. 5(180) (2013): 15–18.

9. Druzhilovskaia T. Iu. Problemy integrirovannoi otchetnosti v publikatsiiakh sovremennykh uchenykh [Integrated reporting issues in publications of contemporary scientists]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*, no. 11(353) (2015): 55–64.

10. Khakimzianova L. Kh. Integrirovannaia otchetnost': sushchnost' i problemy vnedreniia v Rossii [Integrated reporting: essence and problems of implementation in Russia]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of Modern Science and Education,* no. 8(110) (2016): 109–114.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Региональное развитие: экономика и социум»
Специальная тема: МОНОГОРОДА

21–22 марта 2018 года
г. Кемерово

Организаторы конференции: Министерство образования и науки РФ; Администрация Кемеровской области; Областной Совет народных депутатов Кемеровской области; Центральный экономико-математический институт РАН; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Кемеровский государственный университет; Ассоциация «Совет муниципальных образований Кемеровской области».

Партнеры конференции: журнал «Экономическая наука современной России»; журнал ЭКО; Новосибирский государственный технический университет; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Юргинский технологический институт национального исследовательского Томского политехнического университета.

Цель конференции – обсудить результаты исследований в области региональной экономики, публичного управления, социологии территорий, кластерной теории, урбанистики, а также стимулировать межрегиональные связи научного сообщества, бизнеса, органов публичного управления и гражданского общества.

Место проведения: г. Кемерово, Кемеровский государственный университет.

Программный комитет конференции:

1. Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор РАН, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, председатель Совета ректоров вузов Кемеровской области, ректор КемГУ, председатель программного комитета (Россия, Кемерово).
2. Клейнер Г. Б. – член-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора ЦЭМИ РАН, председатель Научного совета «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» РАН, Президент Международной академии организационных наук, главный редактор журнала «Экономическая наука современной России» (Россия, Москва).
3. Крюков В. А. – член-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, директор ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, главный редактор журнала ЭКО (Россия, Новосибирск).
4. Качалов Р. М. – д-р экон. наук, профессор, зав. лабораторией издательской и маркетинговой деятельности ЦЭМИ РАН, генеральный директор Международного научного фонда экономических исследований академика Н. П. Федоренко (Россия, Москва).
5. Черданцев С. А. – зам. губернатора Кемеровской области по инвестициям и инновациям (Россия, Кемерово).
6. Шамгунов Д. А. – зам. губернатора Кемеровской области по экономическому развитию (Россия, Кемерово).
7. Курбатова М. В. – д-р экон. наук, профессор, директор ИЭУ КемГУ, зав. кафедрой экономической теории и государственного управления ИЭУ КемГУ, заместитель председателя программного комитета (Россия, Кемерово).
8. Иванова О.П. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента им. И. П. Поварича ИЭУ КемГУ, академик Международной Академии организационных наук, руководитель Регионального центра предиктивной бизнес-аналитики ИЭУ КемГУ, председатель организационного комитета (Россия, Кемерово).
9. Левин С. Н. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и государственного управления ИЭУ КемГУ, член правления МАИИ (Россия, Кемерово).
10. Вершинина Л. И. – исполнительный директор Совета МО Кемеровской области (Россия, Кемерово).

Организационный комитет конференции:

1. Иванова О. П. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента им. И. П. Поварича ИЭУ КемГУ, академик Международной Академии организационных наук, руководитель Регионального центра предиктивной бизнес-аналитики ИЭУ КемГУ, председатель организационного комитета (Россия, Кемерово).
2. Левин С. Н. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и государственного управления ИЭУ КемГУ, член правления МАИИ, заместитель председателя организационного комитета (Россия, Кемерово).
3. Мекуш Г. Е. – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой региональной экономики ИЭУ КемГУ, академик Международной Академии организационных наук, руководитель Центра региональных исследований и консалтинга ИЭУ КемГУ.
4. Антонов Г. Д. – д-р экон. наук, профессор, академик МАОН, академик РАЕ, академик РАЕН, директор ЧОУ ДПО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров».
5. Кранзеева Е. А. – канд. социол. наук, доцент, зав. кафедрой социологических наук СПИ КемГУ.
6. Шубина Н. П. – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и государственного управления, исполнительный директор Программы развития КемГУ, руководитель проектного офиса Центра дополнительного образования КемГУ.

7. Сурцева А. А. – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и государственного управления ИЭУ КемГУ.
8. Донова И. В. – старший преподаватель кафедры менеджмента им. И. П. Поварича ИЭУ КемГУ.
9. Бурмакина А. Л. – ассистент кафедры социологических наук СПИ КемГУ.
10. Мухачёва А. В. – канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры менеджмента им. И. П. Поварича ИЭУ КемГУ, ответственный секретарь организационного комитета.

Тематические направления конференции

Секция 1. Стратегии регионального и муниципального развития: необходимость и проблемы согласования.

- Макро-, мезо- и микроэкономические системы – объекты и субъекты стратегического планирования.
- Механизмы системной координации в экономике.
- Системная экономическая политика и системная безопасность.
- Взаимосвязь развития региона и моногорода.
- Стратегическое планирование на муниципальном уровне: необходимость, проблемы и совершенствование методологии.
- Моногород как социально-экономическая проблема региона.
- Оценка сложности социально-экономической ситуации в моногородах.
- Новые парадигмы регионального и муниципального развития.
- Результативность и эффективность публичного управления в контексте решения проблем моногородов.
- Современные стратегии устойчивого развития территорий.
- Моногород: сравнительный анализ доступности и эффективности использования налоговых льгот, преференций, мер поддержки.

Секция 2. ТОСЭР в моногородах: оценка опыта, проблемы и перспективы.

- Возможности и риски получения статуса ТОСЭР моногородом.
- ТОСЭР: первые уроки и работа над ошибками.
- Привлечение резидентов и инвесторов на ТОСЭР моногорода: проблемы, ограничения и пути их преодоления (как преодолеть входной порог для инвесторов).
- Статус резидента ТОСЭР: плюсы и минусы.
- Преодоление ограничений для развития новых отраслей на ТОСЭР моногорода.
- Институциональная среда инвестиционного климата ТОСЭР моногородов.
- Роль сетизации в развитии ТОСЭР моногородов и межотраслевые территориальные инновационные сети.
- Стратегия открытых инноваций и создание новых индустрий путем формирования дополнительных цепочек создания стоимости.
- Рождение малых инновационных фирм вокруг крупных предприятий.

Секция 3. Диверсификация экономики моногородов.

- Проектное управление развитием моногородов.
- Проекты диверсификации экономики моногородов.
- Кластерный подход к развитию регионов и моногородов.
- Предиктивная бизнес-аналитика – инструмент оценки потенциала развития моногорода и выбора направлений развития.
- Развитие малого и среднего предпринимательства в монопрофильных городах.
- Управленческий консалтинг для модернизации экономики моногородов.
- Технологическое предпринимательство.
- Развитие аутсорсинга в моногородах.

Секция 4. Роль опорного университета в развитии региона и моногородов.

- Диверсификация образования в целях развития региона и моногородов.
- Роль опорного университета в формировании и развитии научно-технологического и образовательного потенциала региона и моногородов.
- Социально-экономические проблемы преобразования научной и инновационной деятельности моногородов.
- Интеллектуальные технологии в информационных и территориальных системах, науке и образовании.
- Формирование на базе университета центра компетенций для внедрения беспилотных летательных аппаратов в региональную промышленность и сельское хозяйство.
- Роль опорного университета в решении кадровых проблем ТОСЭР моногородов.
- Формирование многоуровневой системы сетевого взаимодействия социальных институтов по выявлению и развитию талантливых детей и подростков с различными проявлениями одарённости и таланта.
- Школа развития технологического предпринимательства «Инсайт»: продвижение инновационной экосистемы, формирующей предпринимательские компетенции у студентов вуза.

Секция 5. Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика.

- Оценка качества жизни в моногородах.
- Социально-производственный комплекс моногорода: согласование интересов и ожиданий населения, бизнеса и органов власти.
- Социальные практики и поведение жителей моногородов

- Привлекательность моногородов.
- Четвертная спираль в решении проблем моногородов.
- Урбанистические идеи для развития моногородов.
- Прикладная урбанистика.
- Прикладные исследования для улучшения качества жизни в моногородах

Статьи, подготовленные на материалах конференции, будут опубликованы в журнале *«Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки»* с постатейным индексированием в РИНЦ в соответствии с требованиями и политикой редакции.

В рамках конференции планируется провести молодежную секцию, для участия в которой приглашаются обучающиеся бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Контакты

Мухачёва Анна Валентиновна – канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры менеджмента им. И. П. Поварича ИЭУ КемГУ, ответственный секретарь оргкомитета конференции.

E-mail: kemgu.monogoroda.conf@mail.ru.

Адрес оргкомитета конференции: Россия, 650043, г. Кемерово, пр. Ермака, 7.

16+

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Плисеко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 25.12.2017. Формат А 4.
Дата выхода в свет 25.01.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 10,6. Уч.-изд. л. – 8,1.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.